

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Археология и этнография»

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Н. В. Полосьмак чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amir Khanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board

of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

A. I. Krivoshapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kradin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- N. V. Polosmak Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Astana, Republic of Kazakstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 5: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Селецкий М. В., Мильникова Л. Н.* Трехмерное моделирование в исследованиях глиняных сосудов саргатской культуры раннего железного века Барабы: фиксация метрических характеристик 9

История и теория науки, новые методы исследования

- Уланов И. В.* Исследования технологии изготовления неолитической керамики в археологии Байкало-Енисейской Сибири. Историкографический очерк 19
- Ван Пэн.* Изучение культур бронзового и раннего железного веков Южной Сибири китайскими археологами в первой половине XX века 35
- Нестеров С. П., Алкин С. В.* Изучение К. А. Железняковым археологических памятников хэйшуй мохэ в Северной Маньчжурии на реке Ашихэ в 1930–1940-е годы 45

Археология Евразии

- Павленок К. К., Когай С. А., Сосин П. М., Филатов Е. А., Деревнина А. С., Петржик Н. М., Курбанов Р. Н., Мухтаров Г. А., Кривошапкин А. И.* Культурная мозаика среднего палеолита Западного Тянь-Шаня: стоянка Куксарай-2 56
- Белюсова Н. Е., Федорченко А. Ю., Михиенко В. А., Гурулев Д. А.* Феномен мелкопластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита Горного Алтая 72
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Батболд Н., Ненахова Ю. Н., Зоткина Л. В., Умирбек Б.* Новые петроглифы правобережья реки Бага-Ойгур на северо-западе Монголии 95
- Попова Б. С.* Памятники ирменской культуры в Томском Приобье 106

Кудинова М. А. Погребальные комплексы эпохи Шестнадцати варварских государств в Хэсийском коридоре: локальная и хронологическая специфика 117

Русланов Е. В., Ахметова Е. А., Кисагулов А. В. Использование фаланг лошади населением чияликской культуры по материалам селища Ябалаклы-1 (Южный Урал) 129

Этнография народов Евразии

Бурнаков В. А. Дерево в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) 143

Николаев В. В. Коренные тюркоязычные народы и урбанизация Южной Сибири (XX – начало XXI века) 156

Список сокращений 168

Информация для авторов 169

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Seletsky M. V., Mylnikova L. N.* Study of Early Iron Age Vessels Using 3D-Modeling (Based on Baraba, Sargat Culture): Metric Characteristics 9

History and Theory of a Science, New Research Methods

- Ulanov I. V.* Technological Study of the Neolithic Pottery in Archaeology of Baikal-Yenisei Siberia. Historiographical Essay 19
- Wang Peng.* The Studies of the Bronze Age and Early Iron Age Cultures of Southern Siberia by Chinese Archaeologists in the First Half of the 20th Century 35
- Nesterov S. P., Alkin S. V. K. A.* Zheleznyakov's Study of the Archaeological Sites of Heishui Mohe in Northern Manchuria on the Ashihe River in the 1930s – 1940s 45

Archaeology of Eurasia

- Pavlenok K. K., Kogai S. A., Sosin P. M., Filatov E. A., Derevnina A. S., Petrzhik N. M., Kurbanov R. N., Mukhtarov G. A., Krivoshapkin A. I.* Cultural Mosaic of the Middle Paleolithic in Western Tien Shan: The Kuksarai-2 Site 56
- Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Mikhienko V. A., Gurulev D. A.* Phenomenon of Early Upper Palaeolithic Bladelet Assemblages in the Altai Mountains 72
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., Batbold N., Nenakhova Yu. N., Zotkina L. V., Umirbyek B.* New Petroglyphs of the Baga-Oygur River (Right Bank) in Northwestern Mongolia 95
- Popova B. S.* Archaeological Sites of Irmen Culture in the Tomsk Ob Region 106

<i>Kudinova M. A.</i> Burial Complexes of the Sixteen Barbarian States Period in Hexi Corridor: Local and Chronological Specifics	117
<i>Ruslanov E. V., Akhmetova E. A., Kisagulov A. V.</i> The Use of the Horse Phalanx by the Chiyalik Culture Population Based on the Materials of the Settlement of Yabalakly-1 (South Urals)	129
Ethnography of the Peoples of Eurasia	
<i>Burnakov V. A.</i> Tree in the Khakass Traditional Funeral Rites (Late 19 th – Mid 20 th Century)	143
<i>Nikolaev V. V.</i> Indigenous Turkic-Speaking Peoples and the Urbanization of Southern Sibe- ria (20 th – Early 21 st Century)	156
List of Abbreviations	168
Instructions to Contributors	169

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-9-18

Трехмерное моделирование в исследованиях глиняных сосудов саргатской культуры раннего железного века Барабы: фиксация метрических характеристик

Максим Владимирович Селецкий¹
Людмила Николаевна Мыльникова²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ archmax95@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

² l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Аннотация

Представлены результаты серии экспериментов, касающихся сравнения компьютерных и мануальных замеров метрических характеристик керамики – диаметра венчика и высоты сосудов. Эксперименты проведены на основе 3D-моделей трех сосудов из глины. Респонденты представлены двумя группами: специалисты в области археологии палеометалла и археологии каменного века. По результатам предварительного статистического анализа, расхождения групп исследователей по метрическим измерениям сосудов отсутствуют. В сравнении с компьютерно-мануальными параметрами при реализации статистического анализа допустимо изучение мануальных значений, определенных в рамках одной плоскости (диаметр венчика). На поверхностях со сложным рельефом (высота сосуда) исследователи должны обратиться к машинным данным или применять специализированные инструменты (например, профиломеры). Апеллирование к точным параметрам артефактов возможно с помощью применения методов трехмерного моделирования.

Ключевые слова

сосуды из глины, 3D-моделирование, эксперимент, группы респондентов

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)».

Авторы выражают благодарность за участие в эксперименте канд. ист. наук Н. Е. Белоусовой, канд. ист. наук А. Е. Гришину, канд. ист. наук Н. С. Ефремовой, канд. ист. наук Ж. В. Марченко, канд. ист. наук Т. И. Нохриной, Е. В. Левиной, В. А. Михиенко, А. А. Некраш, А. В. Титовой, А. Ю. Федорченко.

Для цитирования

Селецкий М. В., Мыльникова Л. Н. Трехмерное моделирование в исследованиях глиняных сосудов саргатской культуры раннего железного века Барабы: фиксация метрических характеристик // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-9-18

Study of Early Iron Age Vessels Using 3D-Modeling (Based on Baraba, Sargat Culture): Metric Characteristics

Maxim V. Seletsky ¹, Liudmila N. Mylnikova ²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ archmax95@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

² l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Abstract

Purpose. The purpose of the paper is to approve and identify the possibilities of 3D modelling in the study of the Early Iron Age vessels.

Methods. A series of experiments comparing computer and manual measurements of the vessels metric characteristics have been carried out (corolla diameter and vessel height). The experiments are based on 3D-models of three Early Iron Age vessels: a complete round-bottom vessel; a complete flat-bottom vessel; a fragmented round-bottom vessel. The respondents are represented by two groups: Iron/Bronze age and Stone Age researchers. The methods of statistics and arithmetic were used to process the results. The obtained computer and manual metric characteristics were subjected to arithmetic and statistical analyses.

Results. It was revealed that the differences in measuring the corolla diameter between two groups were 0.1–1 mm. Measurements of vessels height by Stone Age researchers are more exact: the difference at the minimum discrepancies is less than 1 mm, the maximum values diverged up to 7 mm. According to the results of preliminary statistical analysis, there are no differences between the researcher groups on metric measurements of vessels. Statistical analysis showed that the results of manual measurements of simple objects (corollas) are sufficiently accurate and can be used for research. If a complex object (the complete vessel) is to be measured, it is better to use computerised measurements. Manipulation of high-precision artefact measurements is possible through the application of 3D-modelling.

Keywords

vessels, 3D-modeling, experiment, groups of respondents

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation Project No. 22-18-00012 “Elite mounds of the Sargat culture of the Early Iron Age in the Ob-Irtysh forest-steppe (Novosibirsk district)”.

The authors express their gratitude to N. E. Belousova, A. E. Grishin, N. S. Efremova, Zh. V. Marchenko, T. I. Nokhrina, E. V. Levina, V. A. Mikhienko, A. A. Nekrash, A. V. Titova, A. Yu. Fedorchenko.

For citation

Seletsky M. V., Mylnikova L. N. Study of Early Iron Age Vessels Using 3D-Modeling (Based on Baraba, Sargat Culture): Metric Characteristics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-9-18

Введение

Сосуды из глины являются важнейшим источником для интерпретации культурных процессов, происходивших с периода неолита вплоть до этнографического времени [Бобринский, 1978; Глушков, 1986; Дьякова, 1984; Жущиховская, 2004; Илюшина, 2016; Краева, 2017; Мочалов, 2008]. В рамках спецкурса «Керамика как археологический источник» при подготовке студентов по специальности «Археология» важное место занимает тема «Формы керамических сосудов». Несмотря на обширную литературу по данному вопросу (подбор литературы см.: [Формы глиняных сосудов..., 2018]), большинство предложенных подходов основано на соотношении параметров сосудов. Исследования, в которых анализируются метрические характеристики этой категории артефактов, обычно базируются на мануальных измерениях линейкой и / или штангенциркулем.

Такие способы фиксации метрических характеристик не приводят к получению постоянных значений даже при работе с визуально простыми орудиями [Селецкий и др., 2020]. Одним из решений данной проблемы является применение методов трехмерного моделирования.

ния, поскольку компьютерные измерения следуют одному повторяющемуся алгоритму, из-за чего полученные данные не разнятся [Karasik, Smilansky, 2008].

Цель настоящего исследования заключается в апробации и выявлении основных возможностей использования методов 3D-моделирования при изучении керамических сосудов раннего железного века.

Материалы и методы

Источником для написания данной работы послужила коллекция керамических сосудов саргатской культуры раннего железного века кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы [Мильникова и др., 2022]. Из насыпи и 22-х погребений выявлено 32 сосуда – целые и фрагментированные [Там же]. Артефакты были подвергнуты трехмерному моделированию посредством применения сканера структурированного подсвета «RangeVision Spectrum» при использовании следующего программного обеспечения: «RangeVision ScanCentre», «Geomagic WRAP», «Geomagic Design X», «Keyshot 10» (все – trial version) [Чистяков и др., 2021].

Для реализации экспериментов по замерам метрических характеристик компьютерным и мануальными способами были отобраны три сосуда.

Сосуд 1 (рис. 1) – целый, круглодонный, закрытый (диаметр венчика меньше максимального диаметра тулова), горшковидный, с очень низкой горловиной, сформированной путем отгиба наружу приостренного венчика.

Сосуд 2 (рис. 2) – целый, плоскодонный, закрытый, горшковидный, с высокой горловиной, отогнутой наружу, округлым в плане венчиком.

Сосуд 3 (рис. 3) – фрагментирован, круглодонный, закрытый, горшковидный, с высокой горловиной, отогнутой наружу, округлым в плане венчиком.

В эксперимент приглашены 12 исследователей ИАЭТ СО РАН: семь из них занимаются проблемами археологии палеометалла, пять – каменного века. Экспериментальная база по технологическим вопросам гончарства в России разработана. «Более сложными в плане обоснования и представления результатов являются эксперименты, ориентированные на исследование поведенческих стереотипов» [Собольникова, 2008]. Но именно такие эксперименты актуальны сегодня. В связи с тем, что количество участников эксперимента является не репрезентативным (менее 30), настоящее исследование носит предварительный характер.

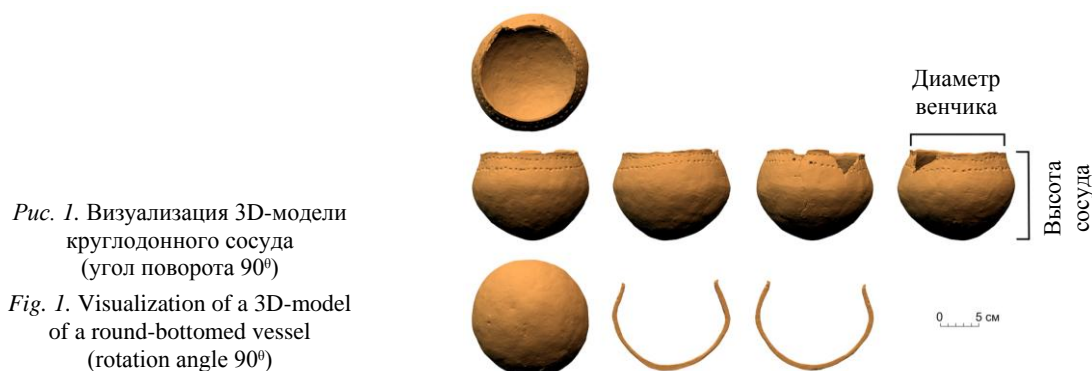

Рис. 1. Визуализация 3D-модели круглодонного сосуда (угол поворота 90°)

Fig. 1. Visualization of a 3D-model of a round-bottomed vessel (rotation angle 90°)

Респонденты отбирались случайным образом. Но учитывался их исследовательский опыт работы с керамическими изделиями. Пятеро из них прослушали курс «Керамика как археологический источник» в НГУ и имели опыт анализа этой категории археологических артефактов только в полевых условиях. Остальные (семеро) – опытные исследователи, которые активно участвуют в раскопках работ памятников эпох неолита, бронзового и железного веков, средневековья и активно публикуются в ведущих российских и международных журналах по тематике представленных выше комплексов.

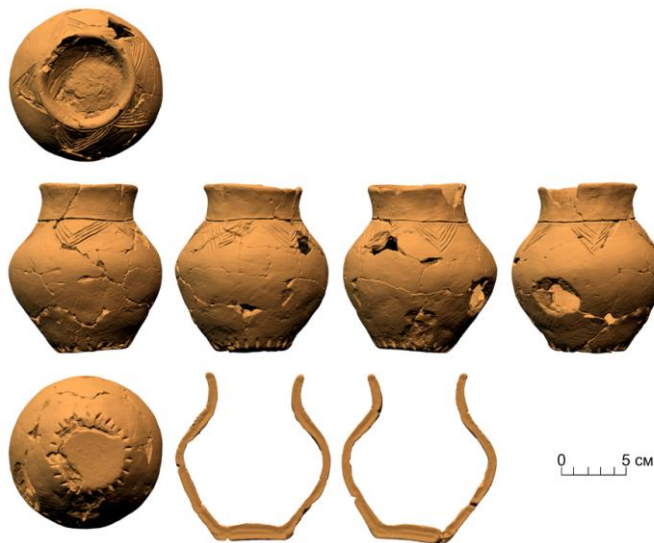

Рис. 2. Визуализация 3D-модели плоскодонного сосуда
Fig. 2. Visualization of a 3D-model of a flat-bottomed vessel

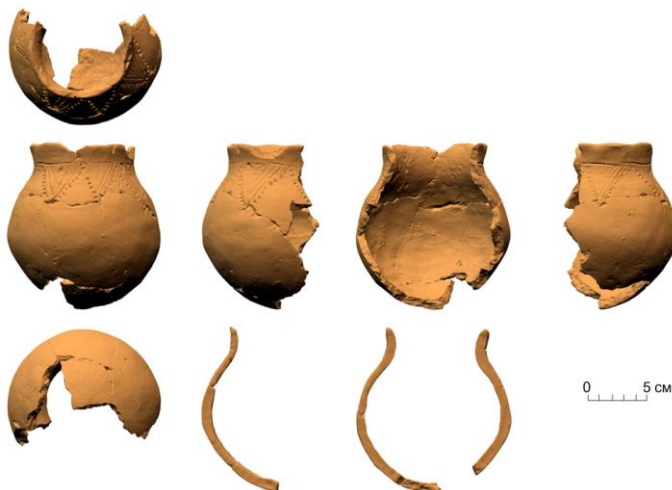

Рис. 3. Визуализация 3D-модели фрагмента круглодонного сосуда
Fig. 3. Visualization of a 3D-model of a fragment of a round-bottomed vessel

Участникам эксперимента были предложены инструменты: линейки, треугольники, штангенциркули. Поставлена задача (без дополнительных пояснений): провести измерение диаметра венчика и высоты сосудов.

Методологическую базу этого исследования составили примеры Л. Гросман [Grosman et al., 2008]. Частично такой способ анализа археологических артефактов был апробирован при изучении коллекций каменных ударно-абразивных орудий [Белюсова и др., 2023; Селецкий и др., 2020].

В качестве точного показателя метрических характеристик археологических артефактов выбраны компьютерные замеры диаметров венчиков и высоты сосудов. Поскольку программные данные являются постоянными, их значение не изменяется в зависимости от количества фиксаций.

Для этого в программе «Geomagic Design X» были выделены модели сосудов, а расчет нужных параметров происходил путем выявления компьютером наборов точек, располагающихся параллельно и / или субпараллельно и создающих наибольшие плоскости на поверхности артефактов. Далее рассчитывались метрические характеристики этих плоскостей, откуда мы и получили диаметр венчика и высоту сосуда в миллиметрах.

«Компьютерно-мануальные» замеры метрических характеристик исследуемых объектов производились в программе «Geomagic Design X» путем установки двух точек на противоположных краях венчика и от венчика до дна сосуда, между которыми измерялась дистанция. Визуализация полученных данных происходила в программах «Keyshot 10» (проекция сосудов) и «Statistica 12» (графическое отображение метрических параметров).

Мануальные же измерения подверглись арифметическому анализу в совокупности с мерой описательной статистики. Для фиксации расхождения показателей приведены его диапазон и среднее арифметическое.

В рамках статистического анализа экспериментальных выборок были применены следующие методы: дисперсионный тест ANOVA и t-критерий Стьюдента. Подсчеты осуществлялись в программе PAST [Hammer et al., 2001].

Результаты исследования

В рамках исследования проведена серия экспериментов, касающихся сравнения компьютерных и мануальных замеров метрических характеристик керамики.

Первая часть эксперимента состояла в измерении метрических характеристик круглодонного сосуда. Диаметр его венчика, согласно компьютерным данным, составляет 128,27 мм, высота – 119,26 мм (см. рис. 1).

Максимальные и минимальные расхождения в показаниях респондентов при фиксации диаметра венчика составляют 1,97 и 0,27 мм, высоты – 13,26 и 1,26 мм соответственно. Среднее арифметическое измерений респондентов составляет: диаметр венчика – 127,38 мм, высота – 114,09 мм. Респонденты, участвующие в эксперименте, кроме одного замера, указали меньшие метрические характеристики относительно программных.

Если рассматривать результаты группы специалистов в этой области и исследователей археологических объектов каменного века, то здесь получены следующие результаты. У первой группы погрешность при измерении диаметра венчика составила 0,27–1,27 мм, у второй – 0,27–2,27 мм. При фиксации высоты сосуда неточность у первой группы составила 3,26–13,26 мм, второй – 1,26–6,96 мм.

Суммируя изложенные данные, отметим, что первая группа была более точна в максимальных значениях при измерении диаметра венчика (разница 1 мм – максимальное значение), вторая группа – при измерении высоты сосуда (разница 2 мм – минимальное значение, 6,3 мм – максимальное значение).

Следующий этап эксперимента включал замеры параметров плоскодонного сосуда (максимальный диаметр венчика – 75,23 мм, высота сосуда – 130,72 мм; см. рис. 2). Максимальные и минимальные расхождения при фиксации диаметра венчика составляют 3,01 и 0,21 мм, высоты – 13,5 и 2,6 мм соответственно. Согласно приведенным выше данным, среднее арифметическое мануальных замеров диаметра венчика – 82,67 мм, высоты сосуда – 127,57 мм.

Респонденты указали меньшие метрические характеристики при фиксации высоты сосуда, однако при измерении диаметра венчика лишь три показателя были меньше компьютерного.

Если рассматривать неточности измерений диаметра венчика и высоты сосуда по группам, то первая получила следующие параметры: 0,21–3,01 и 4,34–19,94 мм; вторая – 0,21–3,01 и 3,84–11,34 мм соответственно. При анализе диаметра венчика диапазон неточностей совпадает у обеих групп. Интересны данные о расхождениях замеров высоты сосуда: специалисты по каменным индустриям оказались точнее как по минимальным, так и по максимальным значениям (разница 0,5 и 8,6 мм соответственно).

Для выявления возможности исследования мануальных метрических характеристик представленной категории артефактов с помощью методов статистики был проведен дополнительный эксперимент – сравнение параметров «компьютерно-мануальных» и мануальных измерений диаметра венчика и высоты рассматриваемого сосуда.

Поскольку все выборки продемонстрировали нормальность распределения по тесту Шапиро – Уилка, то для сравнения трех выборок использовался дисперсионный тест ANOVA. При сравнении измерений венчика сосуда 2, было получено значение теста $F = 2,56$, при $p = 0,1$, что означает отсутствие статистических различий между тремя группами «машинно-мануальных» и мануальных измерений (рис. 4, 1).

При сравнении длины между тремя выборками с использованием теста ANOVA получены значения теста $F = 9,94$, при $p = 0,001$ (рис. 4, 2). Этот результат свидетельствует о статистически значимой разнице между выборками. При этом попарное сравнение с использованием t -критерия Стьюдента показало статистическую разницу между мануальными и «компьютерно-мануальными» измерениями ($t = 4,5$, $p = 0,0013$ с группой 1; $t = 4,2$, $p = 0,0013$ с группой 2), при отсутствии разницы между двумя группами мануальных измерений ($t = 0,99$, $p = 0,34$). Это может означать, что мануальные отклонения увеличиваются при измерении артефактов со сложной формой. При этом обе группы респондентов не отличаются по качеству измерений друг от друга.

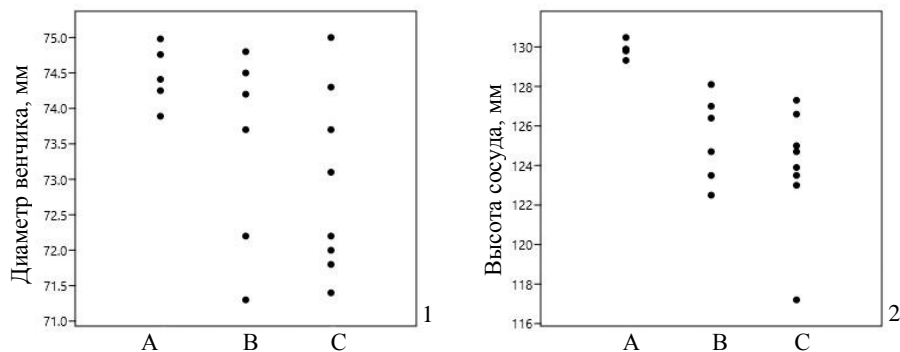

Рис. 4. График выборок «компьютерно-мануальных» и мануальных измерений плоскодонного сосуда:

1 – диаметр по венчику; 2 – высота сосуда (А – выборка «компьютерно-мануальных» измерений, В – выборка измерений первой группы исследователей; С – выборка измерений второй группы исследователей)

Fig. 4. Jitter plots showing comparison of “computer-manual” and manual measurements of a flat-bottomed vessel:

1 – the diameter of the corolla; 2 – vessel height (A – sample of “computer-manual” measurements, B – sample of measurements by Stone age researchers; C – sample of measurements by Iron/Bronze age researchers)

В рамках *третьего этапа эксперимента* проведен анализ метрических характеристик фрагмента круглодонного сосуда (диаметр венчика – 81,79 мм, высота сосуда – 138,34 мм; см. рис. 3). Максимальная и минимальная погрешности при замерах максимального диаметра венчика составляют 3,93 и 0,23 мм, высоты – 13,52 и 2,7 мм соответственно. Респонденты указывали меньшие величины при замерах высоты сосуда и расходились «в обе стороны», когда измеряли диаметр венчика. Среднее арифметическое мануальных замеров диаметра венчика составляет 73,19 мм, высоты сосуда – 124,6 мм.

При исследовании метрических характеристик диаметра венчика и высоты сосуда диапазон неточностей первой группы составил 0,23–3,83 и 3,42–13,52 мм, второй – 0,43–3,93

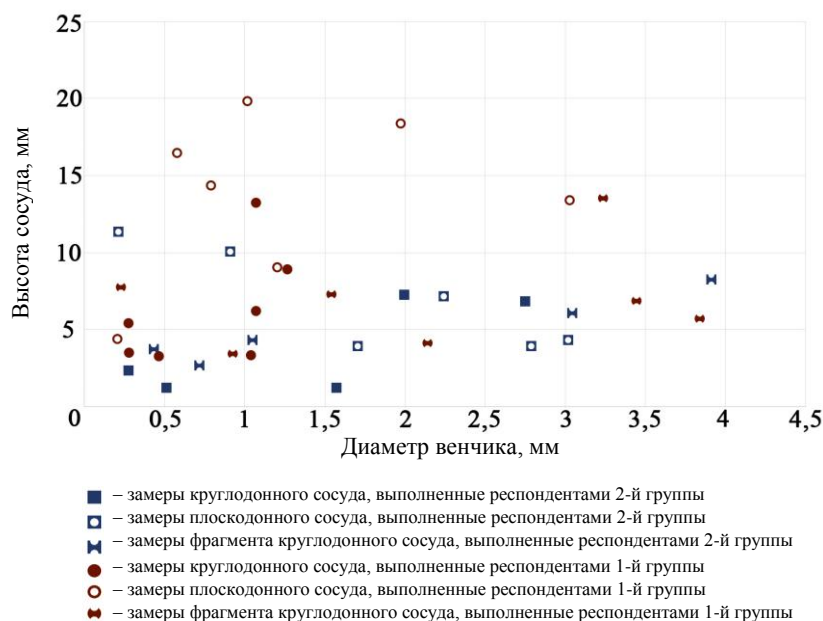

Рис. 5. Расхождение мануальных измерений с компьютерными (0 мм) при измерении диаметров венчиков и высоты исследуемых сосудов

Fig. 5. Discrepancy between manual measurements and computer ones (0 mm) when measuring the diameters of the corollas and the height of the vessels under study

и 2,62–8,22 мм соответственно (рис. 5). Первая группа оказалась точнее при измерении диаметра венчика как в минимальном, так и в максимальном значении (разница 0,2 и 0,1 мм соответственно), вторая группа значительно превзошла их показатели при фиксации метрических параметров высоты сосуда (разница 0,8 мм – минимальное значение, разница 7,3 мм – максимальное значение).

Обсуждение и выводы

По результатам проведенного исследования были апробированы методы изучения трехмерных моделей археологических артефактов, проведен эксперимент, заключающийся в сравнении мануальных замеров респондентов между собой и с программным параметром.

Наименьшие расхождения респондентов наблюдались в измерениях диаметра венчиков сосудов вне зависимости от их формы или целостности. В среднем до программной характеристики обеим группам не хватало от 0,1 до 3 мм. Что касается замеров высоты сосудов, ближе к компьютерному значению респондентам удалось исследовать плоскодонный сосуд (расхождение 3,15 мм по среднему арифметическому), большее расхождение отмечено с круглодонным изделием (5,17 мм) и фрагментом артефакта (13,74 мм). Это может быть связано с тем, что диаметр венчика фиксируется в рамках прямой плоскости. При замере высоты сосуда линейки, штангенциркули и пр. инструменты пересекаются с вогнутым и / или выгнутым рельефом венчика и туловом артефакта, что и создает такие расхождения в этом параметре у исследователей.

При анализе расхождений в измерении метрических параметров у двух групп археологов, разделенных по специализации, было выявлено, что параметры диаметра венчика не сильно расходились (0,1–1 мм). С другой стороны, при анализе значений высоты сосудов была выявлена следующая тенденция. Сотрудники отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН более точно зафиксировали этот параметр, но разница при минимальных расхождениях зачастую составляла менее 1 мм, тогда как максимальные значения расходились вплоть до 7 мм.

По результатам предварительного статистического анализа были выявлены следующие тенденции. Расхождения групп исследователей по метрическим измерениям сосудов отсутствуют. В сравнении с «компьютерно-мануальными» параметрами для реализации статистического анализа является допустимым изучение мануальных значений, определенных в рамках одной плоскости (диаметр венчика), когда как на поверхностях со сложным рельефом (высота сосуда) ученым следует обратиться к машинным данным или применять специализированные инструменты (например, профиломеры – копируемые шаблоны).

Согласно представленным выше предварительным результатам, можно констатировать, что точность мануальных измерений параметров сосудов не зависит от квалификации исследователя. «Простые» замеры (на плоскости без выраженного рельефа) фактически не отличаются от машинных и могут использоваться для проведения арифметического и статистического анализа. В случае с получением метрических характеристик морфологически «сложных» поверхностей мы зафиксировали значительную разницу по сравнению с машинными измерениями, поэтому лучше обратиться к компьютерным измерениям трехмерных моделей.

Изучение метрических характеристик керамических изделий является перспективным для выявления культурной и / или хозяйственно-бытовой специфики древних сосудов. Однако, чтобы проводить доказательные арифметические и статистические исследования, необходимо апеллировать к точным параметрам артефактов. Это становится достижимым с помощью применения методов трехмерного моделирования.

Список литературы

- Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Федорченко А. Ю.** Инструменты для обработки каменного сырья в индустриях начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 36–48. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-36-48
- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Глушков И. Г.** Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Дьякова О. В.** Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Жущиховская И. С.** Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2004. 311 с.
- Илюшина В. В.** Древняя керамика как источник историко-культурных и природных реконструкций // Экология древних и традиционных обществ: Материалы V Междунар. науч. конф. (Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.) / Под ред. Н. П. Матвеевой. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. Вып. 5, ч. 2. С. 74–77.
- Краева Л. А.** Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 352 с.
- Мочалов О. Д.** Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Изд-во СамГПУ, 2008. 252 с.
- Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Кудинова М. А., Ненахов Д. А., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Селин Д. В., Борзых К. А., Бобин Д. Н., Кравцова А. С., Некраш А. А., Попова Б. С., Титова А. А., Харитонов Р. М., Швецова Е. С.** Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 647–655.
- Селецкий М. В., Чистяков П. В., Федорченко А. Ю.** Возможности трехмерного моделирования при исследовании каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита // Про-

блемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. С. 231–237.

- Собольникова Т. Н.** Моделирование способов конструирования сосудов боборыкинского типа (к вопросу о передаче технологических традиций в древнем гончарстве) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2008. Т. 7, № 3: Археология и этнография. С. 96–100.
- Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: Изд-во ИА РАН, 2018. 253 с.
- Чистяков П. В., Бочарова Е. Н., Колобова К. А.** Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 48–61. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61
- Grosman L., Smikt O., Smilansky U.** On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts // J. of Archaeol. Sci. 2008. Vol. 35 (12). P. 3101–3110.
- Hammer Ø., Harper D. A. T., Ryan P. D.** PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. Vol. 1 (4). P. 1–9.
- Karasik A., Smilansky U.** 3D scanning technology as a standard archaeological tool for pottery analysis: practice and theory // J. of Archaeol. Sci. 2008. Vol. 35 (12). P. 1148–1168.

References

- Belousova N. E., Seletsky M. V., Fedorchenko A. Yu.** Tools for Stone Raw Material Treatment in the Initial and Early Upper Palaeolithic Industries of the Ust-Karakol-1 Site (Excavation Area, 1986). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 36–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-36-48
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi evropy: istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe: sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1987, 272 p. (in Russ.)
- Chistyakov P. V., Bocharova E. N., Kolobova K. A.** Processing Three-Dimensional Models of Archaeological Artifacts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 48–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61
- Dyakova O. V.** Rannesrednevekovaya keramika Dal'nego Vostoka SSSR kak istoricheskii istochnik IV–X vv. [Early medieval ceramics of the Far East of USSR as historical source of 4th – 10th centuries]. Moscow, Nauka, 1984, 208 p. (in Russ.)
- Formy glinyanykh sosudov kak ob'ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyi podkhod [The shapes of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2018, 253 p. (in Russ.)
- Glushkov I. G.** Keramika kak istoricheskii istochnik [Ceramics as a historical source]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1996, 328 p. (in Russ.)
- Grosman L., Smikt O., Smilansky U.** On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts. *Journal of Archaeological Science*, 2008, vol. 35 (12), pp. 3101–3110.
- Hammer Ø., Harper D. A. T., Ryan P. D.** PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis. *Palaeontologia Electronica*, 2001, vol. 1 (4), pp. 1–9.
- Plyushina V. V.** Drevnyaya keramika kak istochnik istoriko-kul'turnykh i prirodnykh rekonstruktsii [Ancient ceramics as a source of historical, cultural and natural reconstructions]. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Tyumen, 7–11 noyabrya 2016 g.) [Ecology of ancient and traditional societies: materials of the V International Scientific Conference (Tyumen, November 7–11, 2016)]. Tyumen, TyumSU Press, 2016, vol. 5, pt. 2, pp. 74–77. (in Russ.)
- Karasik A., Smilansky U.** 3D scanning technology as a standard archaeological tool for pottery analysis: practice and theory. *Journal of Archaeological Science*, 2008, vol. 35 (12), pp. 3101–3110.
- Kraeva L. A.** Goncharstvo sarmatskikh plemen Zapadnogo Kazakhstana [Pottery of the Sarmatian tribes of Western Kazakhstan]. Almaty, A. Kh. Margulan Institute of Arkheology Publ., 2017, 352 p. (in Russ.)

- Mochalov O. D.** Keramika pogrebal'nykh pamyatnikov epokhi bronzy lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya [Ceramics of funerary monuments of the Bronze Age of the forest-steppe of the Volga-Ural interfluvium]. Samara, SamSPU Press, 2008, 252 p. (in Russ.)
- Mylnikova L. N., Molodin V. I., Durakov I. A., Efremova N. S., Kobeleva L. S., Kudinova M. A., Nenakhov D. A., Nenakhova Yu. N., Nesterova M. S., Selin D. V., Borzykh K. A., Bobin D. N., Kravtsova A. S., Nekrash A. A., Popova B. S., Titova A. A., Kharitonov R. M., Shvetsova E. S.** Elitnyi kurgan № 51 Ust'-Tartasskogo mogil'nika. Obshchie svedeniya [Elite burial mound no. 51 of the Ust-Tartas burial ground. General information]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 647–655. (in Russ.)
- Seletsky M. V., Chistyakov P. V., Fedorchenko A. Yu.** 3D-modeling of percussive-abrasive stone tools of Palaeolithic era: the research perspective. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2020, vol. 23, pp. 231–237. (in Russ.)
- Sobolnikova T. N.** Modelirovanie sposobov konstruirovaniya sosudov boborykinskogo tipa (k voprosu o peredache tekhnologicheskikh traditsii v drevnem goncharstve [Modeling of methods for constructing Boborykin-type vessels (on the issue of the transfer of technological traditions in ancient pottery)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2008, vol. 7, no. 3, pp. 96–100. (in Russ.)
- Zhushchikhovskaya I. S.** Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii [Essays on the history of ancient pottery in the Russian Far East]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2004, 310 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Максим Владимирович Селецкий**, младший научный сотрудник
Scopus Author ID 57219567761
WoS Researcher ID AAD-2284-2020
- Людмила Николаевна Мыльникова**, доктор исторических наук
Scopus Author ID 11239899900
WoS Researcher ID ABA-4467-2021
RSCI Author ID 74040
SPIN 2343-4581

Information about the Authors

- Maxim V. Seletsky**, Junior Researcher
Scopus Author ID 57219567761
WoS Researcher ID AAD-2284-2020
- Liudmila N. Mylnikova**, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 11239899900
WoS Researcher ID ABA-4467-2021
RSCI Author ID 74040
SPIN 2343-4581

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 15.02.2024
The article was submitted on 11.01.2024;
approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 15.02.2024*

Научная статья

УДК 903.024(571.53)"634"

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-19-34

Исследования технологии изготовления неолитической керамики в археологии Байкало-Енисейской Сибири. Историографический очерк

Илья Викторович Уланов

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

ussr-ilya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1375-3290>

Аннотация

Представлена история исследования технологии неолитического гончарства Байкало-Енисейской Сибири. На первом этапе (1880–1915 гг.) исследователи предлагали гипотезы изготовления сосудов, основанные на логических заключениях и этнографических аналогиях без анализа конструирования. Второй этап (1916–1960-е гг.) характеризовался серьезным прогрессом в диагностике технических приемов. Проводились отдельные эксперименты по моделированию сосудов. На третьем этапе (1970–1990-е гг.) в связи со смещением фокуса исследований на типологию и хронологию керамики технологические исследования носили эпизодический характер. Благодаря определенному прогрессу в решении этих проблем и достижениям отечественной археологии в изучении гончарства на четвертом этапе (2000–2020-е гг.) наиболее активно стало развиваться технологическое направление. В результате проведения технико-технологического анализа и ряда экспериментов выявлены культурные традиции гончарства и предложены варианты реконструкции технологии изготовления всех групп и типов неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири.

Ключевые слова

Байкало-Енисейская Сибирь, неолит, древнее гончарство, технология, история науки, сибирские археологи

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № FZZE-2023-0007 «Динамика и вариабельность палеотехнологий в каменном веке Байкальской Сибири в контексте культурных традиций и адаптационных стратегий»

Для цитирования

Уланов И. В. Исследования технологии изготовления неолитической керамики в археологии Байкало-Енисейской Сибири. Историографический очерк // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-19-34

Technological Study of the Neolithic Pottery in Archaeology of Baikal-Yenisei Siberia. Historiographical Essay

Ilya V. Ulanov

Irkutsk State University

Irkutsk, Russia

ussr-ilya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1375-3290>

Abstract

Purpose. This article is devoted to the history of the study of the Neolithic pottery in Baikal-Yenisei Siberia from the point of view of the vessel manufacturing technology.

Results. At the first stage (1880–1915), researchers proposed hypotheses for the manufacture of vessels based on logical conclusions and ethnographic analogies without analyzing design features. The second stage (1916–1960s) was characterized by serious progress in the diagnosis of various techniques and the creation of hypotheses about Neolithic vessels manufacturing. Separate experiments on vessel modeling were carried out. At the third stage (1970–1990), due

to the shift in the focus of research on the typology and chronology of ceramics, technological research was episodic. But after these issues were partially resolved and the achievements of domestic archeology were used in the study of ceramics, at the fourth stage (2000–2020s), the technological direction began to develop most actively. As a result of the technical and technological analysis and experiments, the cultural traditions of pottery were identified and options for reconstructing the manufacturing technology of all groups and types of Neolithic ceramics of Baikal-Yenisei Siberia were proposed.

Conclusion. As a result of studies carried out over many years, a lot of data has been obtained on the manufacture of vessels and a number of cultural traditions in the field of pottery have been identified among the Neolithic population of the region. The technological direction remains promising for obtaining further data, which requires the development of existing methods and the introduction of new ones.

Keywords

Baikal-Yenisei Siberia, Neolithic, ancient pottery, technology, history of science, Siberian archaeologists

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the State task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project no. FZZE-2023-0007 “Dynamics and variability of paleotechnologies in the Stone Age of Baikal Siberia in the context of cultural traditions and adaptation strategies”

For citation

Ulanov I. V. Technological Study of the Neolithic Pottery in Archaeology of Baikal-Yenisei Siberia. Historiographical Essay. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 19–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-19-34

Введение

В последнее десятилетие в неолитоведении Байкало-Енисейской Сибири одним из наиболее активно развивающихся и перспективных направлений является изучение технологии производства керамики. Нарастающий интерес, выражающийся в увеличении публикаций по этой теме, требует осмысления опыта предыдущих исследований, которые ведутся без малого 140 лет. Настоящая работа посвящена описанию истории развития технологического направления в исследованиях неолитического гончарства Байкало-Енисейской Сибири.

Ранее эта тема лишь изредка привлекала внимание исследователей. В. В. Свинин в опубликованной в 2000 г. статье об экспериментах по моделированию древней керамики, проведенных им в 1960-е гг., сделал обзор исследований по технологии гончарства Прибайкалья [Свинин, 2000]. В 2017 г. автором настоящей работы совместно с коллегами опубликована статья, посвященная технологическим традициям гончарства Байкало-Енисейской Сибири, где был помещен краткий очерк истории исследования технологии гончарства неолитической керамики [Бердников и др., 2017a].

С момента начала изучения неолита Прибайкалья в 1880-е гг. исследователи стали делать первые предположения об изготовлении керамических сосудов, и на протяжении последующих десятилетий – с усовершенствованием методики и методологии – археологи достигли значительных успехов в этой области. При рассмотрении истории исследования технологии изготовления неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири нами выделено четыре хронологических этапа, связанных с общим прогрессом археологии и развитием представлений о древнем гончарстве.

1 этап (1880–1915 гг.). Первые предположения: плетенка, ткань, стебли, прутья и индейцы

Начало систематических археологических исследований на территории Байкало-Енисейской Сибири в конце XIX в. связано с деятельностью Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). В 1880 г. член отдела Н. И. Витковский в устье р. Китой открыл первый в России неолитический могильник (Китойский). В следующем 1881 г. при его раскопках в одном из захоронений найден керамический сосуд. Судя по опубликованному рисунку, это круглодонная емкость с небольшой профилировкой верхней части и прямым срезом венчика, полностью покрытая оттисками плетеной сетки [Витковский, 1882, табл. 1, рис. 1]. Н. И. Витковский описал структуру черепка, цвет в изломе и наличие примесей в формовочной массе, а также выдвинул предположение относительно

но происхождения сетчатых отпечатков на наружной поверхности, имевшей «несомненные следы тонкой плетенки, в которой горшок был вылеплен» [Там же, с. 19–20].

В статье 1882 г. другой член ВСОИРГО Н. Н. Агапитов привел описание коллекции керамики, собранной в песках по берегам р. Унги. Опираясь на этнографические данные по гончарству североамериканских индейцев, Н. Н. Агапитов предложил реконструкцию способа изготовления сосудов с валиками, ямками и техническим декором «вроде следа от грубой ткани». По предположению исследователя, деревянная болванка обмазывалась тонкими слоями глины, а снаружи обматывалась плетенкой из тростника или ниток, затем стягивалась толстыми прутьями, укреплявшимися деревянными кольшками, после чего сосуд высушивался на солнце без обжига [Агапитов, 1882, с. 25–26].

В опубликованном в 1889 г. отчете о поездке 1882 г. по р. Ангаре Н. И. Витковский описал найденную у с. Чадобец керамику. Исследователь проанализировал особенности формовочной массы, толщину фрагментов и декор, отмечая закономерности между этими параметрами, такие как более высокое качество теста у тонкостенных черепков и др.

Кроме того, Н. И. Витковский разделял фрагменты с «узором» (орнаментом) и «со следами форм, в которых сосуды были выделаны» (технический декор) [Витковский, 1889, с. 19]. По мнению исследователя, эти формы, сшитые из древесной коры или сплетенные из стеблей и прутьев, обмазывались глиной изнутри. Изготовленные таким образом сосуды обжигались, а внешняя форма сгорала. Анализируя этот способ, автор рассуждает о происхождении керамики, которая по форме и декору копировала емкости из органических материалов [Там же, с. 19–21].

В 1915 г. была опубликована работа Н. Н. Бортвина «Из области древней сибирской керамики», в которой он предпринял попытку систематизации коллекции черепков из сборов на местонахождениях Красноярска, Иркутска и их окрестностей. Исследователь разделил найденные фрагменты на восемь групп, опираясь на различия в орнаменте. Четвертую группу керамики с «рябчатым» орнаментом (оттисками сетки-плетенки) автор соотнес с сосудом из Китайского могильника. Сетчатый декор, по предположению Н. Н. Бортвина, был «получен как бы от обертывания сосуда какой-либо плетенкой или грубой тканью» [Бортвин, 1915, с. 180–182].

2 этап (1916–1960-е гг.).

Корзина, яма, сетка, мешок и якутские колотушки

Новый этап в технологических исследованиях открывает работа 1916 г. Б. Э. Петри, где приводится анализ керамики стоянки Улан-Хада, выполненный на более профессиональном методическом уровне [Петри, 1916]. Будучи сотрудником Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры), Б. Э. Петри в 1912 г. Прибыл в Прибайкалье с целью проведения этнографических и археологических исследований. В ходе экспедиции им была открыта первая в России многослойная голоценовая стоянка в бухте Улан-Хада на оз. Байкал. В следующем году Б. Э. Петри провел на ней археологические раскопки, выделив 11 слоев залегания материала, которые датировал эпохой неолита. В публикации 1916 г., а затем в монографии «Сибирский неолит» 1926 г. Б. Э. Петри представил результаты исследования находок (в том числе керамической коллекции) из Улан-Хады. В частности, он проанализировал форму сосудов, декор и орнамент, состав формовочной массы и структуру изломов [Петри, 1916; 1926]. Исследователь отмечает случаи расслоения по спаям конструктивных элементов верхней части емкости, определяя, что венчик изготавливался из отдельного элемента и примазывался сверху вниз. Для керамики слоя X (раннего неолита) с отпечатками сетки-плетенки Б. Э. Петри отметил низкотемпературный обжиг. Он предположил, что эти сосуды изготавливались в плетеной корзинке из тонких прутьев или шнуров, которая обмазывалась глиной изнутри. Внутренняя поверхность тщательно заглаживалась, сверху прилеплялся венчик, который в редких случаях орнаментировался. Во время обжига корзинка сгорала, оставляя на внешней поверхности сосуда «бороздки и следы узелков» [Петри, 1916, с. 127–128].

Гладкостенные сосуды среднего неолита, по мнению Б. Э. Петри, конструировались в земляной яме. Ее стенки, обсыпанные сухим песком, обмазывались глиной, и получалась необходимая круглодонная емкость, у которой затем формировался венчик. Затем земля вокруг ямки выкапывалась, сосуд вынимался, и его стенки заглаживались мокрой рукой или мочалой. После нанесения орнамента горшок обжигался в специальной печи из каменных плит. Для изготовления поздненеолитической керамики, которую, по мнению исследователя, отличали тонкостенность и технический декор в виде оттисков стеблей травы (в действительности использовалась рубчатая лопатка или шнур) и ткани (сетка?), та же яма обкладывалась стеблями травы или тряпками, тем самым создавался внешний каркас. Благодаря ему можно было утончить стенки емкости, а затем без угрозы ее разрушения обкопать, достать из земли и обжечь [Петри, 1926, с. 16–18].

Во второй половине 1920-х гг. в Иркутске вышли две публикации В. И. Подгорбунского, посвященные технологии гончарства. В первой работе «К вопросу об изучении примесей к глине в доисторической керамике Сибири» [1926] он проанализировал фрагменты сосудов, в том числе из раскопок и сборов на территории Байкало-Енисейской Сибири, на предмет наличия искусственных и естественных добавок в сырье и формовочных массах. В. И. Подгорбунский разделил примеси по характеру происхождения на три группы: минеральные, животные и растительные. Передовым выглядело утверждение ученого, что подробное изучение вопроса о добавках помогает ответить на вопрос о месте изготовления сосудов, а значит, дает информацию о миграциях древних этнических групп и культурных связях между ними [Там же].

В работе 1928 г. В. И. Подгорбунский привел результаты этнографических наблюдений за традиционной технологией изготовления керамики у якутов [Подгорбунский, 1928]. Одной из задач исследования был поиск аналогов для интерпретации археологических материалов Прибайкалья. Автор подробно описал весь цикл изготовления сосудов якутскими мастерами, начиная от выбора сырья и подготовки формовочных масс, заканчивая сушкой и обжигом.

Главным достижением исследователя было предположение о применении древним населением Прибайкалья (правда, в железном веке) приема выбивания, используемого якутскими гончарами [Там же].

Гипотезу о выколачивании сосудов продолжил развивать московский археолог М. В. Воеводский в работе «К истории гончарной техники народов СССР» [1930]. В разделе, посвященном гончарству Восточной Сибири, исследователь отметил, что им просмотрены коллекции древней керамики Байкальской Сибири, хранящиеся в ГАИМК и музеях Ленинграда. Проанализировав фрагменты сосудов, относящиеся в том числе к неолиту, М. В. Воеводский пришел к выводу, что все они были изготовлены по «якутской» технологии, описанной В. И. Подгорбунским, т. е. путем выбивания стенок с использованием лопатки и наковаленки. Более того, исследователь первым интерпретировал штриховые оттиски на керамике неолита и бронзового века Прибайкалья как следы выбивки «рубчатой лопаткой», приведя в качестве этнографического аналога костяную резную колотушку с Камчатки, которую ему показывал С. И. Руденко [Там же, с. 62].

Усилившееся в 1930-е гг. политическое давление, переросшее затем в репрессии, привело к ликвидации в Иркутске коллектива археологов и этнографов во главе с Б. Э. Петри. Одним из немногих, кто продолжал полевые исследования в Прибайкалье в 1930-е гг., был А. П. Окладников. Опираясь на результаты собственных исследований погребальных комплексов, а также привлекая все известные данные по неолиту Прибайкалья, включая раскопанные ранее могильники и материалы Улан-Хады, А. П. Окладников разработал культурно-хронологическую схему для среднего голоцена региона, окончательно оформленный вариант которой был опубликован в монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» [Окладников, 1950; 1955].

В разделах, посвященных исаковскому и серовскому этапам, А. П. Окладников дал подробное описание керамики, проанализировав форму сосудов, декор, структуру и цвет излома,

а также состав формовочной массы. Обобщая предшествующие разработки по технологии изготовления (в первую очередь исследования Б. Э. Петри и В. И. Подгорбунского), ученый предположил, что в исаковское время сосуды параболической формы изготавливались в яме, стенки которой обкладывались мягкой эластичной плетеной сетью [Окладников, 1950, с. 170–171]. В серовское время наряду с архаичной технологией изготовления сосудов в земляной яме распространяется еще одна: емкость создавали путем выбивания горшка деревянной колотушкой при помощи плоского камня-наковаленки из цельного куска глины. Такой способ изготовления, как считал А. П. Окладников, позволил древним гончарам изготавливать сосуды более совершенной и удобной формы – круглодонные емкости овальной закрытой формы, иногда с профилировкой верхней части [Там же, с. 208]. Характеризуя сетчатые сосуды из исаковских погребений, А. П. Окладников отмечал, что на внутренней поверхности донных частей обнаруживались отпечатки сетки-плетенки, однако они были «более слабыми», чем на внешней поверхности [Там же, с. 167].

В начале 1960-х гг. Л. П. Хлобыстин, анализируя материалы Улан-Хады из раскопок Б. Э. Петри 1913 г., затронул вопросы технологии гончарства. Сетчатые сосуды из слоя X, по мнению исследователя, лепились в сетчатых мешках [Хлобыстин, 1964а, с. 12]. Керамику слоя IX ученый разделил на четыре группы: 1) сосуды с сетчатыми отпечатками; 2) гладкостенные сосуды, украшенные линиями мелкозубчатого штампа; 3) орнаментированные гребенчатыми линиями штампа сосуды с прямыми стенками и налепными валиками у бортика; 4) тонкостенные сосуды с зигзагообразными или горизонтальными рядами отступающих вдавлений штампа. Две первые группы, по мнению Л. П. Хлобыстина, были изготовлены при помощи ленточного налепа в сетке, а сосуды третьей и четвертой – посредством выбивки шнуровой или резной лопаткой [Хлобыстин, 1964б, с. 29].

В 1960-е гг. силами молодых археологов Г. И. Медведева, М. П. Аксенова, В. В. Свирина, Г. М. Георгиевской (Зайцевой) в Иркутском государственном университете возрождается археологическое направление, расширяется география полевых работ.

В эти годы В. В. Свинин провел собственные исследования технологии изготовления керамических сосудов в Прибайкалье. Их результаты были изложены в работе, написанной в 1969 г., но опубликованной в 2000 г. [Свинин, 2000]. Автором проанализированы керамические коллекции разных объектов от неолита до средневековья и проведена серия экспериментов, в ходе которых проверены сформулированные его предшественниками гипотезы о способах изготовления древней керамики. В частности, эксперимент подтвердил возможность изготовления сетчатых сосудов в земляной яме, обложенной сетью. Сосуды остальных групп, по мнению В. В. Свирина, изготавливались при помощи выбивки гладкой либо резной колотушкой.

Положительный результат также имел эксперимент по выколачиванию сосудов лопаткой, обмотанной шнуром. Как утверждает исследователь, для создания сосудов лучше всего подходит колотушка, изготовленная из березы. Кроме того, им установлено, что для плетения сетки и шнура использовались исключительно жилы.

В. В. Свинин не указывает, каким именно способом в процессе экспериментов конструировались сосуды, однако он утверждает, что гипотеза Л. П. Хлобыстина об использовании ленточного налепа неверна. Исследователь лишь упоминает, что при чрезмерном утончении стенок сосуда при выбивании они «повторно наращивались» [Там же, с. 140].

Работа В. В. Свирина является одной из наиболее интересных по данной теме, так как автор впервые экспериментально подтвердил возможность использования приема выбивания для большинства групп неолитических сосудов Прибайкалья.

3 этап (1970–1990-е гг.).

Петрография, кольцевой налеп и спад интереса к технологии

Проведенные В. В. Свириным эксперименты продолжения не получили. Интерес к технологии изготовления керамики стал снижаться. Со второй половины 1960-х гг. основной упор

в исследованиях неолита делался на решение проблем периодизации по материалам стояночных комплексов и выявление корреляции последних с погребальными. В связи с этим расширяются работы по поиску и исследованию многослойных местонахождений, содержащих остатки голоценовых культур в слабобразованных почвах с небольшим интервалом формирования, разделенных между собой «стерильными» прослойками. Основным упор в изучении керамики делается на разработку классификации сосудов, а также на определение ареала их распространения и возраста [Генералов, 1979; Дроздов, 1981; Зубков, 1982; Виноградов, 1982; Горюнова, 1984; Сеницына, 1986]. На этом этапе были выделены основные группы керамики для стоянок региона. К известной ранее сетчатой были добавлены хайтинская, посольская и усть-бельская [Савельев, 1989].

Технология гончарства в работах этого времени затрагивалась эпизодически, но с привлечением новых методов, таких как петрография. Так, А. Г. Генералов привел результаты анализа сырья и формовочных масс многослойной стоянки Казачка I [Генералов, 1979]. Исследователь установил, что глину, из которой изготовлены сосуды, можно разделить на более жирную и более тощую, в связи с чем было выдвинуто предположение о наличии двух источников сырья. Сосуды с оттисками сетки-плетенки и посольского типа изготовлены из тощей глины, а пунктирно-ребенчатые и серовские емкости – из жирной. Усть-бельская керамика при этом изготавливалась из обоих типов сырья [Там же, с. 95–96]. На основании небольшой серии петрографических исследований установлено наличие в формовочных массах фрагментов горных пород: кварца, полевого шпата, кварцита, гранита, диорита и других минералов. В двух случаях диагностировано наличие шамота. Керамика с оттисками сетки-плетенки, как считал А. Г. Генералов, делалась в плетеной основе, а шнуровые оттиски на поверхности посольских сосудов являлись следствием выбивания последних колотушкой, обмотанной шнуром. Усть-бельская керамика, по его мнению, изготавливалась из лент [Там же, с. 96–97].

Г. В. Сеницына в своей диссертации приводит результаты петрографических исследований неолитических сосудов из раскопок местонахождений Усть-Белая, Нижнесередкино и Падь Шелот. Вся неолитическая керамика характеризуется наличием в составе глины минеральных добавок (15–25 %), очень редко – шамота [Сеницына, 1986].

О. И. Горюнова в работе, посвященной многослойным стоянкам Приольхонья и о. Ольхон, предположила, что раннеолитические сетчатые сосуды изготавливались на основе каркаса с внутренней и внешней сторон. Позднее, по ее мнению, появляется технология выколачивания [Горюнова, 1984].

Технология изготовления неолитической керамики затронута А. В. Виноградовым в диссертации 1982 г. и в публикации 1991 г. Основными материалами исследования выступили сосуды из раскопок Л. П. Зяблина 1967–1968 гг. на стоянке Унюк. В результате работ получена коллекция керамики, которую Л. П. Зяблин соотнес с керамикой усть-бельского типа [Зяблин, 1973]. А. В. Виноградов дал некоторую технологическую характеристику этой коллекции [Виноградов, 1982; Зяблин, Виноградов, 1991]. Исследователем, в частности, была диагностирована техника кольцевого налёпа, отмечен слабый и неравномерный обжиг, а также приведены результаты микроскопического анализа, согласно которому сосуды изготавливались из нежирной глины с естественным отощителем в виде мелкозернистых обломков кварца, полевого шпата и кварцита (10–20 %). Также, по мнению А. В. Виноградова, в формовочную массу искусственно добавлялась дресва в виде зерен гранита и полевого шпата (до 8–10 %), в единичных случаях – комки более тощей и пористой глины [Зяблин, Виноградов, 1991, с. 113–114]. Стоит отметить, что на тот момент это был наиболее подробный технологический анализ усть-бельской керамики.

4 этап (2000–2020-е гг.).

Технологическое направление в современных исследованиях гончарства

В 2000-е гг. вновь начал возрастать интерес к технологии изготовления неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири. Н. Е. Бердникова в работе, посвященной археологи-

ческим комплексам Усть-Белой, предложила программу конструирования усть-бельских сосудов, согласно которой они изготавливались в технике ленточного налепа, дно формировалось отдельно на форме-основе, а венчик овальной формы делался из отдельной ленты [Бердникова, 2001, с. 127]. Позднее эта гипотеза уточнялась [Бердников, Бердникова, 2007; Бердников, 2013].

Д. Ю. Березин в диссертации, посвященной керамическим комплексам неолита Средней Ангары, целый раздел отвел технологии гончарства. По мнению автора, сетчатые сосуды изготавливались внутри формы-основы с плетеной прокладкой, а емкости других типов – из узких лент по донно-емкостной программе [Березин, 2004, с. 174–179].

Якутский исследователь С. А. Воробьев, основываясь на керамике сылахской культуры Якутии, оттиски на которой аналогичны таковым на прибайкальских неолитических сосудах, провел ряд экспериментальных исследований для получения сетчатых отпечатков. Сравнивая следы, полученные в результате экспериментов, и оттиски на керамике, исследователь опроверг гипотезу об изготовлении сетчатых емкостей в земляной ямке с обложенными сетчатым полотном стенками и в качестве основной версии происхождения этого технического декора принял вариант с выбиванием стенок сосудов лопаткой, обмотанной плетеной сеткой [Воробьев, 2003].

В эти же годы некоторые исследователи делали попытки объяснить причину появления на сосудах отдельных следов, таких как рельефные линии и желобки на внутренней поверхности хайтинской керамики, трактуя последние как следы заглаживания или оттиски плетеных каркасов, выступавших в роли форм-основ [Ветров, 2003; Игумнова и др., 2005].

К 2010-м гг., по мере того как последовательно решались проблемы классификации и периодизации керамики, назревала потребность в культурно-исторических реконструкциях. В связи с этим и вследствие накопленного положительного опыта в выявлении культурных традиций в гончарстве отечественными исследователями, такими как А. А. Бобринский, И. Г. Глушков, Ю. Б. Цетлин, Е. В. Волкова, Н. П. Салугина, И. Н. Васильева и др., в 2010-е гг. тема технологии изготовления сосудов становится одной из главных в изучении неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири. В результате исследования накопившейся в предыдущие десятилетия солидной источниковой базы появились работы, где анализировались некоторые признаки конструирования сосудов и предлагались различные варианты их диагностики и интерпретации [Бердников, 2013; Лохов и др., 2013; Кичигин, 2014; Бердников и др., 2015; Berdnikov, Ulanov, 2015; Титова, Титов, 2017].

Для исследования технологии неолитического гончарства реализовывались соответствующие научные проекты: «Историко-культурная динамика в период неолита на юге Средней Сибири (по материалам керамических комплексов)» (грант РНФ № 16-18-10169) и «Технологические и культурные традиции гончарства в среднем неолите на территории Байкало-Енисейской Сибири» (грант РФФИ и Правительства Иркутской области № 20-49-383001). В рамках этих проектов проводился обширный технико-технологический анализ керамики с применением современных методов и выполнялись экспериментальные исследования по моделированию сосудов [Абрашина, 2017; 2019; Абрашина и др., 2021; Базилийский, Горюнова, 2017; Бердников и др., 2016а; 2016б; 2017а; 2017б; Горюнова и др., 2020; Уланов, Соколова, 2017; 2021; Уланов и др., 2018; 2020а; 2020б; 2022].

В результате этих работ выявлен ряд технологических и культурных традиций неолитического гончарства Байкало-Енисейской Сибири. В большинстве случаев вся неолитическая керамика изготавливалась из однокомпонентных формовочных масс, хотя встречается добавление дробленой породы, шамота и органического раствора.

Ранне-неолитические группы керамики с оттисками плетеной сетки (ранней сетчатой) и шнура (хайтинский тип) демонстрируют близость в технологическом и культурном отношении. Сосуды конструировались при помощи зонального лоскутного налепа путем их выбивания колотушкой, обмотанной шнуром или плетеной сеткой, с использованием наковаленки, в качестве которой выступали фрагмент или небольшой сосуд. Донная часть или

большая часть емкости изготавливались с использованием другого сосуда, который выполнял роль формы-основы.

В среднем неолите посольская керамика изготавливалась аналогичным для хайтинских сосудов образом, т. е. с использованием зонального лоскутного налепа, формы-основы и выбивания шнуровой лопаткой. Самобытными чертами посольской керамики являются применение при выбивании резной и гладкой колотушек, своеобразное оформление венчика, новые элементы и мотивы орнамента.

Сосуды усть-бельского типа имеют простую форму без профилировки, они изготовлены с применением формы-основы в технике зонального лоскутного налепа при помощи выбивания – в подавляющем большинстве случаев – гладкой колотушкой (в редких случаях – сетчатой), зачастую полностью орнаментированы.

Поздненеолитические сосуды исаковской группы изготавливались методом лоскутного налепа, видимо, бессистемного, на форме-основе (сетчатом сосуде) с использованием приема выбивания сетчатой колотушкой. Серовская и пунктирно-гребенчатая керамика изготавливались, возможно, на форме-основе в технике зонального лоскутного налепа при помощи выбивания колотушками – как гладкими, так и сетчатыми (или с использованием ткани).

Обсуждение и выводы

Как видно из приведенного обзора, с момента начала исследования неолита Байкало-Енисейской Сибири ученых интересовал вопрос о технологии изготовления древней керамики. Предложенные за 140 лет изучения этой проблемы гипотезы и методы в целом отражали общий уровень науки, который с течением времени неуклонно рос: методика диагностики улучшалась, в результате чего представления об изготовлении неолитической посуды постоянно развивались.

Первые гипотезы, сформулированные в 1880–1910-е гг., основывались на логических заключениях и этнографических аналогиях без анализа признаков формовочных операций. Полностью покрытые оттисками сетки или шнура емкости в первую очередь наводили на мысль об обертывании будущих сосудов текстильными или растительными материалами (Н. Н. Агапитов, Н. Н. Бортвин [1915]) или изготовлении их в плетеных формах-емкостях (Н. И. Витковский).

Более углубленные исследования технологии происходили на втором этапе. Б. Э. Петри, имея профессиональную подготовку археолога и этнографа, всесторонне изучил керамику, отметил расслоения по спаям, низкотемпературный обжиг керамики, но в целом также предполагал использование форм-емкостей (корзины или ямы).

В. И. Подгорбунский высказал передовые мысли о важности изучения формовочных масс и примесей, которые долгое время не получали дальнейшего развития, однако его наблюдения за гончарством якутов позволили М. В. Воеводскому диагностировать для керамики неолита и бронзового века Прибайкалья технику выбивания стенок колотушками. Современные исследования подтверждают использование этого приема для всех групп и типов неолитической керамики.

А. П. Окладников развил гипотезы как Б. Э. Петри, так и В. И. Подгорбунского. В частности, по его мнению, исаковские сосуды изготавливались в форме-емкости (яме), а серовские – по «якутской» технологии (путем выбивания). Также А. П. Окладников одним из первых обратил внимание на «более слабые» оттиски сетки-плетенки на дне сетчатых горшков, в действительности являющиеся отпечатками формы-основы, в роли которой выступал другой сетчатый сосуд.

Несомненной заслугой В. В. Свинина стало обобщение известных данных по конструированию неолитической керамики и их экспериментальная проверка. Но, к сожалению, его работы в этом направлении не были продолжены.

Третий этап, несмотря на спад интереса к технологии изготовления керамики, стал базовым для будущих исследований, поскольку именно в это время на основании результатов

изучения многослойных стоянок и первых опытов радиоуглеродного датирования формируется периодизационная схема керамических групп (пластов) [Савельев, 1989]. Стоит отметить, что обращения исследователей к технологии в этот период были хоть и немногочисленными, но более высокого методического уровня. Так, А. Г. Генераловым и Г. В. Синицыной ограничено применялся петрографический метод, а А. В. Виноградов диагностировал технику кольцевого налёпа применительно к усть-бельской керамике Унюка и провел микроскопический анализ формовочных масс.

На четвертом этапе благодаря использованию современных достижений и методик изучения гончарства началось развитие технологического направления в исследовании неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири как наиболее перспективного для получения информации о различных аспектах жизни неолитического населения.

В результате было диагностировано большое количество технических приемов, составляющих технологические и культурные традиции гончарства древнего населения Байкало-Енисейской Сибири.

Заключение

История технологического изучения древней керамики Байкало-Енисейской Сибири прошла тернистый и долгий путь, начавшийся с первых умозрительных предположений об обертывании сосудов тканью в 1880-е гг. и продолжающийся современными исследованиями с применением междисциплинарных методов. В результате усилий многих ученых на сегодняшний день получен массив данных об изготовлении сосудов и выявлен ряд культурных традиций гончарства неолитического населения региона.

Тем не менее о способах производства неолитической керамики известно далеко не всё. Технологическое направление остается перспективным для получения дальнейших данных, для чего необходимо как внедрение новых современных методов, так и развитие существующих.

В заключение следует отметить, что технология неолитического гончарства – лишь часть комплекса проблем в неолитоведении Байкало-Енисейской Сибири, решение которых осуществляется сегодня в археологии региона: устанавливается возраст стояночных и погребальных комплексов, решается проблема их корреляции, происходит устранение культурно-хронологических разрывов, реконструируются стратегии адаптации и жизнеобеспечения людей, что позволяет восстановить более полную картину жизни древнего населения на территории Байкало-Енисейской Сибири в неолите.

Список литературы

- Абрашина М. Е.** Технический декор неолитических сосудов Байкальской Сибири по данным экспериментальных исследований // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии. Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 73–75.
- Абрашина М. Е.** Экспериментальная реконструкция рубчатого и ячеистого технического декора керамических сосудов Байкало-Енисейской Сибири (неолит – ранний бронзовый век) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 44–46.
- Абрашина М. Е., Уланов И. В., Бердников И. М.** Керамика посольского типа в археологических комплексах стоянки им. А.Г. Генералова (Северное Приангарье) // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. № 1. С. 9–22.
- Агапитов Н. Н.** Следы каменного века в бассейне р. Куды и по р. Унге // Изв. ВСОИРГО. 1882. Т. 12, № 4–5. С. 23–25.
- Базалийский В. И., Горюнова О. И.** Керамика из исаковских погребений (поздний неолит) могильника Усть-Ида I в Прибайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 30–33.

- Бердников И. М.** Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.
- Бердников И. М., Бердникова Н. Е.** Усть-бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // Северная Евразия в антропогенезе: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 1. С. 51–57.
- Бердников И. М., Соколова Н. Б., Уланов И. В.** Древнее гончарство Байкало-Енисейской Сибири в аспекте развития неолитических культур // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: АлтГУ, 2017а. С. 102–103.
- Бердников И. М., Соколова Н. Б., Уланов И. В., Роговской Е. О.** Некоторые аспекты технологических традиций в гончарстве западной части Байкальской Сибири // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016а. Вып. 5. С. 172–179.
- Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б.** Интерпретация следов в микрорельефе поверхности шнуровой керамики (юг Средней Сибири) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин, 2015. Т. 1. С. 34–41.
- Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б.** Сравнительный анализ ранне-неолитической сетчатой и хайтинской керамики многослойного местонахождения Еловка-Нуган I // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск: СФУ, 2016б. Т. 1. С. 29–38.
- Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б.** Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum Plus: Археология и культурная антропология. 2017б. № 2. С. 275–300.
- Бердникова Н. Е.** Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. Т. 2: Бельский геоархеологический район. С. 113–146.
- Березин Д. Ю.** Керамические комплексы неолитических памятников Средней Ангары: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 311 с.
- Бортвин Н. Н.** Из области древней сибирской керамики // Зап. ИРАО. 1915. Т. 11. С. 173–195.
- Ветров В. М.** Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск: ИрГТУ, 2003. С. 49–53.
- Виноградов А. В.** Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 251 с.
- Витковский Н. И.** Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. // Изв. ВСОИРГО. 1882. Т. 13, № 1–2. С. 1–36.
- Витковский Н. И.** Следы каменного века в долине реки Ангары (продолжение) // Изв. ВСОИРГО. 1889. Т. 20, № 2. С. 1–31.
- Воеводский М. В.** К истории гончарной техники народов СССР // Этнография. 1930. № 4. С. 55–70.
- Воробьев С. А.** Сылахская керамика Якутии (к вопросу о способах конструирования сосудов) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 57–63.
- Генералов А. Г.** Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 188 с.
- Горюнова О. И.** Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

- Горюнова О. И., Новиков А. Г., Соколова Н. Б.** Сравнительный анализ керамики с ранне-неолитических поселений побережья озера Байкал // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2020. № 63. С. 175–185.
- Дроздов Н. И.** Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 20 с.
- Зубков В. С.** Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 310 с.
- Зяблин Л. П.** Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 65–73.
- Зяблин Л. П., Виноградов А. В.** Неолитическое поселение Унюк на Енисее // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. С. 109–121.
- Игумнова Е. С., Савельев Н. А., Спиридонова Ю. В.** Керамика «хайтинского» типа Мишелевского георхеологического комплекса // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Радиан, 2005. С. 25–26.
- Кичигин Д. Е.** Керамика с оттисками шнура западного побережья озера Байкал: некоторые вопросы формовки сосудов // Изв. Лаборатории древних технологий. 2014. № 4 (13). С. 27–44.
- Лохов Д. Н., Роговской Е. О., Дударёк С. П.** Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Георхеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 116–132.
- Окладников А. П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: АН СССР, 1950. Ч. 1, 2. 412 с. (МИА; № 18).
- Окладников А. П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: АН СССР, 1955. Ч. 3. 374 с. (МИА; № 43).
- Петри Б. Э.** Неолитические находки на берегу Байкала: Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ. 1916. Т. 3. С. 113–132.
- Петри Б. Э.** Сибирский неолит. Иркутск: Власть Труда, 1926. 40 с.
- Подгорбунский В. И.** К вопросу об изучении примесей к глине в доисторической керамике Сибири // Сб. трудов Иркут. ун-та. 1926. Вып. 11. С. 87–95.
- Подгорбунский В. И.** Заметки по изучению гончарства якутов // Сибирская живая старина. 1928. Вып. 7. С. 127–144.
- Савельев Н. А.** Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
- Свинин В. В.** Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 128–145.
- Синицына Г. В.** Неолитические памятники Верхней Ангары: (по материалам поселений): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 233 с.
- Титова Ю. А., Титов Е. В.** Экспериментальный метод в исследовании принципов отбора исходного сырья по материалам стоянки Удачный-14 // Древности Приенисейской Сибири. 2017. Вып. 8. С. 40–43.
- Уланов И. В., Бердников И. М., Соколова Н. Б.** Экспериментальное моделирование сосудов эпох раннего неолита Байкало-Енисейской Сибири // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 64–69.
- Уланов И. В., Бердников И. М., Соколова Н. Б., Абрашина М. Е., Уланова А. В.** Технологические и культурные традиции гончарства в среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 3. С. 530–559.
- Уланов И. В., Соколова Н. Б.** Особенности техники изготовления усть-бельской керамики местонахождения Усть-Белая (по материалам Братской археологической экспедиции 1957–1959 годов) // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 98–100.

- Уланов И. В., Соколова Н. Б.** Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики посольского типа Южного Приангарья // Материалы LXI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 76–77.
- Уланов И. В., Соколова Н. Б., Бердников И. М.** Керамика усть-бельского типа Байкало-Енисейской Сибири: технологический аспект // Тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020а. Т. 1. С. 214–215.
- Уланов И. В., Соколова Н. Б., Уланова А. В.** Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики усть-бельского типа Южного Приангарья // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020б. С. 101–102.
- Хлобыстин Л. П.** Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964а. 18 с.
- Хлобыстин Л. П.** Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри) // КСИА. 1964б. № 97. С. 25–32.
- Berdnikov I. M., Ulanov I. V.** Some aspects of molding technology of Posolskaya pottery in the South of Central Siberia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 4, iss. 8. P. 574–584.

References

- Abrashina M. E.** Tekhnicheskii dekor neoliticheskikh sosudov Baikalskoi Sibiri po dannym eksperimental'nykh issledovaniy [Technical decoration of Neolithic vessels of Baikal Siberia according to experimental research data]. In: *Sovremennye problemy izucheniya drevnykh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii* [Modern problems of studying the ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia]. Surgut, Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2017, pp. 73–75. (in Russ.)
- Abrashina M. E.** Eksperimental'naya rekonstruktsiya rubchatogo i yacheistogo tekhnicheskogo dekora keramicheskikh sosudov Baikalo-Eniseiskoi Sibiri (neolit – rannii bronzovyi vek) [Experimental reconstruction of ribbed and cellular technical decor on the ceramic vessels of Baikal-Yenisei Siberia (Neolithic – Early Bronze Age)] In: *Materialy LIX Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Materials of the 58th Russian (with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2019, pp. 44–46. (in Russ.)
- Abrashina M. E., Ulanov I. V., Berdnikov I. M.** Kерамика posol'skogo tipa v arkheologicheskikh kompleksakh stoyanki im. A. G. Generalova (Severnoe Priangar'e) [Ceramic of Posolskaya type in archaeology complexes on Generalov site (North Angara region)]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2021, vol. 1, pp. 9–22. (in Russ.)
- Agapitov N. N.** Sledy kamennogo veka v basseine r. Kuda i po r. Unge [Traces of the Stone Age in the Kuda River basin and the Unga River]. *Izvestiya Vostochno Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1882, iss. 12, vol. 4–5, pp. 23–25. (in Russ.)
- Bazaliiskiy V. I., Goryunova O. I.** Kерамика iz isakovskikh pogrebenii (pozdnii neolit) mogil'nika Ust'-Ida I v Pribaikal'e [Pottery from the Isakovo Burials (the Late Neolithic) at the Ust-Ida I Burial Ground of the Baikal Region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2017, vol. 23, pp. 30–33. (in Russ.)
- Berdnikov I. M.** Klyuchevye aspekty istoriko-kul'turnykh protsessov na yuge Srednei Sibiri v epokhu neolita (po materialam keramicheskikh kompleksov) [Key aspects of historical and cultural procedures in South of Middle Siberia during the Neolithic period (based on pottery complexes)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya*.

Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2013, vol. 1 (2), pp. 203–229. (in Russ.)

- Berdnikov I. M., Berdnikova N. E.** Ust'-bel'skaya keramika: problemy, kharakteristika, khronologiya [Ust-Belaya pottery: problems, characteristics, chronology]. In: Severnaya Evraziya v antropogeneze: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya [Northern Eurasia in anthropogenesis: man, paleotechnologies, geocology, ethnology and anthropology]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007, vol. 1, pp. 51–57. (in Russ.)
- Berdnikov I. M., Sokolova N. B., Ulanov I. V.** Drevnee goncharstvo Baikalo-Eniseiskoi Sibiri v aspekte razvitiya neoliticheskikh kul'tur [Ancient pottery of Baikal-Yenisei Siberia in the aspect of the development of Neolithic cultures]. In: V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s'ezd [5th (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul, ASU Publ., 2017, pp. 102–103. (in Russ.)
- Berdnikov I. M., Sokolova N. B., Ulanov I. V., Rogovskoi E. O.** Nekotorye aspekty tekhnologicheskikh traditsii v goncharstve zapadnoi chasti Baikalskoi Sibiri [Some aspects of the pottery technological traditions in the Western part of Baikal Siberia]. In: Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures]. Irkutsk, ISU Press, 2016, iss. 5, pp. 172–179. (in Russ.)
- Berdnikov I. M., Ulanov I. V.** Some aspects of molding technology of Posolskaya pottery in the South of Central Siberia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, vol. 4, iss. 8, pp. 574–584.
- Berdnikov I. M., Ulanov I. V., Sokolova N. B.** Interpretatsiya sledov v mikrorel'efe poverkhnosti shnurovoi keramiki (yug Srednei Sibiri) [Interpretation of traces in the microrelief of the surface of Corded pottery (South of Middle Siberia)]. In: Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Beijing, 2015, iss. 1, pp. 34–41. (in Russ.)
- Berdnikov I. M., Ulanov I. V., Sokolova N. B.** Sravnitel'nyi analiz ranneneoliticheskoi setchatoi i khaitinskoi keramiki mnogoslainogo mestonakhozhdeniya Elovka-Nugan I [Comparative analysis of the Early Neolithic Net-impressed and Khaita pottery from multilayered site Elovka-Nugan 1 (Tunka valley)]. In: Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Krasnoyarsk, SFU Press, 2016, iss. 1, pp. 29–38. (in Russ.)
- Berdnikov I. M., Ulanov I. V., Sokolova N. B.** Neoliticheskoe goncharstvo Baikalo-Eniseiskoi Sibiri: tekhnologicheskie traditsii v territorial'no-khronologicheskom kontekste [Neolithic Pottery of the Baikal-Yenisei Siberia: technological tradition in the territorial and chronological context]. *Stratum Plus*, 2017, vol. 2, pp. 275–300. (in Russ.)
- Berdnikova N. E.** Geoarkheologicheskii ob'ekt Ust'-Belaya. Kul'turnye komplekсы [Geoarchaeological site of Ust-Belaya: Cultural complexes]. In: Kamennyi vek Yuzhnogo Priangar'ya [Stone Age in the South Angara Region]. Irkutsk, ISU Press, 2001, vol. 2: Bel'skii geoarkheologicheskii raion [Geoarchaeological Area of the Belaya River [Valley]], pp. 113–146. (in Russ.)
- Berezin D. Yu.** Keramicheskie komplekсы neoliticheskikh pamyatnikov Srednei Angary [Ceramic complexes of the Neolithic sites of the Middle Angara]. Thesis Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2004, 311 p. (in Russ.)
- Bortvin N. N.** Iz oblasti drevnei sibirskoi keramiki [From the field of Ancient Siberian pottery]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Memoirs of the Imperial Russian Archaeological Society], 1915, vol. 11, pp. 173–195. (in Russ.)
- Drozdov N. I.** Kamennyi vek Severnogo Priangar'ya [Stone Age of the Northern Angara region]. Abstract of Thesis Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 1981, 20 p. (in Russ.)
- Generalov A. G.** Neoliticheskie komplekсы mnogoslainogo poseleniya Kazachka i ikh znachenie dlya izucheniya neolita Krasnoyarsko-Kanskoii lesostepi [Neolithic Complexes from the Multi-

- layer Site of Kazachka and Their Significance for Further Research of Neolithic in Krasnoyarsk-Kansk Area]. Thesis Cand. Hist. Sci. Leningrad, 1979, 188 p. (in Russ.)
- Goryunova O. I.** Mnogosloinnye pamyatniki Malogo Morya i o. Ol'khon [Multilayered sites of the Little Sea and Olkhon island]. Abstract of Thesis Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 1984, 17 p. (in Russ.)
- Goryunova O. I., Novikov A. G., Sokolova N. B.** Sravnitel'nyi analiz keramiki s ranneneoliticheskikh poselenii poberezh'ya ozera Baikal [Comparative analysis of Pottery from Early Neolithic settlements on the coast of lake Baikal]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2020, vol. 63, pp. 175–185. (in Russ.)
- Igunnova E. S., Saveliev N. A., Spiridonova Yu. V.** Keramika “khaitinskogo” tipa Mishelevskogo geoarkheologicheskogo kompleksa [Pottery of the Khaita type of the Mishelevka geoarchaeological complex]. In: Istoki, formirovanie i razvitie evraziiskoi polikul'turnosti. Kul'tury i obshchestva Severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti [The Origins, the Formation and Development of Eurasian multiculturalism. Cultures and Societies of Northern Asia in the historical past and the present]. Irkutsk, Radian Publ., 2005, pp. 25–26. (in Russ.)
- Khlobystin L. P.** Drevnie kul'tury poberezh'ya ozera Baikal (kamennyi i bronzovyi veka) [Ancient Cultures from Shores of Lake Baikal: Stone and Bronze Ages]. Abstract of the Thesis Cand. Hist. Sci. Leningrad, 1964, 18 p. (in Russ.)
- Khlobystin L. P.** Mnogosloinoe poselenie Ulan-Khada na Baikale (po materialam raskopok B. E. Petri) [Multilayer settlement Ulan-Khada on Lake Baikal (based on the excavations of B. E. Petri)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology], 1964, vol. 97, pp. 25–32. (in Russ.)
- Kichigin D. E.** Keramika s ottiskami shnura zapadnogo poberezh'ya ozera Baikal: nekotorye voprosy formovki sosudov [Ceramics with Cord Impressions from the Western Shore of Lake Baikal. Some Issues of Vessel Forming]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2014, vol. 4 (13), pp. 27–44. (in Russ.)
- Lokhov D. N., Rogovskoi E. O., Dudarek S. P.** Severoangarskii variant keramiki khaitinskogo tipa [Khaita Type Pottery of the Northern Angara]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2013, vol. 1 (2), pp. 116–132. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 18 [Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikalia. Materials and research on the archeology of the USSR, vol. 18]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, pt. 1 and 2, 412 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 43 [Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikalia. Materials and research on the archeology of the USSR, vol. 43], Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1955, pt. 3, 374 p. (in Russ.)
- Petri B. E.** Neoliticheskie nakhodki na beregu Baikala: Predvaritel'noe soobshchenie o raskopke stoyanki Ulan-Khada [Neolithic finds on the shore of Lake Baikal. A preliminary report about excavation of the site Ulan-Khada]. *Sbornik MAE RAN* [The collection of the MAE RAS], 1916, vol. 3, pp. 113–132. (in Russ.)
- Petri B. E.** Sibirskii neolit [Siberian Neolithic]. Irkutsk, Vlast' Truda Publ., 1926, 40 p. (in Russ.)
- Podgorbunsky V. I.** K voprosu ob izuchenii primesei k glině v doistoricheskoi keramike Sibiri [To the question of the study of impurities in clay in prehistoric ceramics of Siberia]. *Sbornik trudov Irkutskogo universiteta* [Proceedings of the Irkutsk University], 1926, vol. 11, pp. 87–95. (in Russ.)
- Podgorbunsky V. I.** Zametki po izucheniyu goncharstva yakutov [Notes on the study of Yakut pottery]. *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian Living Antiquity], 1928, vol. 7, pp. 127–144. (in Russ.)

- Saveliev N. A.** Neolit yuga srednei Sibiri (istoriya osnovnykh idei i sovremennoe sostoyanie problemy) [The Neolithic of the South of Middle Siberia (history of the basic ideas and current state of the problem)]. Abstract of the Thesis Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 1989, 25 p. (in Russ.)
- Sinitsyna G. V.** Neoliticheskie pamyatniki Verkhnei Angary (po materialam poselenii) [Neolithic sites of the Upper Angara (on the basis of settlements materials)]. Thesis Cand. Hist. Sci. Leningrad, 1986, 233 p. (in Russ.)
- Svinin V. V.** Issledovaniya drevnei keramiki Pribaikal'ya [Studies of Ancient Ceramics of the Baikal region]. In: Baikal'skaya Sibir' v drevnosti In Baikal'skaia Sibir' v drevnosti [Baikal Siberia in Antient Time]. Irkutsk, ISPU Press, 2000, iss. 2, pt. 2, pp. 128–145. (in Russ.)
- Titova Yu. A., Titov E. V.** Eksperimental'nyi metod v issledovanii printsipov otbora iskhodnogo syr'ya po materialam stoyanki Udachnyi-14 [Experimental method in the study of the principles of selection of raw materials based on materials from the Udachnyi 14 site]. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* [Antiquities of the Yenisei Siberia], 2017, iss. 8, pp. 40–43. (in Russ.)
- Ulanov I. V., Berdnikov I. M., Sokolova N. B.** Eksperimental'noe modelirovanie sosudov epokh rannego neolita Baikalo-Eniseiskoi Sibiri [Experimental modeling of the early neolithic vessels from the Baikal-Yenisei Siberia]. In: Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya [Ancient cultures Mongolia, Baikal Siberia and of Northern China]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2018, pp. 64–69. (in Russ.)
- Ulanov I. V., Berdnikov I. M., Sokolova N. B., Abrashina M. E., Ulanova A. V.** Tekhnologicheskie i kul'turnye traditsii goncharstva v srednem neolite Baikalo-Eniseiskoi Sibiri [Technological and Cultural traditions of Pottery in the Middle Neolithic of Baikal-Yenisei Siberia]. *Oriental Studies*, 2022, vol. 15, iss. 3, pp. 530–559. (in Russ.)
- Ulanov I. V., Sokolova N. B.** Osobennosti tekhniki izgotovleniya ust'-bel'skoi keramiki mestonakhzhdeniya Ust'-Belaya (po materialam Bratskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1957–1959 godov) [Features of the production technique of Ust-Belaya ceramics from the Ust-Belaya site (based on materials from the Bratsk archaeological expedition of 1957–1959)]. In: Sovremennye problemy izucheniya drevnikh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii [Modern problems of studying ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2017, pp. 98–100. (in Russ.)
- Ulanov I. V., Sokolova N. B.** Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass neoliticheskoi keramiki posolskogo tipa Yuzhnogo Priangar'ya [Features of raw materials and molding masses of Posolsk type Neolithic pottery from the Southern Angara region]. In: Materialy LXI Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem [61st Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scholars. Proceedings]. Irkutsk, ISU Press, 2021, pp. 76–77. (in Russ.)
- Ulanov I. V., Sokolova N. B., Berdnikov I. M.** Keramika ust'-bel'skogo tipa Baikalo-Eniseiskoi Sibiri: tekhnologicheskii aspekt [Pottery of the Ust-Belsk type of Baikal-Yenisei Siberia: technological aspect]. In: Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare [Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Congress in Samara. Samara, Samara State University of Social Sciences and Education Press, 2020, vol. 1, pp. 214–215. (in Russ.)
- Ulanov I. V., Sokolova N. B., Ulanova A. V.** Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass neoliticheskoi keramiki ust'-bel'skogo tipa Yuzhnogo Priangar'ya [Features of raw materials and molding masses of Ust-Belaya type Neolithic pottery from the Southern Angara region]. In: Materialy LX Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem [Sixtieth Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scholars]. Irkutsk, ISU Press, 2020, pp. 101–102. (in Russ.)
- Vetrov V. M.** Stratigrafiya stoyanki Popovskii Lug. K voprosu o vremeni zarozhdeniya keramicheskogo proizvodstva na Verkhnei Lene [Stratigraphy of the site Popovskii Lug. On the issue of origin of the ceramic production on Upper Lena]. In: Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe,

- nastoyashchee, budushchee [Sociogenesis of Northern Asia: Past, Present and Future]. Irkutsk, ISTU Press, 2003, pp. 49–53. (in Russ.)
- Vinogradov A. V.** Neolit i rannii bronzovyi vek Minusinskoj kotloviny [Neolithic and Early Bronze Age of the Minusinsk Basin]. Thesis Cand. Hist. Sci. Leningrad., 1982, 251 p. (in Russ.)
- Vitkovsky N. I.** Otchet o raskopke mogil kamennogo veka v Irkutskoi gubernii, na levom beregu r. Angary, proizvedennoi letom 1881 g. [Report on the excavation of Stone Age graves in the Irkutsk province, on the left bank of Angara river, made in the summer of 1881]. *Izvestiya Vostochno Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1882, vol. 13, no. 1–2, pp. 1–36. (in Russ.)
- Vitkovsky N. I.** Sledy kamennogo veka v doline reki Angary [Traces of the Stone Age in the Valley of the Angara River]. *Izvestiya Vostochno Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East-Siberian branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1889, vol. 20, no. 2, pp. 1–31. (in Russ.)
- Voevodsky M. V.** K istorii goncharnoi tekhniki narodov SSSR [To the history of pottery technique of the peoples of the USSR]. *Etnografiya* [Ethnography]. 1930, vol. 4, pp. 55–70. (in Russ.)
- Vorobiev S. A.** Syalakhskaya keramika Yakutii (k voprosu o sposobakh konstruirovaniya sosudov) [Sialakh ceramics of Yakutia (on the question of how to design vessels)]. In: *Arkheologiya i sotsiokul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorii* [Archaeology and Sociocultural Anthropology of the Far East and neighboring territories]. Blagoveshchensk, BSPU Press, 2003, pp. 57–63. (in Russ.)
- Zubkov V. S.** Neolit i rannii bronzovyi vek Verkhnei Leny [Neolithic and Early Bronze Age of the Upper Lena]. Thesis Cand. Hist. Sci. Leningrad, 1982, 310 p. (in Russ.)
- Zyablin L. P.** Neoliticheskoe poselenie Unyuk na verkhnem Enisee [Neolithic settlement Unyuk on the Upper Yenisei]. In: *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of archeology of the Urals and Siberia]. Moscow, 1973, pp. 65–73. (in Russ.)
- Zyablin L. P., Vinogradov A. V.** Neoliticheskoe poselenie Unyuk na Enisee [Neolithic settlement Unyuk on the Yenisei]. In: *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Srednei Sibiri* [Paleoethnological research in the South of Central Siberia]. Irkutsk, ISU Press, 1991, pp. 109–121. (in Russ.)

Информация об авторе

Илья Викторович Уланов, кандидат исторических наук

Information about the Author

Илья В. Уланов, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 05.07.2023;
одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 31.01.2024
The article was submitted on 05.07.2023;
approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 31.01.2024*

Научная статья

УДК 902(510)/930

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-35-44

Изучение культур бронзового и раннего железного веков Южной Сибири китайскими археологами в первой половине XX века *

Ван Пэн

Институт археологии Академии общественных наук КНР

Пекин, Китай

kaoguwangpeng@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-4279-2267>

Аннотация

Приведены сведения по изучению культур бронзового и раннего железного веков Южной Сибири китайскими археологами в первой половине XX в., дан историографический обзор. Обоснованы хронологические рамки предпринятого нами исследования, в которые включены также работы 1950-х гг. Такое решение было принято, поскольку в это десятилетие отмечался количественный рост публикаций, однако переходу их на более высокий качественный уровень помешали внешние обстоятельства. Тем не менее именно в этот период закладывалась основа для последующего быстрого роста научного взаимодействия в области археологии в целом и в изучении эпохи палеометалла Южной Сибири в частности. Период активных исследований продолжается с конца 1970-х – начала 1980-х гг. вплоть до наших дней.

Ключевые слова

китайская археология, историография, культуры бронзового и раннего железного веков, сравнительный анализ

Для цитирования

Ван Пэн. Изучение культур бронзового и раннего железного веков Южной Сибири китайскими археологами в первой половине XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 35–44. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-35-44

The Studies of the Bronze Age and Early Iron Age Cultures of Southern Siberia by Chinese Archaeologists in the First Half of the 20th Century

Wang Peng

Institute of Archaeology of Chinese Academy of Social Studies

Beijing, China

kaoguwangpeng@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-4279-2267>

Abstract

Purpose. The article presents the study of the cultures of the Bronze and Early Iron Ages in Southern Siberia by Chinese archaeologists in the first half of the 20th century and gives a historiographical review of this study. The date of liberation, namely 1949, is an obvious chronological reference point for Chinese history and for the scientific development of China as well. But as for studying of Siberian cultures of Bronze and Early Iron ages in the 1950s, Chinese archaeologists simply continued previous tendencies. During this decade there was a quantitative increase in publications and even the first direct contacts were made, but external political obstacles prevented the transition of research to a higher level of quality.

Results. We can state now that only the materials of YinXu at Anyang were used by Chinese scholars for comparative analysis with Bronze Age finds from Southern Siberia. Consequently, in our investigation we address the period from 1920s to 1950s as one historiographical stage.

* Перевод с китайского языка выполнен С. А. Комиссаровым по авторской рукописи.

Conclusion Nevertheless, it was in the 1950s that the foundation was laid for the subsequent rapid growth of scientific interaction in the field of archeology in general and in the study of the paleometal age of Southern Siberia in particular. The period of active research began in the late 1970s and early 1980s and continues to the present day.

Keywords

Chinese archaeology, historiography, Bronze Age and Early Iron Age cultures, comparative analysis

For citation

Wang Peng. The Studies of the Bronze Age and Early Iron Age Cultures of Southern Siberia by Chinese Archaeologists in the First Half of the 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 35–44. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-35-44

Введение

В данном обзоре мы использовали не только все доступные нам материалы по изучению сибирской археологии китайскими учеными в период до революции 1949 г. – одного из важнейших рубежей в истории Китая, но и работы первого десятилетия существования народной власти. В 1950-х гг. внимание к достижениям советских археологов заметно увеличивается, начинаются прямые контакты между учеными, но общий объем их невелик, а публикуемые работы развивают общее направление предыдущих десятилетий, часто в исполнении тех же самых ученых. Выйти научным контактам на новый уровень в то время помешало начавшееся ухудшение советско-китайских отношений.

В первой половине XX в. в археологии Южной Сибири были достигнуты важные результаты. Так, С. А. Теплоухов установил хронологическую последовательность древних культур в Минусинской котловине, а Г. В. Мергарт обосновал их первые датировки; С. А. Руденко, М. П. Грязнов, С. В. Киселев, А. П. Окладников и др. также начали вести систематические археологические работы на Алтае, в Байкальском регионе и на других территориях [Матющенко, 1992; Китова, 2007; Ван Пэн, 2017]. Но в Китае тогда современная археология делала первые шаги; на нее также влияли непрерывные военные действия. Китайские археологи в основном вели работы на Иньском городище (Иньсюй), также китайские и шведские специалисты, организованные в рамках Северо-Западной научно-исследовательской экспедиции, вели раскопки на территории Синьцзяна, где среди прочего были впервые обнаружены археологические материалы эпохи бронзы, получившие впоследствии название культуры Сяохэ [Bergman, 1935; Mair, 2006; Молодин, Комиссаров, 2016].

Постоянно растущий интерес: работы 1920–1950-х гг.

В 1920–1950-х гг. интерес к археологии Южной Сибири бронзового и раннего железного веков проявляли немногие китайские археологи, в основном участники раскопок на Иньском городище, а также некоторые историки. В тот период у китайских исследователей еще не было возможности непосредственно получать новейшие сведения по сибирской археологии, большинство из них получало отрывочные знания по данной проблеме из западных и японских изданий. Поэтому в процессе своих исследований они нередко использовали полностью устаревшие материалы по археологии Южной Сибири, в работах не привлекались даже такие хорошо разработанные понятия, как «карасукская культура», «минусинская курганная (тагарская) культура» и т. п.

В 1929 г., вскоре после начала раскопок на Иньском городище, Ли Цзи опубликовал статью «Предварительное обсуждение керамики Инь-Шан», в которой выступил против концепции М. И. Ростовцева о том, что некоторые бронзовые украшения в «зверином стиле», относящиеся к периоду Западного Чжоу в Китае, появились под внешним влиянием. Ли Цзи указывал, что на керамике из Иньсюй уже существовали узоры в виде головы зверя, поэтому нельзя утверждать, что бронзовые украшения «звериной» формы в Китае непременно имеют западное происхождение (см.: [Гао Цюйсюнь, 1958, с. 711; Ли Хайжун, 2003, с. 3]).

Хотя китайские археологи считали, что с обнаружением культуры Луншань шанская культура Иньского городища обрела прямой источник своего происхождения, однако хоро-

шо развитие культуры бронзы и некоторые другие культурные достижения, которые внезапно появились на Иньском городище, способствовали пониманию того, что эти факторы могли иметь иные истоки. В 1932 г. Ли Цзи изучал бронзовые орудия труда и оружие, найденные в Иньшюй. По его мнению, среди пяти видов бронзовых изделий: клевцов, копий, ножей, наконечников стрел и топоров, – только клевцы имеют китайскую специфику; для остальных можно отыскать истоки в Египте и в западных районах Евразии [Ли Цзи, 1933, с. 98]. Хотя Ли Цзи и считал, что культура бронзы в Китае возникла в результате западного влияния, но он отвергал идею внезапности появления бронзовых изделий на Иньском городище. Он предполагал, что «в бассейне Хуанхэ непременно существовала бронзовая культура в период до Инь-Шан, но до Яншао, которая соответствовала раннему и среднему периодам бронзовой культуры Европы, что в китайской традиционной историографии соответствует периодам Ся и Шан» [Там же, с. 104]. Другими словами, Ли Цзи считал, что начиная с культуры Яншао и вплоть до периода Шан-Инь древние культуры Средней Азии и Европы оказывали непрерывное воздействие на древние культуры Китая. Предположение Ли Цзи о том, что в Китае существовала более ранняя (по сравнению с Инь) бронзовая культура впоследствии получило подтверждение благодаря археологическим открытиям в Яньши (поселение в Эрлитоу, шанское городище Яньши) и в Чжэнчжоу (шанское городище Чжэнчжоу).

В то же время Ли Цзи обратил внимание на то, что между бронзовыми изделиями Иньского городища (наконечники стрел, ножи, наконечники копий, топоры, втульчатые клевцы) и бронзовыми изделиями, найденными в Южной Сибири, существует гораздо большее сходство, нежели с аналогичными изделиями, найденными в Европе. Что касается связи между бронзовыми изделиями Иньшюй и Южной Сибири, то Ли Цзи считал, что первые оказали влияние на вторые, поскольку он опирался на точку зрения Г. В. Мергарта, датировавшего южносибирские бронзовые изделия временем позднее 1000 г. до н. э. и, соответственно, позднее даты иньских бронзовых вещей [Там же, с. 101].

Исходя из концепции Ли Цзи, можно восстановить следующую картину: цивилизация Инь-Шан сформировалась под влиянием западной цивилизации, но после этого, в свою очередь, развернулась на северо-запад, оказав влияние на бронзовую культуру Южной Сибири. Его концепции в значительной степени были близки к идеям С. В. Киселева, высказанным после 1930 г. В условиях недостаточного обмена материалами в то время такую ситуацию независимого возникновения двух сходных концепций можно считать уникальной.

Аналогично и Сюй Чжуншу в 1933 г. при изучении «охотничьих узоров» на бронзовых изделиях Китая указывал на то, что в некоторых областях искусства, представленного на бронзовых изделиях Китая доциньской эпохи (отдельные узоры на бронзе, а также печати, поясные пряжки, кинжалы, зеркала), вероятно, было воспринято влияние скифской традиции [Сюй Чжуншу, 1933]. В 1948 г. он вновь обратился к концепции Ли Цзи о внешнем происхождении техники литья металлов в Китае, а также впервые указал на то, что двухколесные колесницы в Китае шанского времени близки к колесницам Месопотамии в Западной Азии; литье металлов и двухколесные колесницы были привнесены в Китай с запада кочевыми народами, обитавшими на Севере Китая (эта статья Сюй Чжуншу написана в 1948 г., однако только в 1999 и 2000 гг. ее разные фрагменты были впервые опубликованы в Тайване и на континенте [Сюй Чжуншу, 2000]).

В 1930-е гг. эмигрировавший в Японию Го Можо напечатал «Большой свод надписей на металле эпохи обеих Чжоу». Изучая изменения формы шанско-чжоуских бронзовых изделий, он разделил бронзовый век Китая на четыре периода: 1-й – период зарождения (истока), соответствует времени «до Инь-Шан»; 2-й – период торжества древности, соответствует позднему Инь-Шан и раннему Западному Чжоу; 3-й – период развития, соответствует позднему Западному Чжоу и раннему Чуньцю; 4-й – период новых типов изделий, соответствует времени от среднего Чуньцю до конца Чжаньго. При этом на изделиях 3-го периода появляются узоры, отличные от предыдущих. В отношении этих изделий Го Можо солидаризировался

с точкой зрения западных ученых, считавших этот феномен результатом влияния скифской культуры. Он также выдвинул идею о том, что население государства Чжуншань в Северном Китае, вероятно, представляло собой смешанный народ, в котором соединились выходцы из Центральной равнины и скифские племена [Го Можо, 1957, с. 319–326].

**Период исследований 1950-х гг.
(после народной революции 1949 г.)**

С конца 40-х до конца 50-х гг. XX в. в Китае не выходили статьи, специально посвященные изучению археологии Южной Сибири (и других районов Евразийских степей за пределами Китая) эпохи бронзы и раннего железа; китайских археологов, занятых изучением южносибирских материалов этой эпохи, также было немного.

На этом этапе интенсивно развивались работы по изучению памятников династии Шан и Западное Чжоу в районах Центральной равнины (Чжунъюани). Ученые достигли значительных результатов, обнаружили множество бронзовых изделий, в числе которых многие были изготовлены в евразийском степном стиле, однако большинство китайских археологов считало их естественной составляющей шан-чжоуской культуры. Причины такой ситуации многочисленны, из которых наиболее значимой являлся недостаток знания у китайских археологов о евразийских степных материалах, полученных за пределами Китая. На Севере Китая археологические работы были незначительными, хотя некоторые важные памятники уже были открыты и в ходе работ получены существенные археологические материалы, однако общее представление о культуре бронзового века северных районов Китая оставалось довольно туманным, проблемы периодизации и датировки также не были решены. В результате некоторые существенные для науки и довольно специфические памятники бронзового века (такие, как клад бронзовых изделий в Чаодаогуо, уезд Цинлун в Северном Хэбэе, памятники с бронзовыми изделиями по обоим берегам Хуанхэ в провинциях Шаньси и Шэньси, могильник Люцзяхэ в уезде Пингу близ Пекина и др.) не получили должного внимания.

Тем не менее, в 1959 г. Чжан Чжунпэй и Сюэ Цзя перевели и напечатали статью С. В. Киселева «Изучение эпохи бронзы в СССР за 40 лет», опубликованную в журнале «Советская археология» [Киселев, 1957; Цзиселефу, 1959], что оказало большое влияние на китайских археологов. В этой статье он утверждал, что карасукское население «и по культуре, и по физическому типу – южного происхождения. Своеобразная карасукская бронза, керамика и орнаментальное искусство ближе всего связываются с областями, лежащими к северу от Великой Стены (Ордос, Суйюань и Жехе), культура которых особенно тесно сплетается с культурой собственно Китая эпохи Шан-инь... Та же картина наблюдается и в Прибайкалье, где найдена не только бронза карасукско-монгольско-китайского типа, но и керамика типично китайских форм и орнаментации» [Киселев, 1957, с. 42]. Это заметно укрепило мнение китайских ученых о том, что все бронзовые изделия культуры Шан представляют собой единый набор, происхождение которого связано с данной местностью. В 1959 г. С. В. Киселев вновь посетил Китай с визитом и, после того как он ознакомился с новыми археологическими находками раннешанской культуры в Чжэнчжоу, существенно дополнил свои прежние взгляды. Он считал, что в культуре Чжэнчжоу нет бронзовых ножей и топоров, сходных с находками в Иньсюй; поэтому велика вероятность того, что сейминская культура оказала влияние на шанскую, и только после этого шанская культура повлияла на карасукскую [Киселев, 1960; Цзиселефу тунсюнь юаньши цзай бэйцзин..., 1960]. Однако новая система взглядов С. В. Киселева не отражала взаимообмена с китайскими коллегами, с их основными концепциями. Причина такой ситуации заключается в том, что вскоре после второго визита С. В. Киселева в Китай отношения между СССР и КНР постепенно ухудшаются. Даже в области археологии взгляды ученых начинают противостоять друг другу. Начиная с 70-х гг. XX в. в китайской археологической литературе появляется особенно большое количество статей с критикой публикаций советских археологов (аналогично в советской археологической литературе появляется много статей с критикой китайских публикаций), что намного

превышало пределы регулярных (нормальных) научных дискуссий и было тесно связано с политикой. В этот период основной контекст советской археологии, которому уделяли внимание китайские специалисты, составляли также тесно связанные с политикой исследования древних культур бассейна Амура и дискуссии по проблеме происхождения китайской цивилизации. Возможно, это одна из причин, почему новейшая концепция С. В. Киселева, а также проблема связей между бронзовыми изделиями Шан-Чжоу и евразийских степей не получили должного внимания со стороны китайских археологов.

В этот период большое внимание древностям Северного Китая и региона евразийских степей уделяли те китайские археологи, которые ранее участвовали в раскопках Иньского городища (Иньсуй) под руководством Ли Цзи и Гао Цюйсюня, а после 1949 г. переехали на Тайвань вместе с Институтом истории и филологии Academia Sinica.

В 1949 г. Ли Цзи изучал оружие, найденное при раскопках Иньского городища. Посредством исследования методов литья и морфологического анализа ему удалось реконструировать процесс постепенного развития бронзовых ножей Иньсуй от раннего периода до позднего, на основе чего он доказал, что бронзовые ножи с головой зверя на рукояти берут начало в культуре Шан. Вместе с тем он указал на то, что такие ножи впоследствии оказали влияние на бронзовые ножи с навершиями в виде головы зверя, распространенные в северных районах Китая [Ли Цзи, 1949, с. 35–38]. Это стало первым случаем, когда китайский ученый рассмотрел контакты между культурой Шан и культурами бронзового века северных районов Китая.

В том же 1949 г. Гао Цюйсюнь в статье «Критика изучения доханьских древних зеркал и обзор проблемы датировки “хуайского типа”» исследовал проблему происхождения древних бронзовых зеркал Китая [Гао Цюйсюнь, 1949]. Он считал, что бронзовые зеркала, внезапно появившиеся в развитой форме в Китае в VI–V вв., (теоретически) могли испытать влияние скифских культур Северного Причерноморья и Сибири. Но существование бронзовых зеркал было уже обнаружено в Иньсуй, их дата – раньше скифской эпохи, поэтому между этими зеркалами и скифскими культурами не должно быть никакой связи. По поводу проблемы присутствия бронзовых зеркал в Иньсуй и в карасукской культуре, которая в конечном счете сводится к вопросу о связи бронзовых изделий Иньского городища с бронзовыми изделиями карасукской культуры, Гао Цюйсюнь считал невозможным принять однозначное решение, поскольку сама проблема хронологии карасукской культуры еще не решена. Он не читал статьи С. А. Теплоухова от 1929 г. Но из публикаций в японо- и англоязычной литературе он знал, что хронология карасукской культуры разработана С. А. Теплоуховым с использованием метода аналогий и потому не может считаться полностью обоснованной [Там же, с. 4–5]. В той же публикации Гао Цюйсюнь затронул и проблему связи между культурами бронзового века Китая и Среднего Востока. Таким образом, он с разных позиций показал, что вопросы, связанные с местом и временем возникновения культуры бронзового века Китая, пока не решены [Там же, с. 6]. На практике эти вопросы вплоть до сегодняшнего дня остаются в числе важнейших, ждущих своего решения.

В 1958 г. Гао Цюйсюнь при изучении бронзового зеркала, найденного в большой могиле № 1005 в Сибэйган (в районе Хоуцзячжуан на территории Иньского городища), включил в свой обзор и находки на просторах евразийских степей [Гао Цюйсюнь, 1958]. Он вновь указал на то, что китайские бронзовые зеркала периода Чуньцю, более ранние по дате и сложные по форме, не могут происходить из скифской культуры южнорусских степей, равно как и из тагарской культуры Южной Сибири. Перед бронзовыми зеркалами Китая периода Чуньцю должны были существовать другие, более ранние типы зеркал. Очень возможно, что они происходили от бронзовых зеркал периода Иньсуй, хотя подобные изделия, датированные периодом Западного Чжоу и началом Чуньцю, пока не найдены (впоследствии существование бронзовых зеркал в указанную эпоху подтвердили открытия китайских археологов) [Там же, с. 708–710]. При обсуждении контактов культуры Иньсуй с карасукской культурой Гао Цюйсюнь в основном использовал все англоязычные археологические публикации по теме, которые были ему доступны (см., например: [Karlgrén, 1945; Loehr, 1949; 1951;

1956a; 1956b; Jettmar, 1950]. На основании этих статей он сопоставил бронзовые изделия Иньсюй и карасукской культур. Между ними отмечается большое сходство, что определенно свидетельствует об исторических контактах. В то же время он полагал, что в бронзовых ножах Иньского городища отразился процесс развития от простого к сложному, тогда как среди бронзовых ножей карасукской культуры нет изначальных форм. Такие формы не найдены и в составе андроновской культуры. Поэтому датировка карасукской культуры должна быть позднее династии Инь, и, соответственно, именно культура Иньсюй оказала влияние на карасукскую культуру, а не наоборот. Помимо бронзовых ножей, Гао Цюйсюнь считал, что клевцы и «модели ярма» в карасукской культуре также возникли под влиянием иньцев [Гао Цюйсюнь, 1958, с. 714–717]. Таким образом, китайский ученый впервые с определенностью изложил ситуацию по исследованию контактов между культурой Шан и карасукской культурой.

Помимо этого, Гао Цюйсюнь в ходе изучения функции поясных крючков, найденных на территории Центральной равнины Китая, использовал некоторые археологические материалы из Северного Китая и из степных областей за пределами китайских границ [Гао Цюйсюнь, 1952]. Он считал, что поясные крючки из районов Центральной равнины внезапно появляются на рубеже периодов Чуньцю и Чжаньго. Это объясняется изменениями и преобразованиями в одежде населения того времени. Поэтому он предположил, что появление поясных крючков произошло под влиянием извне, но этот элемент был заимствован не из скифской культуры, а из северных районов собственно Китая. Поясные крючки скифских культур отличаются от находок на Центральной равнине, а по хронологии они более поздние [Там же, с. 493–499].

Заключение

В период 1920–1940-х гг. китайские ученые не писали специальных трудов по археологии России и СССР. Они лишь привлекали некоторые сопоставительные материалы при изучении археологических проблем своей страны, причем всегда обращались к трудам европейских, американских и японских ученых как к посредникам. На практике китайские археологи были не слишком хорошо осведомлены о новейших достижениях своих коллег из Советского Союза и наоборот. Например, об открытиях на Иньском городище и, соответственно, о последовательности археологических культур Минусинской котловины в работах ученых каждой из стран говорилось либо очень мало, либо без конкретизации. Причиной такого явления было, с одной стороны, недостаточный уровень развития археологических изысканий в Китае (например, раскопки наиболее важного памятника Иньсюй начались только в конце 1920-х гг.). С другой стороны, не доставало прямых контактов между учеными двух стран, равно как и возможностей получать археологические материалы (прежде всего опубликованные) через другие каналы. Например, Го Цюйсюнь в конце 1950-х гг. все еще не имел возможности прочитать доклады о раскопках памятников карасукской культуры и даже не мог ознакомиться с работами С. А. Теплоухова, опубликованными в 1929 г.

Хотя в тот период и не возникла прямая научная дискуссия между учеными СССР и Китая, однако все они в большей или меньшей степени затрагивали общие проблемы. Например, Ли Цзи при изучении инь-шанских бронз затрагивал проблему контактов шанской культуры (или бронз ордосского типа) с карасукской культурой. Именно эта проблема впоследствии стала одной из тех, что привлекали наибольшее внимание китайских и российских археологов. Поэтому можно сказать, что в сфере археологии бронзового и раннего железного веков китайские ученые стремились привлечь сопоставительные материалы сопредельных территорий, опираясь практически исключительно на собственные систематические полевые работы, например, на Иньском городище.

Тем не менее эти, пока еще робкие, контакты и публикации закладывали базу для постоянно растущего интереса и сотрудничества между археологами двух стран, начавшегося с конца 1970-х – начала 1980-х гг. и продолжающегося по сей день.

Список литературы

- Китова Л. Ю.** История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.
- Киселев С. В.** Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет // СА. 1957. № 4. С. 28–43.
- Киселев С. В.** Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4. С. 244–266.
- Матющенко В. И.** История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): Учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. 132 с.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А.** Культура Сяохэ // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н. э. С. 509–512.
- Bergman F.** Newly discovered graves in the Lop-nor desert // Geografiska Annaler. 1935. Vol. 17, suppl., pp. 44–61.
- Jettmar K.** The Karasuk Culture and its South-Eastern Affinities // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 1950. No. 22. P. 115–123.
- Karlgren B.** Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 1945. No. 17. P. 101–144.
- Loehr M.** Ordos Daggers and Knives: New Material, Classification and Chronology. First Part: Daggers // Artibus Asiae. 1949. Vol. 12, no. 1/2. P. 23–83.
- Loehr M.** Ordos Daggers and Knives: New Material, Classification and Chronology. Second Part: Knives // Artibus Asiae. 1951. Vol. 14, no. 1/2. P. 77–162.
- Loehr M.** Weapons and tools from Anyang and Siberian analogies // American Journal of Archaeology. 1956a. Vol. 53, no. 2. P. 126–144.
- Loehr M.** Chinese Bronze Age Weapons: The Werner Jannings Collection in the Chinese National Palace Museum, Peking. Ann Arbor: University of Michigan Press; London: Geoffrey Cumberledge, Oxford University Press, 1956b. XVI, 233 p. + 155 ill.
- Mair V. H.** The rediscovery and complete excavation of Ördök's Necropolis // Journal of Indo-European Studies. 2006. Vol. 34, iss. 3. P. 273–318.
- Ван Пэн.** Сиболия каогусюэдэ ланьшан [王鹏。西伯利亚考古学的滥觞 // 光明日报]. Зарождение сибирской археологии // Гуанмин жибао. 22.12.2017. С. 16. (на кит. яз.)
- Гао Цюйсюнь.** Пин ханьцианьдэ гу цзинчжи яньцзю бин лунь хуайшичжи шидай вэньти [高去寻。评汉以前的古镜之研究并论“淮式”之时代问题 // 历史语言研究所集刊]. Критика изучения доханьских древних зеркал и обзор проблемы датировки «хуайского стиля» // Лиши юйянь яньцзюсо цзикань [Сб. ст. Ин-та истории и филологии] (г. Тайбэй). 1949. Т. 14. С. 1–19. (на кит. яз.)
- Гао Цюйсюнь.** Чжаньго мунэй дайгоу юньюйдэ туйцзэ [高去寻。战国墓内带钩用途的推测 // 历史语言研究所集刊]. Гипотеза об использовании поясных крючков, найденных в могилах периода Чжаньго // Лиши юйянь яньцзюсо цзикань [Сб. ст. Ин-та истории и филологии] (г. Тайбэй). 1952. Т. 23, ч. 2. С. 489–510. (на кит. яз.)
- Гао Цюйсюнь.** Иньдайдэ имянь тунцзин цзи сянгунань чжи вэньти [高去寻。殷代的一面铜镜及相关之问题 // 历史语言研究所集刊]. Бронзовое зеркало династии Инь и связанные с ним вопросы // Лиши юйянь яньцзюсо цзикань [Сб. ст. Ин-та истории и филологии] (г. Тайбэй). 1958. Т. 29. С. 685–719. (на кит. яз.)
- Го Можо.** Цинтун шидай [郭沫若。青铜时代]. Бронзовый век. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1957. 334 с. (на кит. яз.)
- Ли Хайжун.** Бэйфан дицзюй чу ту ся шан чжоу шици цинтунци яньцзю [李海荣。北方地区出土夏商周时期青铜器研究]. Изучение бронзовых изделий эпохи Ся, Шан и Чжоу, найденных в северных районах Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. 336 с. (на кит. яз.)

- Ли Цзи.** Иньсюй тунци учжун цзи ци сянгуньчжи вэньти [李济。殷墟铜器五种及其相关问题 // 庆祝蔡元培先生六十五岁论文集]. Пять видов бронзовых изделий из Иньсюй и связанные с ними вопросы // Цинчжу цай юаньпэй сяньшэн люшиу суй луньвэньцзи [Сб. ст., посвящ. 65-летию г-на Цай Юаньпэя]. Бэйпин: Ин-т истории и филологии АН КНР, 1933. Кн. 1. С. 73–104. (на кит. яз.)
- Ли Цзи.** Цзи сяотунь чутучжи цинтунци (чжун бянь) [李济。记小屯出土之青铜器 (中篇) // 中国考古学报]. Описание бронзовых изделий, найденных в Сяотунь (2-я часть) // Чжунго каогу сюэбао. 1949. Т. 4. С. 1–70. (на кит. яз.)
- Сюй Чжуншу.** Гудай шоуле тусян као [徐中舒。古代狩猎图像考 // 庆祝蔡元培先生六十五岁论文集]. Исследование древних изображений охоты // Цинчжу цай юаньпэй сяньшэн люшиу суй луньвэньцзи [Сб. ст., посвящ. 65-летию г-на Цай Юаньпэя]. Бэйпин: Шанью иньшугуань, 1933. Т. 2. С. 569–618. (на кит. яз.)
- Сюй Чжуншу.** Бэйди цзай цян инь вэньхуа шан чжи гунсянь – лунь иньсюй цинтунци юй лянлунь дачэчжи юлай [徐中舒。北狄在前殷文化上之贡献 – 论殷墟青铜器与两轮大车之由来 // 中华文化论坛]. Вклад северных ди в доиньскую культуру: о происхождении бронзовых изделий Иньского городища и двухколесных больших колесниц // Чжунхуа вэньхуа луньтань [Форум по китайской культуре]. 2000. № 1. С. 31–50. (на кит. яз.)
- Цзиселефу С. В.** [Киселев]. Сыши няньлай сулянь цзиннэй цинтун шидайдэ яньцзю [С. В. 吉谢列夫。四十年来苏联境内青铜时代的研究 // 考古]. Изучение эпохи бронзы в СССР за 40 лет // Каогу. 1959. № 6. С. 302–313. (на кит. яз.)
- Цзиселефу С. В.** [Киселев] тунсюнь юаньши цзай бэйцзин соцзодэ сюэшу баогао [С. В. 吉谢列夫通讯院士在北京所做的学术报告 // 考古]. Научные доклады, с которыми член-корреспондент С. В. Киселев выступил в Пекине // Каогу. 1960. № 2. С. 45–53. (на кит. яз.)

References

- Bergman F.** Newly discovered graves in the Lop-nor desert. *Geografiska Annaler*, 1935, vol. 17, suppl., pp. 44–61.
- Gao Quxun.** Ping hanyiqiande gu jingzhi yanjiu bing lun “huaishi”zhi shidai wenti [高去寻。评含以前的古镜之研究并论“淮式”之时代问题 // 历史语言研究所季刊]. Critique of the study of pre-Han ancient mirrors and a review of the problem of dating the “Huai style”. In: Lishi yuyan yanjiusuo yanjiu jikan [Collection of papers of Institute of History and Philology] (Taibei), 1949, vol. 14, pp. 1–19. (in Chin.)
- Gao Quxun.** Zhan’guo munei daigou yongyude tuize [高去寻。战国墓内带钩用遇的推则 // 历史语言研究所季刊]. Hypothesis about the use of belt hooks found in Zhan’guo period graves. In: Lishi yuyan yanjiu jikan [Collection of papers of Institute of History and Philology] (Taibei), 1952, vol. 23, part 2, pp. 489–510. (in Chin.)
- Gao Quxun.** Yindaide yimian tongjing ji xiangguanzhi wenti [高去寻。殷代的一面铜镜及相关之问题 // 历史语言研究所集刊]. Bronze mirror of Yin Dynasty and the problems connected. In: Lishi yuyan yanjiusuo jikan [Collection of papers of Institute of History and Philology] (Taibei), 1958, vol. 29, pp. 685–719. (in Chin.)
- Guo Moruo.** Qingtong shidai [郭沫若。青铜时代]. Bronze Age. Beijing, Kexue chubanshe, 1957, 334 p. (in Chin.)
- Jettmar K.** The Karasuk Culture and its South-Eastern Affinities. *Bulletin of the Museum of Far-Eastern Antiquities*, 1950, no. 22, pp. 115–123.
- Jixieliefu S. V.** [Kiselev]. Sishi niandai sulian jingnei qingtong shidaide yanjiu [С. В. 吉谢列夫。四十年来苏联境内青铜时代的研究 // 考古]. Study of the Bronze Age in the USSR over 40 years. *Kaogu [Archaeology]*, 1959, no. 6, pp. 302–313. (in Chin.)

- Jixieliefu S. V.** [Kiselev] tongxun yuanshi zai Beijing suo zuode xueshu baogao [C. B. 吉谢列夫通讯院士在北京所做的学术报告 // 考古]. Scientific reports given by Corresponding Member S. V. Kiselev in Beijing. *Kaogu* [Archaeology], 1960, no. 2, pp. 45–53. (in Chin.)
- Karlgren B.** Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*, 1945, no. 17, pp. 101–144.
- Kiselev S. V.** Issledovanie bronzovogo veka na territorii SSSR za 40 let [Study of the Bronze Age on the territory of the USSR over 40 years]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1957, no. 4, pp. 28–43. (in Russ.)
- Kiselev S. V.** Neolit i bronzovyi vek Kitaya [Neolithic and the Bronze Age of China]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1960, no. 4, pp. 244–266. (in Russ.)
- Kitova L. Yu.** Istoriya sibirskoi arkheologii (1920–1930-e gody) [A history of Siberian archaeology (1920s and 1930s)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2007, 272 p. (in Russ.)
- Li Hairong.** Beifang diqu chutu xia shang zhou shiqi qingtongqi yanjiu [李海荣。北方地区出土夏商周时期青铜器研究]. Study of the bronze implements of Xia, Shang and Zhou epoch, found in the northern regions of China. Beijing, Wenwu chubanshe, 2003, 336 p. (in Chin.)
- Li Ji.** Yinxu tongqi wuzhong ji qi xianguanzhi wenti [李济。殷墟铜器五种及其相关问题 // 庆祝蔡元培先生六十五岁论文集]. Five types of bronze implements from Yinxu and the problems connected. In: Qingzhu cai yuanpei xiansheng liushiwu sui lunwenji [Collection of papers devoted to 65th anniversary of Mr. Qai Yuanpei]. Beijing, Institute of History and Philology of Academia Sinica, 1933, vol. 1, pp. 73–104. (in Chin.)
- Li Ji.** Ji xiaotun chutuzhi qingtongqi (zhong bian) [李济。记小屯出土之青铜器 (中篇) // 中国考古学报]. Descriptions of the bronze implements, found in Xiaotun (2nd part). *Zhongguo kaogu xuebao*, 1949, vol. 4, pp. 1–70. (in Chin.)
- Loehr M.** Ordos Daggers and Knives: New Material, Classification and Chronology. First Part: Daggers. *Artibus Asiae*, 1949, vol. 12, no. 1/2, pp. 23–83.
- Loehr M.** Ordos Daggers and Knives: New Material, Classification and Chronology. Second Part: Knives. *Artibus Asiae*, 1951, vol. 14, no. 1/2, pp. 77–162.
- Loehr M.** Weapons and tools from Anyang and Siberian analogies. *American Journal of Archaeology*, 1956a, vol. 53, no. 2, pp. 126–144.
- Loehr M.** Chinese Bronze Age Weapons: The Werner Jannings Collection in the Chinese National Palace Museum, Peking. Ann Arbor, Uni. of Michigan Press; London: Geoffrey Cumberledge, Oxford Uni. Press, 1956b, XVI, 233 p. + 155 ill.
- Mair V. H.** The rediscovery and complete excavation of Ördek's Necropolis. *Journal of Indo-European Studies*, 2006, vol. 34, iss. 3, pp. 273–318.
- Matyushchenko V. I.** Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy Sibiri (do kontsa 1930 kh godov): ucheb. posobie [A history of archaeological studies of Siberia (before the end of 1930s): Textbook]. Omsk, Omsk Uni. Press, 1992, 132 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Komissarov S. A.** Kul'tura Syaokhe [Xiaohé Culture]. In: Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka [History of China from the earliest times to the beginning of the 21st century]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2016, vol. 1: Drevneishaya i drevnyaya istoriya (po arkheologicheskim dannym): ot paleolita do V. do n. e. [The earliest and early history (according archaeological data): From Paleolithic to 5th century BC], pp. 509–512. (in Russ.)
- Wang Peng.** Xiboliya kaoguxuede lanshang [王鹏。西伯利亚考古学的滥觞 // 光明日报]. The birth of Siberian archaeology. *Guangming ribao*, 22.12.2017, p. 16. (in Chin.)
- Xu Zhongshu.** Gudai shoulie tuxiang kao [徐中舒。古代狩猎图像考 // 庆祝蔡元培先生六十五岁论文集]. Study of ancient hunting pictures. In: Qingzhu cai yuanpei xiansheng liushiwu sui lunwenji [Collection of papers devoted to 65th anniversary of Mr. Qai Yuanpei]. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1933, vol. 2, pp. 569–618. (in Chin.)

Xu Zhongshu. Beidi zai qian yin wenhua shang zhi gongxian – lun yinxu qingtongqi yu lianglun dachezhi youlai [徐中舒。北狄在前殷文化上之贡献 – 论殷墟青铜器与两轮大车之由来 // 中华文化论坛]. The contribution of the northern di tribes to the pre-Yin culture: on the origin of bronze implements of the Yinxu and two-wheeled large chariots. *Zhonghua wenhua luntan* [*Chinese Culture Forum*], 2000, no. 1, pp. 31–50. (in Chin.)

Информация об авторе

Ван Пэн, магистр истории

Information about the Author

Wang Peng, Magister of History

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 11.01.2024;
approved after reviewing on 31.01.2024; accepted for publication on 10.02.2024*

Научная статья

УДК 902.2; 903.2

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-45-55

Изучение К. А. Железняковым археологических памятников хэйшуй мохэ в Северной Маньчжурии на реке Ашихэ в 1930–1940-е годы

Сергей Павлович Нестеров ¹

Сергей Владимирович Алкин ²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ nesterov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>

² alkin-s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6319-6448>

Аннотация

Представлен анализ материалов памятников мохэ, найденных К. А. Железняковым в 1930–1940-е гг. в окрестностях г. Харбина на Северо-Востоке Китая. Его статья 1946 г. является одной из первых в изучении культуры мохэ и единственной, сохранившей информацию об уже исчезнувших памятниках в низовье р. Ашихэ и об артефактах, находящихся в Музее провинции Хэйлунцзян, к которым доступ у российских археологов ограничен. В ней автор только обозначил этнокультурную принадлежность материалов, а их хронология была им ограничена мохэским временем. В ходе сравнительного анализа с материалами памятников Приамурья, Приморья и Маньчжурии установлено, что ашихэские сосуды относятся к найфельдской группе хэйшуй мохэ и датируются VIII–IX вв.

Ключевые слова

К. А. Железняков, Харбин, Ашихэ, Приамурье, Приморье, культура хэйшуй мохэ

Благодарности

Статья подготовлена по проекту НИР «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022-0004)»

Для цитирования

Нестеров С. П., Алкин С. В. Изучение К. А. Железняковым археологических памятников хэйшуй мохэ в Северной Маньчжурии на реке Ашихэ в 1930–1940-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 45–55. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-45-55

K. A. Zheleznyakov's Study of the Archaeological Sites of Heishui Mohe in Northern Manchuria on the Ashihe River in the 1930s – 1940s

Sergei P. Nesterov ¹, Sergei V. Alkin ²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ nesterov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>

² alkin-s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6319-6448>

Abstract

The archaeological study of Manchuria began by Russian researchers at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The scientific works of Russian archaeologists from Harbin to this day remain in demand in the modern

© Нестеров С. П., Алкин С. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 45–55
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 45–55

scientific community both in Russia and China. This article presents an analysis of materials from Mohe sites found by K. A. Zheleznyakov in the 1930s – 1940s East of Harbin. A small publication from 1946 is now one of the first in the study of Mohe culture. This is the only article that contains information about 9 archaeological sites in the lower reaches of the Ashihe River. Some of them have already disappeared as a result of the expansion of the city and settlements boundaries. The artifacts are kept in the collections of the Heilongjiang Provincial Museum in Harbin, to which Russian archaeologists have limited access. This rare publication provides detailed morphological and parametric characteristics of the discovered vessels of the Mohe culture. For the first time in Mohe archeology, a name for vessels based on their shape was proposed. K. A. Zheleznyakov presumably attributed the sites and burials to the Anchegu Mohe. Their chronology was limited to the Mohe period. During a comparative analysis with known materials from the sites of the Amur region, Primorye and Manchuria, it was established that the vessels found on the banks of the Ashihe River belong to the Nayfeld group of Heishui Mohe of the 8th – 9th centuries.

Keywords

K. A. Zheleznyakov, Harbin, Ashihe, Amur Region, Primorye, Heishui Mohe Culture

Acknowledgements

The article was prepared as a part of the research project “Diversity and continuity in the development of cultures in the eras of stone, paleometal and the Middle Ages in the Far Eastern and Pacific regions of Eurasia (FWZG-2022-0004)”

For citation

Nesterov S. P., Alkin S. V. K. A. Zheleznyakov’s Study of the Archaeological Sites of Heishui Mohe in Northern Manchuria on the Ashihe River in the 1930s – 1940s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 45–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-45-55

Введение

Археологическое изучение Маньчжурии было начато российскими исследователями в конце XIX – начале XX в. Они были первооткрывателями многих известных теперь археологических памятников Маньчжурии. Еще в конце XIX в. историко-этнографическое изучение Маньчжурии проводили М. И. Венюков, Р. К. Маак, П. А. Кропоткин, А. Ф. Усольцев, П. И. Кафаров, Д. В. Путята, Н. Г. Гарин-Михайловский. Свои первые археологические сборы здесь осуществил уральский археолог В. Я. Толмачёв, участвовавший в Русско-японской войне (1904–1905). Он открыл неолитическую стоянку на р. Хайчэнхэ и погребальные памятники в районе г. Фушунь. В районе г. Мукден (совр. Шэньян) он собрал коллекцию бронзовых наконечников стрел раннего железного века и описал средневековое городище с квадратным в плане земляным валом [Алкин, 2005].

С начала 1920-х гг. местом притяжения сил краеведов стали «Общество изучения Маньчжурского края» (1922–1928 гг.) и Музей КВЖД (открыт в 1923 г.) в Харбине. Особый вклад в изучение археологии Маньчжурии внесли А. М. Баранов, Е. И. Титов, Л. М. Яковлев, В. Н. Алин, В. С. Макаров, К. А. Железняков, А. С. Лукашкин, А. Г. Малявкин, В. С. Стариков. Признанными лидерами харбинской археолого-этнографической школы были В. Я. Толмачёв и В. В. Поносов [История Китая..., 2016, с. 32–35]. Научные работы археологов-харбинцев до настоящего времени остаются востребованными в современном научном сообществе как в России, так и в Китае, где все значимые статьи переизданы на китайском языке [Железняков, 1983; 1991; Поносов, 1991].

Как и многие русские – подданные Маньчжоуго, К. А. Железняков, получивший там образование, знал японский язык. После репатриации в СССР семья Железныковых поселилась в Иркутске. На момент знакомства С. В. Алкина с Константином Афанасьевичем в 1985 г. он уже был на пенсии, но продолжал давать частные уроки японского языка, который ранее преподавал в Иркутском государственном педагогическом институте иностранных языков им. Хо Ши Мина (создан в 1948) (рис. 1).

Определяющим в интересе К. А. Железныкова к краеведческой работе и археологии стало знакомство и общение с В. Я. Толмачёвым. Затем была получена хорошая подготовка в кружке под руководством археолога В. В. Поносова. В нем он занимался вместе с Л. М. Яковлевым, А. Г. Малявкиным, В. С. Макаровым, В. С. Стариковым и др. В летописи деятельности

Музея провинции Хэйлунцзян К. А. Железняков упоминается в 1932 г.: 9 октября он совершил обследование древнего городища в юго-восточной части провинции Синъань (Хинган) [Хэйлунцзян шэн боугуань..., 1993, с. 29]. Изучение городищ в этом районе было продолжено им в 1933 г., по результатам которого в 1936 г. вышла статья [Железняков, 1991]. Кроме того, достоверно известно, что К. А. Железняков был одним из организаторов «Харбинского кружка юных естествоиспытателей, археологов и этнографов» при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи [Поносов, 1991].

Последней краеведческой организацией в Харбине, основанной в 1946 г., стало «Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов», которое просуществовало 9 лет. Им руководили Б. В. Скворцов и В. Н. Алин. Интересами общества были зоология, энтомология, археология и этнография.

Именно в одном из первых номеров «Записок...» этого общества, ставших в наши дни редким изданием, и была опубликована статья К. А. Железнякова о его обследованиях низовьев р. Ашихэ восточнее Харбина в 1937–1943 гг. [Железняков, 1946]. Несмотря на то, что он сам называл свой интерес к археологии любительским, вклад тогда еще молодого исследователя в изучение археологии мохэ трудно переоценить.

Рис. 1. Константин Афанасьевич Железняков (1914, Николаевск-на-Амуре – 1987, Иркутск)

Fig. 1. Konstantin Afanasyevich Zheleznyakov (1914, Nikolaevsk on Amur – 1987, Irkutsk)

Археологические исследования К. А. Железнякова в окрестностях Харбина

Статья «Результаты некоторых археологических разведок в пойме нижнего течения р. Ашихэ» является одной из наиболее цитируемых у археологов, которые занимаются изучением археологии Средневековья дальневосточного региона, поскольку в ней автор дал первое описание археологических материалов культуры мохэских племен в данном районе. Основной задачей, как отметил сам К. А. Железняков, является лишь освещение результатов некоторых разведок в этом районе, регистрация своих находок для изучения исторического прошлого Маньчжурии. Сам автор в данной работе особо обращал внимание читателей на то, что он «пока воздерживается от построения детальных гипотез и заключений в отношении добытого материала» [Там же, с. 47].

Жизненные перипетии не дали Константину Афанасьевичу возможности продолжить занятия археологией. Кроме статьи о памятниках на р. Ашихэ им еще была опубликована работа «Некоторые нумизматические данные к археологии Харбинского района» [1950], где упоминаются многочисленные экскурсии, начавшиеся не позднее 1937 г., в том числе в 1947 г. совместно с А. Г. Малявкиным (1917–1994), с которым авторам довелось работать в 1980-е гг. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

Всего за годы обследования районов в низовье р. Ашихэ К. А. Железняков исследовал различными способами (осмотром, сбором подъемного материала, небольшими раскопками) 9 местонахождений, которые на опубликованной им карте имеют номера, полученные в хронологическом порядке их открытия (рис. 2, 1). В настоящее время из-за разросшихся на восток окраин Харбина, а также упоминаемых в статье деревень, часть археологических памятников была утеряна для исследования (рис. 2, 3).

Судя по краткому описанию материалов автором археологических экскурсий, практически во всех пунктах были зафиксированы фрагменты керамики мохэской культуры. Наибольшие их коллекции происходят с пунктов № 1 и 2.

На бугре Гао-тай-цзы (№ 1) около дер. Мо-ли-гай К. А. Железняков летом 1937 и дважды в 1942 г. проводил сбор подъемного материала с его вершины и с размытых дождями склонов, а также выполнил его промеры и сделал план местности (рис. 2, б). Опубликованные им в таблице № 1 фрагменты керамики (в основном венчики сосудов) № 1–11 можно отнести к мохэской культуре (рис. 2, 2).

Наиболее печальная участь постигла бугор у дер. Хуан-цзя-вай-цзы, на котором располагался мохэский могильник. К. А. Железняков впервые посетил его в 1937 г., но как археологический памятник он был им открыт в 1939 г. На протяжении 1940–1942 гг. исследователь наблюдал, как бугор постепенно разрушался, и в результате дождей был смыт водой. Именно здесь он предпринял небольшие раскопки, как он отметил сам, «последние из-за отсутствия возможности совершать сюда регулярные экскурсии, производились без особой системы» [Железняков, 1946, с. 51]. Тем не менее именно здесь была обнаружена значительная коллекция археологически целых сосудов, сделан план бугра и его разрез с юго-востока на северо-запад, в который попали три погребения (рис. 2, 7).

В статье К. А. Железняков дал подробную морфологическую и параметрическую характеристику обнаруженных сосудов мохэской культуры, описал орнамент, состав керамического теста и цвет поверхности емкостей. Здесь же, наверное, впервые в археологии мохэ предложено название сосудов по форме: он обозначил их как «кринкообразные» [Железняков, 1946, с. 52–54]. В современной типологии такие сосуды называют горшками или горшковидными (рис. 3, 1, 2, 4, 5), вазами или вазовидными (рис. 3, 3). Один сосуд К. А. Железняков посчитал «образцом культуры более раннего периода» так как он был найден в разрезе обрыва на глубине 175 см в песчаном слое (рис. 3, 7), тогда как мохэские горшки залежали в глинистом слое 2 буро-желтого цвета [Там же, с. 52]. Фрагмент подобной кринки был найден им на бугре № 1 (см. рис. 2, 2).

Кроме сосудов на данном могильнике было поднято или выкопано до девяти останков отдельных костяков из погребений, причем в трех были черепа (рис. 2, 5), но все плохой сохранности, а также кости черепа и зубы лошади, в меньшем количестве – свиньи и собаки. Другие находки представлены железным наконечником стрелы, серебряной серьгой с нефритовым диском-подвеской, нефритовыми дисками, серебряной проволокой (обломками серег), серебряным браслетом (см. рис. 2, 4), бронзовым кольцом.

К. А. Железняков отметил, что по природным и техническим условиям было невозможно проведение систематических раскопок, «однако, если принять во внимание, что не тронутый бугор Гао-тай-цзы у селения Мо-ли-гай по своему виду, характеру и обнаруженным на нем остаткам материальной культуры весьма напоминает смытый бугор № 2, следует ожидать, что Гао-тай-цзы может вполне заменить смытый бугор и исследование его может дать точную и ясную характеристику всем прочим буграм и многим другим находкам в пойме р. Ашихэ» [Там же, с. 60]. Таким образом, исследователь посчитал полученный с двух бугров материал одинаковым, хотя на последнем было много артефактов чжурчжэньского периода, возможно, из-за расположенного рядом городища этого времени (см. рис. 2, б). В статье нет информации о том, что материалы с бугра Гао-тай-цзы (№ 1) связаны с погребениями мохэ, скорее наоборот, он их соотносит с поселением [Там же, с. 49].

Большое значение имеет вывод К. А. Железнякова об этнокультурной принадлежности стоянок и погребений. Он осторожно предположил их принадлежность «к племени Илоу» или, еще вернее, к их потомкам – мохэ, и также отметил, что «один из аймаков (кит. бу) этого племени носил название Ань-чэ-гу-бу, согласно письменным источникам проживал именно здесь, на р. Ашихэ. Аньчэгу – древнее название Ашихэ» [Там же, с. 61].

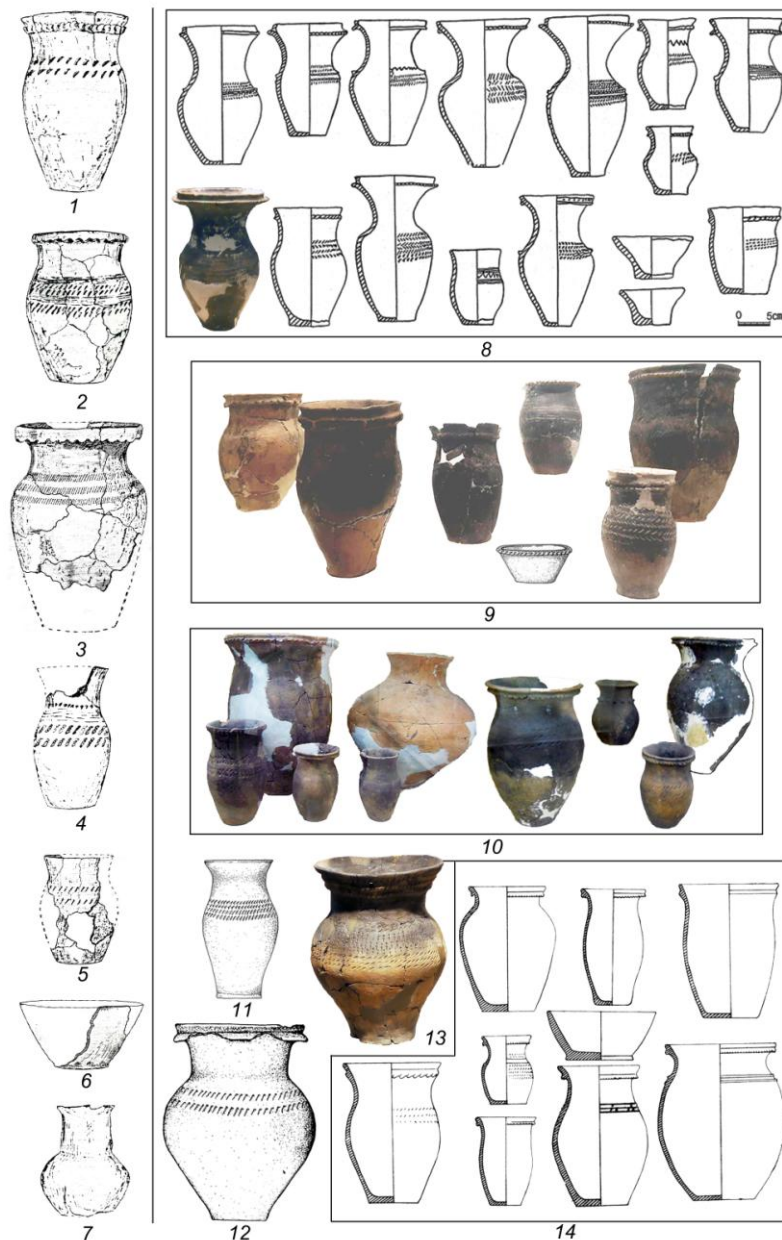

Рис. 3. Керамические сосуды из погребений могильника Хуан-цзя-вай-цзы (1–7) и их аналоги с памятников провинции Хэйлунцзян, Китай (8–10, 14), российского Приамурья (9, 11, 12) и Японии (13).

8 – Туаньцзе; 9 – Шапка; 10 – Хэкоу, г. Хайлин; 11 – Благословенное II; 12 – Найфельд; 13 – охотская культура Хоккайдо (Япония); 14 – Лаохэшэнь.

1–7 – по: [Железняков, 1946, с. 53, 54]; 8 – прорисовка сосудов по: [Цзу Яньлин и др., 1989], фото: Музей провинции Хэйлунцзян, г. Харбин; 9 – Амурский областной краеведческий музей; 10 – Музей провинции Хэйлунцзян, г. Харбин; 11 – по: [Дьякова, 1984, с. 178]; 12 – по: [Деревянко, 1975, с. 90, рис. 59]; 13 – Музей северных народов Хоккайдо, г. Абасири; 14 – по: [Памятник Лаохэшэнь..., 1987, с. 97]. Без масштаба

Fig. 3. Ceramic vessels from the burials of the Huang-jia-wai-zi burial ground (1–7), and their analogues from sites in Heilongjiang Province, China (8–10, 14), Russian Amur Region (9, 11, 12) and Japan (13).

8 – Tuanjie; 9 – Shapka; 10 – Hekou, Hailin; 11 – Blagoslovennoe II; 12 – Nayfeld; 13 – Okhotsk culture of Hokkaido (Japan); 14 – Laoheshen.

1–7 – by: [Zheleznyakov, 1946, p. 53, 54]; 8 – drawing of vessels by: [Zu Yanling et al., 1989], photo: Heilongjiang Provincial Museum, Harbin; 9 – Amur Regional Museum of Local Lore; 10 – Heilongjiang Provincial Museum, Harbin; 11 – by: [Dyakova, 1984, p. 178]; 12 – by: [Derevianko, 1975, p. 90, fig. 59]; 13 – Hokkaido Northern Peoples Museum, Abashiri; 14 – by: [Laoheshen site..., 1987, p. 97]. Without scale

Исследователь не был пионером в этом вопросе. Еще в 1913 г. японский археолог Тории Рюдзо (1870–1953), осмотрев предметы из погребений у моста через р. Амур вблизи Хабаровска, отнес их к племенам мохэ, известным по китайским летописям.

К. А. Железняков, определившись с этнокультурной принадлежностью своих находок, об их хронологии ничего не сказал. В то время она еще не была разработана. Сейчас мы можем этот момент прояснить, учитывая как сообщения письменных источников и типологию сосудов, так и радиоуглеродные даты с аналогичных памятников Приамурья, Приморья и Маньчжурии.

В настоящее время большинство российских исследователей в мохэской культуре по лепной керамике различают две основные группы памятников: найфельдскую и троицкую, предложенные О. В. Дьяковой [1984, с. 40–76]. В археологии Китая найфельдская группа известна как культура *тунжэнь* [Тань Инцзе и др., 1980, с. 87–88]. В этническом плане их относят к хэйшуй мохэ [Нестеров, 1998, с. 67–70]. О. В. Дьякова найфельдскую группу связывает с сумо мохэ [1984, с. 124].

На основании радиоуглеродных дат и по различию известного археологического материала культура хэйшуй мохэ делится на хронологические этапы: V–VII, VIII–IX и X–XIII вв. н. э. [Нестеров, 1998, с. 65].

Керамические сосуды первого этапа обнаружены в Восточном Приамурье на памятниках Благословенное II, Петровское Озеро, Амурзет, Найфельдский могильник на левом берегу Амура, Тунжэнь, Туаньцзе – на его правом берегу (рис. 3, 8) [Дьякова, 1984, с. 178–183, табл. 32–37; Медведев, 1992; Деревянко и др., 1999; Цзу Яньлин и др., 1989]. Из погребений могильника на бугре у деревни Хуан-цзя-вай-цзы происходят сосуды, близкие к вазовидным сосудам и горшкам без валика под венчиком вышеназванных памятников V–VII вв. (рис. 3, 4, 5, 11, 12).

Горшки второго хронологического этапа культуры хэйшуй мохэ из мог. Хуан-цзя-вай-цзы имеют широкие аналогии с памятниками Приамурья и Приморья и северо-востока Маньчжурии (рис. 3, 9, 10) [Нестеров и др., 2003; Тань Вэй, 2010, с. 14, рис. 5]. В Маньчжурии VIII–IX вв. озаменованы активной политической деятельностью государства Бохай, основанного сумо мохэ. Именно они и хэйшуй мохэ к началу VIII в. составляли на востоке Азии главные этнокультурные и политические силы. Есть китайские письменные свидетельства того, что часть территории хэйшуй мохэ оказалась в границах Бохая, возможно, в 720–730-е и в 820–830-е гг., когда бохайцы подчинили северные мохэские племена [Чжун Сук-бэ, 2022, с. 82].

В настоящее время самым южным археологическим памятником в Маньчжурии, где есть сосуды хэйшуй мохэ, является могильник Лаохэшэнь на правом берегу р. Сунгари, примерно в 124 км от Харбина. При этом в них уже заметно влияние гончарства сумо мохэ (рис. 3, 13) [Юйшу Лаохэшэнь, 1987, с. 97].

Вместо заключения

Исследования К. А. Железнякова в низовьях р. Ашихэ, в бассейне которой он локализовал племя *аньчэгу мохэ*, ставят еще один важный вопрос: почему материальная и духовная культура хэйшуй и аньчэгу мохэ одинаковы?

Учитывая, что другой керамики мохэ, кроме хэйшуй, в данном районе не обнаружено, а морфология найденных сосудов имеет как ранние, так и поздние черты в пределах одного могильника, то это можно связать с переселением в данный район из Приамурья именно хэйшуй мохэ. Есть сведения в «Цзю Таншу», что после того, как в 668 г. Когурё было разбито китайцами, мохэские племена гудо, аньчэгу, гуши и другие «также потерпели поражение и разбежались, придя в упадок. И только племя хэйшуй целиком процветало. Разделившись, оно образовало 16 поколений» [Кюннер, 1961, с. 274]. Археологические памятники найфельдской группы хэйшуй мохэ есть в Западном и Восточном Приамурье, в Приморье, в бассейне Сунгари [Нестеров, 1998, с. 54; Дьякова, 1984, с. 127–129; Никитин, 2000, с. 151; Юйшу Лао-

хэшэнь, 1987, с. 97]. Найфельдские сосуды известны также в охотской культуре на островах Сахалин (Россия) и Хоккайдо (Япония) [Дьякова, 1984, с. 129–132]. Например, на севере о. Хоккайдо, в могилах археологического памятника Моёро (г. Абасири) зафиксировано использование сосудов найфельдского облика: они, поставленные вверх дном, прикрывали голову погребенного. При этом у них было пробито дно, как у сосудов из погребений хэйшуй мохэ в Приамурье ¹.

Другое предположение: керамика, украшения и прочие предметы *аньчэгу мохэ* были такими же, как и у хэйшуй, что, возможно, связано с тем, что они были родственны и входили в состав северных племен, на которых была направлена экспансия государства Бохай.

Однако, поскольку первое положение имеет под собой реальные археологические материалы, сопоставимые с данными письменных источников по этнокультурной истории хэйшуй мохэ, можно констатировать, что территория, где сейчас расположен г. Харбин, и низовья р. Ашихэ, где проводил исследования К. А. Железняков, входили в зону их расселения.

Список литературы

- Алкин С. В.** Археолог Владимир Яковлевич Толмачёв // На пользу и развитие русской науки. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 90–100.
- Деревянко А. П., Богданов Е. С., Нестеров С. П.** Могильник Найфельд. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 96 с.
- Деревянко Е. И.** Мохэские памятники на Среднем Амуре. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.
- Дьякова О. В.** Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. М.: Наука, 1984. 206 с.
- Железняков К. А.** Результаты некоторых археологических разведок в пойме нижнего течения р. Ашихэ // Зап. Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. Харбин, 1946. № 3: Археология. С. 47–61.
- Железняков К. А.** Некоторые нумизматические данные к археологии Харбинского района // Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов. 1950. № 8: Археология. С. 11–15.
- Железняков К. А.** Ашихэ сяю хэвань дидай каогу дяоча шоухо [Результаты некоторых археологических разведок в пойме нижнего течения р. Ашихэ] // Хэйлунцзян вэньу цунькань. 1983. № 2. С. 104–112. (на кит. яз.)
- Железняков К. А.** Синъань шэн дэ каогу цзыляо [Материалы по археологии провинции Синъань] // Хэйлунцзян каогу миньцзу цзыляо ивэнь цзи [Сборник переводных материалов по археологии и этнографии Хэйлунцзяна]. Харбин: Хэйлунцзян боугуань, 1991. Вып. 1. С. 81–85. (на кит. яз.)
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. М.: Наука; Вост. лит., 2016. 960 с.
- Кюннер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 392 с.
- Медведев В. Е.** Оригинальный могильник на Среднем Амуре // Изв. СО РАН. Серия истории, филологии и философии. 1992. № 3, вып. 3. С. 63–64.
- Нестеров С. П.** Народы Приамурья в эпоху раннего Средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 184 с.
- Нестеров С. П., Кудрич О. С., Комарова Н. А.** Коллекция керамической посуды из могильника Шапка // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 286–293.

¹ Информация получена С. П. Нестеровым во время посещения археологического памятника Моёро и музеев городов Абасири, Саппоро и др.

- Никитин Ю. Г.** Население долины р. Суйфун в предгосударственный период // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 147–153.
- Поносов В. В.** Бэймань каогу сюэ ши [История археологического изучения Северной Маньчжурии] // Хэйлунцзян каогу миньцзу цзыляо ивэнь цзи [Сборник переводных материалов по археологии и этнографии Хэйлунцзяна]. Харбин: Хэйлунцзян боугуань, 1991. Вып. 1. С. 182–191. (на кит. яз.)
- Тань Вэй.** Хэйлун цзян Суйбинь сянь Сышилянь ичжи фацзюэ баогао [Доклад о раскопках памятника Сышилянь в уезде Суйбинь провинции Хэйлунцзян] // Бэйфан вэнь. 2010. № 2. С. 10–16. (на кит. яз.)
- Тань Инцзе, Чжан Тайсян, Ян Ху.** Предварительные данные о древних культурах провинции Хэйлунцзян // Чжунго каогу сюэхуй ди ицы няньхуй луньвэнь цзи (Сборник статей первого годичного собрания Археологического общества Китая). Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1980. С. 80–96. (на кит. яз.)
- Хэйлунцзян шэн боугуань шици нянь [70 лет Музею провинции Хэйлунцзян]. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1993. 139 с. (на кит. яз.)
- Цзу Яньлин, Хань Шимин, Ли Чэнци, Чжан Тайсян.** Хэйлунцзян Лобэй сянь Туаньцзе муцзан фацзюэ [Раскопки могильника Туаньцзе в уезде Лобэй пров. Хэйлунцзян] // Каогу. 1989. № 8. С. 719–726. (на кит. яз.)
- Чжун Сук-бэ.** Об отношениях Бохая и хэйшуй мохэ // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2022. Вып. 14. С. 76–83.
- Юйшу Лаохэшэнь [Могильник Лаохэшэнь в Юйшу]. Пекин: Изд-во Вэнь, 1987. 172 с. (на кит. яз.)

References

- Alkin S. V.** Arkheolog Vladimir Yakovlevich Tolmachev [Archaeologist Vladimir Yakovlevich Tolmachev]. In: Na pol'zu i razvitie russkoi nauki [For the benefit and development of Russian science]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, pp. 90–100. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Bogdanov E. S., Nesterov S. P.** Mogil'nik Naifel'd [Nayfeld Burial Ground]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1999, 96 p. (in Russ.)
- Derevianko E. I.** Mokheskie pamyatniki na Srednem Amure [Mohe Sites on the Middle Amur]. Novosibirsk, Nauka, 1975, 250 p. (in Russ.)
- Diakova O. V.** Rannesrednevekovaya keramika Dal'nego Vostoka SSSR kak istoricheskii istochnik IV–X vv. [Early Medieval Ceramics of the Far East of the USSR as a Historical Source of the 4th–10th Centuries]. Moscow, Nauka, 1984, 206 p. (in Russ.)
- Heilongjiang sheng bowuguan shiqi nian** [70th Anniversary of Heilongjiang Provincial Museum]. Harbin, Heilongjiang Renmin Chubanshe, 1993, 139 p. (in Chin.)
- Istoriya** Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka [History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st century]. In 10 vols. Moscow, Nauka, Vost. lit., 2016, 960 p. (in Russ.)
- Jung Suk-bae.** Ob otnosheniyakh Bokhaya i kheishui mokhe [On the Relationship Between Bohai and Heishui Mohe]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China on the Far Eastern borders]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2022, iss. 14, pp. 76–83. (in Russ.)
- Kyuner N. V.** Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsen-tral'noi Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese News about the Peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, Oriental Literature Publ., 1961, 392 p. (in Russ.)
- Medvedev V. E.** Original'nyi mogil'nik na Srednem Amure [The Original Burial Ground on the Middle Amur]. *Izvestiya SO RAN. Seriya istorii, filologii i filosofii* [News of the SB RAS. Series of history, philology and philosophy], 1992, no. 3, iss. 3, pp. 63–64. (in Russ.)

- Nesterov S. P.** Narody Priamur'ya v epokhu rannego srednevekov'ya [Peoples of the Amur Region in the Early Middle Ages]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, 184 p. (in Russ.)
- Nesterov S. P., Kudrich O. S., Komarova N. A.** Kolleksiya keramicheskoi posudy iz mogil'nika Shapka [Collection of Ceramic Dishes from the Shapka Burial Ground]. *Arkheologiya i sotsiokul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorii* [Archeology and Sociocultural Anthropology of the Far East and Adjacent Territories]. Blagoveshchensk, BSPU Press, 2003, pp. 286–293. (in Russ.)
- Nikitin Yu. G.** Naselenie doliny r. Suifun v predgosudarstvennyi period [Population of the Suifun River Valley in the Pre-state Period]. In: *Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka. K 70-letiyu E. V. Shavkunova* [History and archeology of the Far East. To the 70th anniversary of E. V. Shavkunov]. Vladivostok, Far-East Uni. Press, 2000, pp. 147–153. (in Russ.)
- Ponosov V. V.** Bei Man kaogu xue shi [History of the Archaeological Study of Northern Manchuria]. In: *Sbornik perevodnykh materialov po arkheologii i etnografii Heilongjiana* [Heilongjiang kaogu minzu ziliao and yiwen ji]. Harbin, Heilongjiang bowuguan, 1991, pt. 1, pp. 182–191. (in Chin.)
- Tan Wei.** Heilongjiang sheng Suibin xian Sishilian yizhi fajue baogao [Report on the Excavations of the Sishilian Site in Suibin County, Heilongjiang Province]. *Beifang Wenwu*, 2010, no. 2, pp. 10–16. (in Chin.)
- Tan Yingjie, Zhang Taixiang, Yang Hu.** A Preliminary Overview of the Ancient Cultures of Heilongjiang. In: *Zhongguo kaogu xiuehui di yi qi nianhui lungwenji (1979)* [Collection of Articles of the First Congress of the Archaeological Society of China in 1979]. Beijing, Wenwu Chubanshe, 1980, pp. 80–96. (in Chin.)
- Yushu Laoheshen [Excavations at Laoheshen at Yushu (Yushu Laoheshen)]. Beijing, Wenwu Publ., 1987, 172 p. (in Chin.)
- Zheleznyakov K. A.** Rezul'taty nekotorykh arkheologicheskikh razvedok v poime nizhnego techeniya r. Ashikhe [Results of Some Archaeological Exploration in the Floodplain of the Lower Reaches of the Ashihe River]. In: *Zapiski Kharbinskogo obshchestva estestvoispytatelei i etnografov* [Notes of the Harbin Society of Naturalists and Ethnographers]. Harbin, 1946, no. 3: Archeology, pp. 47–61. (in Russ.)
- Zheleznyakov K. A.** Nekotorye numizmaticheskie dannye k arkheologii Kharbinskogo raiona [Some Numismatic Data on the Archeology of the Harbin Region]. In: *Zapiski Kharbinskogo obshchestva estestvoispytatelei i etnografov* [Notes of the Harbin Society of Naturalists and Ethnographers]. Harbin, 1950, no. 8: Archeology, pp. 11–15. (in Russ.)
- Zheleznyakov K. A.** Ashihe xiayou hewan didai kaogu diaocha shouhuo [Results of Some Archaeological Exploration in the Floodplain of the Lower Reaches of the Ashihe River]. *Heilongjiang Wenwu Cunkan*, 1983, no. 2, pp. 104–112. (in Chin.)
- Zheleznyakov K. A.** Xing'an sheng de kaogu ziliao [Materials on the archeology of Xing'an Province]. In: *Sbornik perevodnykh materialov po arkheologii i etnografii Heilongjiana* [Heilongjiang kaogu minzu ziliao and yiwen ji]. Harbin, Heilongjiang bowuguan, 1991, pt. 1, pp. 81–85. (in Chin.)
- Zu Yanling, Han Shiming, Li Chengqi, Zhang Taixiang.** Heilongjiang Luobei xian Tuanjie mizang fajue [Excavations of the Tuanjie Burial Ground in Lobei, Heilongjiang Province]. *Kaogu*, 1989, no. 8, pp. 719–726. (in Chin.)

Информация об авторах

Сергей Павлович Нестеров, доктор исторических наук
Scopus Author ID 2623118800
RSCI Author ID 76569
SPIN 4987-4555

Сергей Владимирович Алкин, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 35209798300

RSCI Author ID 74504

SPIN 6234-4039

Information about the Authors

Sergei P. Nesterov, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 2623118800

RSCI Author ID 76569

SPIN 4987-4555

Sergei V. Alkin, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 35209798300

RSCI Author ID 74504

SPIN 6234-4039

Вклад авторов:

Работа выполнена на паритетных началах в выборе темы, материала, подготовке текста и иллюстраций.

Contribution of the Authors:

The work was carried out on a parity basis in the choice of topic and material, preparation of text and illustrations.

Статья поступила в редакцию 14.01.2024;

одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 10.02.2024

The article was submitted on 14.01.2024;

approved after reviewing on 05.02.2024; accepted for publication on 10.02.2024

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-56-71

Культурная мозаика среднего палеолита Западного Тянь-Шаня: стоянка Куксарай-2

Константин Константинович Павленок¹, Сергей Александрович Когай²
Петр Михайлович Сосин³, Егор Алексеевич Филатов⁴
Алена Сергеевна Деревнина⁵, Наталья Михайловна Петржик⁶
Реджеп Нурмурадович Курбанов⁷, Гайратхон Арсланович Мухтаров⁸
Андрей Иннокентьевич Кривошапкин⁹

^{1, 2, 5, 6, 7, 9} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

^{1, 7} Институт географии Российской академии наук
Москва, Россия

³ Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии
Национальной академии наук Республики Таджикистан
Душанбе, Таджикистан

⁴ Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

⁶ Институт проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцова
Российской академии наук
Москва, Россия

⁷ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

⁸ Национальный центр археологии
Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан

¹ pavlenok-k@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

² kogai@irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

³ sosin.paleosol@gmail.com

⁴ egor_filatov_1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-7736>

⁵ fjellvarrulv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1434-3875>

⁶ petrzhik.nat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4900-9236>

⁷ roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

⁸ gayratxon75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5405-0041>

⁹ krivoshapkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5327-3438>

Аннотация

Представлены результаты исследований стоянки Куксарай-2 (предгорья Западного Тянь-Шаня, восточный Узбекистан) по данным Траншеи 1 (2023 г.). Совместно с материалами Раскопов 1 и 2 (2023 г.), опубликованными ранее, индустрия Куксарай-2 характеризуется сочетанием признаков мустьерского, пластинчатого

© Павленок К. К., Когай С. А., Сосин П. М., Филатов Е. А., Деревнина А. С.,
Петржик Н. М., Курбанов Р. Н., Мухтаров Г. А., Кривошапкин А. И., 2024

и сельсунгурского технокомплексов. Предварительно, основываясь на абсолютных ОСЛ-датировках для вышележащих слоев, авторы статьи соотносят возраст древнейших культурных седиментов Куksарай-2 со временем МИС-5. Мозаичность технологических характеристик, предполагаемый возраст и окружающий контекст синхронных региональных палеолитических ансамблей (круг обирахматских и пре-обирахматских пластинчатых индустрий, тешиктакские и сельсунгурские отщеповые комплексы) позволяют рассматривать данные материалы как проявление археологического фронта – феномена конкурентного сосуществования неандертальских популяций и сообществ человека современного анатомического вида на одной территории.

Ключевые слова

Западный Тянь-Шань, стратиграфия, каменная индустрия, средний палеолит, археологический фронт

Благодарности

Раскопочные работы и стратиграфическое описание выполнены при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита»; технико-типологическое описание археологического материала выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды»; палеогеографическая реконструкция и возрастная атрибуция отложений выполнены по ГЗ №FMWS-2024-0005 «Палеогеография четвертичного периода и развитие рельефа Северной Евразии, природные и антропогенные факторы формирования среды жизни человека».

Авторы выражают признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н. В. Вавилиной за подготовку рисунков археологического материала.

Для цитирования

Павленок К. К., Когай С. А., Сосин П. М., Филатов Е. А., Деревнина А. С., Петржик Н. М., Курбанов Р. Н., Мухтаров Г. А., Кривошапкин А. И. Культурная мозаика среднего палеолита Западного Тянь-Шаня: стоянка Куksарай-2 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 56–71. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-56-71

Cultural Mosaic of the Middle Paleolithic in Western Tien Shan: The Kuksarai-2 Site

Konstantin K. Pavlenok¹, **Sergei A. Kogai**², **Petr M. Sosin**³
Egor A. Filatov⁴, **Alyona S. Derevnina**⁵, **Natalia M. Petrzhik**⁶
Redzhep N. Kurbanov⁷, **Gayratkhon A. Mukhtarov**⁸
Andrei I. Krivoshapkin⁹

^{1, 2, 5, 6, 7, 9} Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 7} Institute of Geography Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

³ Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology of the National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
Dushanbe, Tajikistan

⁴ Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

⁶ Severtsov Institute of Ecology and Evolution of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

⁷ Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

⁸ National Center of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan

¹ pavlenok-k@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

² kogai@irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

³ sosin.paleosol@gmail.com

⁴ egor_filatov_1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-7736>

⁵ fjellvarulv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1434-3875>

⁶ petrzhik.nat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4900-9236>

⁷ roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

⁸ gayratxon75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5405-0041>

⁹ krivoshapkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5327-3438>

Abstract

Purpose. The term “archaeological frontier” was first applied to the Western Tien Shan about 10 years ago to explain the phenomenon of the early appearance of microblade knapping in the Middle Paleolithic industries. Based on the results of a comparative analysis of the collections of Obi-Rakhmat and Kulbulak and materials from other synchronous monuments in the region, it was suggested that the Western Pamir-Tien Shan could be a zone of competition between the endemic population (blade technology bearers) and the autochthonous group (Neanderthals, bearers of Teshiktash-type industries). The article examines a similar composite technocomplex Kuksarai-2 (based on materials from the trench 1, excavated in 2023).

Results. It has been established that the materials of the Kuksaray-2 site have such mosaic features as Mousterian (Teshiktash-like) primary knapping for flakes, rare blade technology evidence, and presence of specific types referred to Selungurian technocomplex (Tayacian points, Selungurian side-scrapers). Preliminary the lower cultural sediments of Kuksarai-2 could be dated with MIS-5 time.

Conclusion. The first results of studies of the Kuksaray-2 site allow us to suggest that the upper reaches of Akhangaran valley were inhabited by Teshiktash tradition bearers in MIS-5 (~130–74 ka BP) when human groups with blade technology occupied Obi-Rakhmat and Kulbulak. At the same time, the presence of specific tool types in the most ancient complexes of Kuksarai-2 can be interpreted as evidence of the intrusion of Selungurian cultural impulses from neighboring territories into the region also in MIS-5. The mosaic nature of Kuksaray-2 industry is an important argument in favor of recognizing the territory of the western Tien Shan low mountains as a frontier zone in the Middle Paleolithic.

Keywords

Western Tien Shan, stratigraphy, lithic industry, Middle Paleolithic, archaeological frontier

Acknowledgements

Field and stratigraphic research were supported by the Russian Scientific Foundation grant no. 22-18-00568 “Initial Human Settlement of Central Asia: Archeology, Chronology, Paleogeography of the Loess Paleolithic”, analysis of archaeological materials carried out as part of the research program FWZG-2022-0008 “Central Asia in Antiquity: Archaeological Cultures of the Stone Age in a Changing Natural Environment”, paleogeographic reconstruction and age attribution were supported by the research program FMWS-2024-0005 “Paleogeography of the Quaternary and relief evolution of Northern Eurasia, natural and anthropological factors of human environment”.

The authors thank the leading artist of the IAET SB RAS N. V. Vavilina for preparing illustrations of archaeological material.

For citation

Pavlenok K. K., Kogai S. A., Sosin P. M., Filatov E. A., Derevnina A. S., Petrzhik N. M., Kurbanov R. N., Mukhtarov G. A., Krivoshapkin A. I. Cultural Mosaic of the Middle Paleolithic in Western Tien Shan: The Kuksarai-2 Site. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 56–71. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-56-71

Введение

Новые открытия в области палеолита на территориях переплетения древних миграционных маршрутов человека в центральной части Евразии являются крайне ценными для расширения наших знаний о ранних этапах расселения человека по континенту. Это утверждение особенно актуально в отношении зон наложения культурных ареалов древних коллективов, где формировались уникальные археологические контексты, предоставляющие богатый материал для изучения культурных взаимодействий прошлого. В археологической литературе районы, где встречались и контактировали культурные группы с разными социальными и технологическими характеристиками, хозяйственным укладом, называют зонами фронта [Кривошапкин, 2012; Zilhão, 2021]. Согласно существующим концепциям, в зоне фронта в каменном веке мог происходить ускоренный обмен идеями и / или технологиями между населяющими эту территорию группами. Либо наоборот, раннее появление технологических инноваций и динамичные изменения в производственных практиках могли быть стимулированы острой конкуренцией между ними.

В качестве примера подобной оценки территории можно привести дискуссию вокруг концепции Эбро-фронта [Zilhão, 2021]. В конце прошлого века на основе геоархеологических

исследований было установлено, что индустрии мустье и, следовательно, неандертальцы просуществовали в районах Валенсии и Андалусии приблизительно до 30–28 тыс. л., что значительно позже, чем в других частях Западной Европы [Vega Toscano, 1990; Villaverde, Fumanal, 1990]. В то же время данные из близлежащих районов Кантабрии и северной Каталонии [Bischoff et al., 1994; Cabrera Valdes et al., 1996] указывали на то, что появление здесь людей современного облика с верхнепалеолитической индустрией датируется приблизительно 40–38 тыс. л. На основе этих данных была предложена модель, согласно которой смена неандертальцев людьми современного облика в Западной Европе происходила не лавинообразно, а являлась прерывистым процессом. Было высказано предположение, что некоторые группы неандертальцев могли быть более открытыми к новым моделям поведения, в то время как другие сохраняли традиционные культурные предпочтения [Zilhão, 2021]. Отставание в темпах культурной эволюции неандертальцев к югу от р. Эбро на северо-востоке Пиренейского полуострова объяснялось высокой эффективностью традиционных форм хозяйствования в условиях малонаселенных лесистых районов. К северу же от р. Эбро культурная эволюция поздних неандертальцев, видимо, шла ускоренными темпами в связи с необходимостью сложноорганизованной охоты на стадных травоядных животных в условиях степи. Как следствие, «северные» неандертальцы шли по пути развития в сторону верхнепалеолитического мышления, а иберийские продолжали оставаться на уровне мышления среднего палеолита вплоть до самого конца своего существования, когда им на смену пришли носители развитого ориньяка [Там же].

Подобные случаи неравномерного развития были отмечены далеко за пределами Иберии и способствовали высокой вариативности сценариев завершающего этапа существования неандертальцев в разных уголках Евразии. Помимо того, что нахождение в зоне фронта могло играть важную роль в формировании культурного облика каждой из групп, ее населявших, эти территории могли являться зоной обмена генетическим материалом. Ярким примером зоны фронта в этом контексте может послужить Горный Алтай [Brown et al., 2022].

Термин «археологический фронт» впервые был применен в отношении Западного Тянь-Шаня около 10 лет назад для объяснения феномена раннего появления микрорасщепления в каменных индустриях, хронологически принадлежащих среднему палеолиту [Кривошапкин, 2012]. В этом районе в рамках российско-узбекистанского проекта в конце XX – первой декаде XXI в. проводились комплексные исследования грота Оби-Рахмат [Деревянко и др., 2001; Krivosheina et al., 2010] и памятника Кульбулак [Колобова, 2014; Kolobova et al., 2018]. Анализируя коллекции данных стоянок и привлекая материалы других синхронных объектов региона, один из авторов данной работы предположил, что западный Тянь-Шань мог быть зоной конкурентной борьбы между пришлой популяцией (носителем пластинчатой технологии) и автохтонной группой населения, издавна проживавшей на данной территории (неандертальцами, носителями индустрий тешикташского типа) [Кривошапкин, 2012].

Параллельно с исследованиями Кульбулака до недавнего времени в рамках российско-польско-узбекистанского проекта в этом регионе изучались объекты палеолита, связанные с лессовидными отложениями в долине р. Ахангаран – стоянки Каттасай-1, 2 [Krajcarz et al., 2016; Kot et al., 2020], а также стоянки каменного века в местности Эрташсай (правый борт долины р. Ахангаран) и соседней долине Куксарай [Павленок и др., 2020; 2021; 2022a; Pavlenok et al., 2022]. Первые результаты исследований недавно выявленной в этой местности палеолитической стоянки Куксарай-2, которым посвящена данная работа, играют важную роль в обосновании идеи центральноазиатского фронта в предгорьях Тянь-Шаня в эпоху среднего палеолита. Задачами настоящей работы является введение в научный оборот новых данных, полученных при исследовании Траншеи 1 в 2023 г., и определение места материалов стоянки в контексте основных культурных групп регионального среднего палеолита.

Стоянка Куксарай-2. Исследования 2021–2022 гг.

Местонахождение Куксарай-2, расположенное на водоразделе между падами Куксарай и Дзиблон в верховьях р. Ахангаран, было обнаружено в ходе археологических разведок 2021 г. [Павленок и др., 2021]. На поверхности и в техногенных обнажениях было найдено множество каменных артефактов. Для выявления археологического материала в состоянии *in situ* была заложена серия разведочных шурфов. Каменные артефакты зафиксированы в четырех литологических подразделениях (слои 2, 3, 5 и 6). Немногочисленность коллекции позволила в общих чертах охарактеризовать облик индустрии и предварительно выявить в ней среднепалеолитический и начально-верхнепалеолитический компоненты.

В 2022 г. для уточнения стратиграфического контекста и более четкого понимания технологических характеристик комплекса стоянки Куксарай-2 был заложен раскоп 3×2 м. [Павленок и др., 2022a]. Раскопом была вскрыта голоценовая почва, которая после небольшого горизонта лесса переходила в погребенную почву, предположительно сформировавшуюся в эпоху МИС-5. Общая мощность вскрытой толщи, включающей 16 стратиграфических слоев, составила 6,7 м.

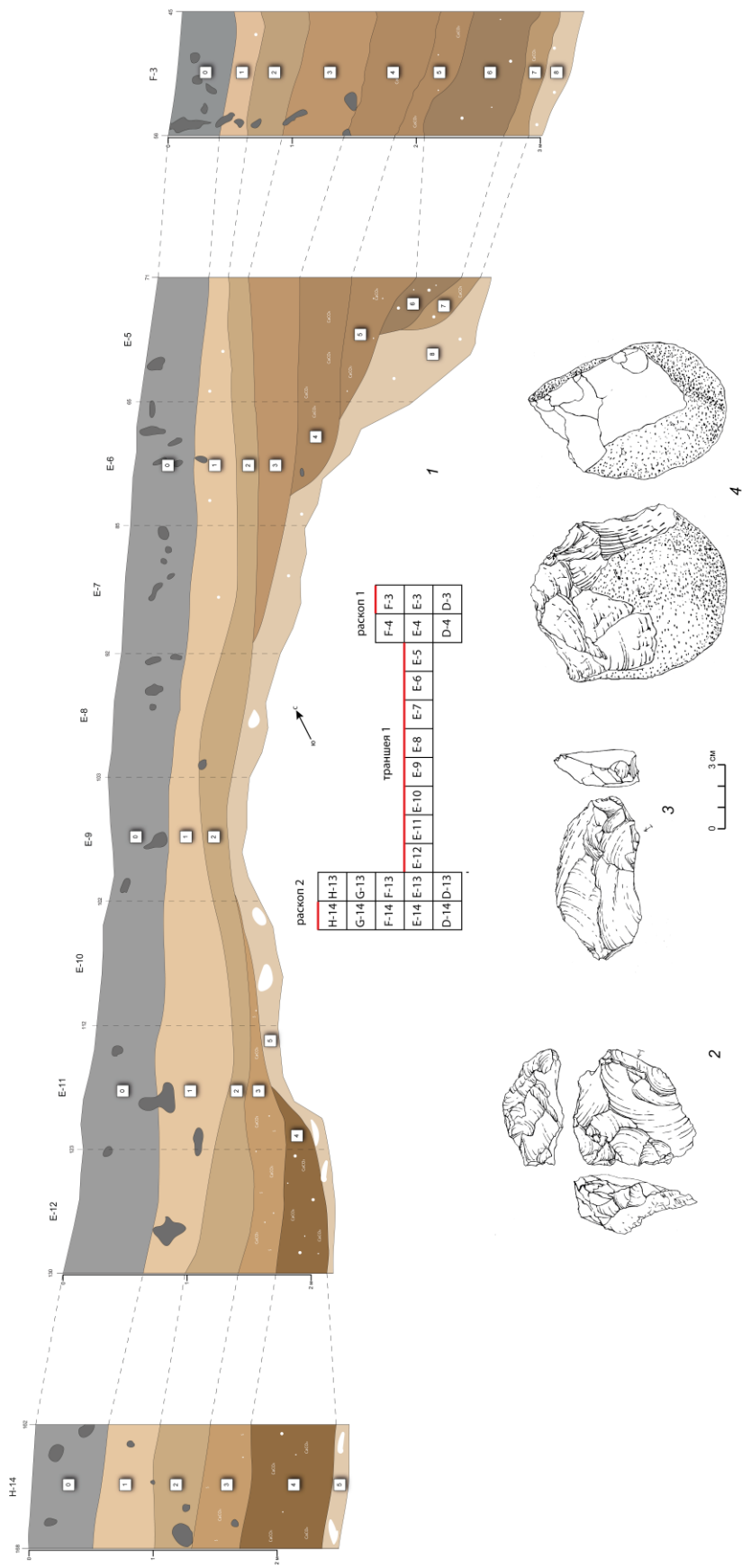
Было установлено, что каменные индустрии стоянки демонстрируют сочетание центростремительного, простого плоскостного и пластинчатого расщепления в каменном производстве, с возрастающей ролью последнего от нижних культурных слоев к верхним.

Ближайшим аналогом нижних культуросодержащих слоев 14 и 15, а также, с определенными оговорками, слоев 12 и 10, в публикации 2022 г. была предварительно определена выделенная на материалах пещеры Сельунгур одноименная индустрия [Krivoshapkin et al., 2020]. Также было зафиксировано, что в культурной последовательности стоянки, начиная со слоя 7, стабильно присутствует пластинчатый компонент. Он хорошо представлен в средне- и верхнепалеолитических материалах стоянки Кульбулак и серии местонахождений с экспонированным материалом [Павленок и др., 2018; 2020]. Возрастное определение $68 \pm 4,2$ тыс. л. (GdTL-4171), ранее полученное для этого слоя по образцу из шурфа 4 2021 г. [Pavlenok et al., 2022], помещает более древние комплексы в хронологический контекст стадии МИС-5 (~ 130–74 тыс. л.), что в целом коррелирует с оценкой верхней хронологической границы существования индустрии Сельунгура.

В 2023 г. на стоянке Куксарай-2 были заложены два раскопа площадью 6 и 10 кв. м, соединенные 8-метровой траншеей. Материалы раскопов в сжатом виде были отражены в публикации по результатам работ [Павленок и др., 2023]. В стратиграфической последовательности Раскопа 1 выявлено восемь слоев, в Раскопе 2 – пять слоев. В ходе работ было установлено принципиальное сходство стратиграфии верхних слоев двух раскопов (слои 0–2). Данные слои, по предположению П. М. Сосина, являются переработанными современными почвенными процессами отложениями МИС-3. В стратиграфии подстилающих отложений в двух раскопах были зафиксированы заметные различия. Установлено, что основная причина данного несоответствия заключается в особенностях палеорельефа исследованной площади. Участки Раскопов 1 и 2 разделены массивом неогеновых отложений, максимально близкий выход которых к дневной поверхности был зафиксирован в соединяющей раскопы Траншее 1. Это обстоятельство препятствовало развитию склоновой эрозии отложений Раскопа 2. Описание стратиграфии и археологических материалов Траншеи 1 приводится нами ниже впервые.

Стратиграфия Траншеи 1 (2023 г.)

Стратиграфическое описание приводится по западной стенке (см. рисунок, 1). Символы генетических горизонтов почв даны по Б. Г. Розанову [1983]. Слои 0–2 Траншеи 1 присутствуют на всем ее протяжении и соответствуют аналогичным слоям Раскопов 1 и 2.

Стоянка Куksарай-2:
 I – стратиграфический разрез Траншеи 1 и корреляция с Раскопами 1 и 2 (2023 г.); 2 – радиальный нуклеус; 3 – технический скол; 4 – поперечный нуклеус
 Куksарай-2 site:
 I – stratigraphic cross-section of Trench 1 and its correlation with Excavation 1 and 2 (2023); 2 – radial core; 3 – technical flake; 4 – transverse core

Слой 0, приблизительно 130–30 см (А). Суглинок тяжелый, темно-серый, сухой, уплотнен, зернисто-комковатый, тонко-среднепористый. Много ходов педофауны, копролитов. Корешки, кротовины 4 × 5 см с рыхлым материалом. Трещины усыхания до 10 см шириной заполнены рыхлым материалом. Встречаются обломки известняка до 1 см. Переход ясный по обломкам известняка.

Слой 1, приблизительно 30–0 см (LB). Коричневатый средний суглинок, среднепористый, глыбисто-комковатый, плотный, сухой, есть кротовины, CaCO₃ нет. Переход заметный по структуре.

Слой 2, приблизительно от 0 до –30 см (Bzn). Пятнистый, на коричневом фоне белесые пятна, средний суглинок, комковатый, есть биолиты, псевдомицелий и мелкие редкие конкреции до 5 мм. Переход ясный по цвету и CaCO₃.

Нижележащие слои Траншеи 1 в центральной ее части разделены неогеновым массивом; седименты северной части Траншеи (квадраты E-5 – E-7) коррелируют с отложениями Раскопа 1, южной части (квадраты E-10 – E-12) – с отложениями Раскопа 2.

Квадраты E-5 – E-7:

- слой 3, от –20 до –50 см (LBz) – серо-желтый свежий средний суглинок, комковато-глыбистый, слабопористый, много биолитов, CaCO₃ нет, редкие ходы педофауны, переход заметный;

- слой 4, от –50 до –100 см (Bz) – светло-коричневый с желтым оттенком средний суглинок, свежий, слабопористый, комковато-глыбистый, плотные биолиты, CaCO₃ по редким порам, переход постепенный;

- слой 5, от –100 до –140 см – светло-коричневый свежий средний суглинок, среднепористый, плотный, глыбисто-комковатый, точки CaCO₃, переход постепенный;

- слой 6, от –140 до –170 см (Bzn) – тускло-коричневый свежий средний суглинок-глина, зернисто-комковатый, редкие конкреции до 3 см, единичные биолиты, слабопористый, мелкие конкреции до 1 см, переход постепенный;

- слой 7, от –170 до –180 см (Bnz) – коричневатый с белесыми пятнами CaCO₃, более светлый, пятна рыхлые типа белоглазки, биолиты, переход постепенный;

- слой 8, от –180 см – коренные известковые породы.

Квадраты E-10 – E-12:

- слой 3, приблизительно от 0 до –30 см (BmCazn) – ярко-коричневый тяжелый плотный слабопористый суглинок, обилие CaCO₃ в скоплениях до 8 см в диаметре и по вертикальным трещинам, ходам и корням (толщиной до 2–2,5 см и длиной до 20 см), переход резкий, редкие биолиты, конкреции до 2,5 мм;

- слой 4, от –30 до –70 см (LB) – желто-коричневый с белесыми пятнами средний суглинок, верхняя граница неровная, плотный, слабопористый, комковато-глыбистая структура, слабая пропитка CaCO₃, переход резкий;

- слой 5, от –70 см – коренные известковые породы.

Археологический материал Траншеи 1 (2023 г.)

Коллекция слоя 0 насчитывает 7 каменных артефактов. Все изделия, кроме одного обломка, из кремня. Радиальный нуклеус имеет трапециевидную форму (см. рисунок, 2). Ударная площадка организована серией разноразмерных сколов. На фронте – негативы отщепов разных размеров, снятых в центростремительном направлении. Все остальные артефакты относятся к малоинформативной категории отходов производства: 3 обломка, чешуйка, 2 неопределимых фрагмента сколов.

Схожая по составу коллекция зафиксирована в слое 1. Все 8 артефактов из кремня, 7 из них – отходы производства (2 обломка, 3 чешуйки, 2 неопределимых фрагмента сколов). Единственным информативным изделием является скол *debordant radial flake*.

Более многочисленная и технологически идентифицируемая индустрия выявлена в слое 2. Из 12 предметов 4 изготовлены из некремневого сырья:

- первичный скол с нерегулярной ретушью. По правому краю и в дистальной зоне фиксируются фасетки отвесной дорсальной ретуши;
- скол устранения выпуклого участка на фронте нуклеуса (*working surface rejuvenation flake*). По правому краю и в дистальной зоне изделия читаются фасетки отвесной дорсальной ретуши, которая сформировала зубчатый контур края;
- технологически неопределимый отщеп с ретушью. В дистальной части скола наличествуют два крупных скола утончения. По краю этот участок подправлен мелкой крутой дорсальной ретушью;
- галька со следами единичных сколов.

Изделия из кремня представлены категориями технических сколов (*natural flake, debordant radial flake, technical flake*) и отходов производства (обломок, чешуйка, 3 осколка) без следов вторичной обработки.

Дальнейшее описание коллекции Траншеи приведено отдельно по двум участкам: квадраты E-5 – E-7 и E-10 – E-12 соответственно.

Материалы слоя 3 на северном участке (5 экз.) представлены серией технологически значимых типов изделий, выполненных из кремня. Среди сколов технические снятия (*natural flake, technical flake* (см. рисунок, 3), *debordant radial flake*) без ретуши и фрагмент кремневой пластины, которая в контексте данной коллекции может оцениваться как нетипичный скол-заготовка. Дополняет коллекцию обломок.

В слое 4 обнаружены исключительно нуклевидные формы: два нуклевидных обломка из кремневого и некремневого сырья и бессистемный нуклеус из кремня. Нуклеус оформлен на трещиноватом сырье, попытки организации расщепления фиксируются на множестве участков.

В слоях 5 и 6 обнаружено по одному обломку из этого сырья.

На южном участке Траншеи в слое 3 обнаружены *technical flake*, обломок и осколок из кремня, а также неопределимый скол с пропорциями отщепы из некремневого сырья.

В слое 4 обнаружен поперечный нуклеус из некремневого сырья и осколок из кремня. Ядрище изготовлено на гальке гранита (см. рисунок, 4). Отщепы скалывались в параллельном направлении вдоль короткой оси нуклеуса с естественной поверхности.

Обсуждение результатов

Согласно палеогеографической реконструкции П. М. Сосина и имеющимся возрастным определениям [Pavlenok et al., 2022], наиболее древние отложения слоя 4 в Раскопе 2, испытывавшие наименьшее эрозионное воздействие, могут принадлежать к стадии МИС-5. К этой же стадии могут принадлежать слои 4–7 Раскопа 1. В случае если данная возрастная атрибуция будет подтверждена новыми результатами ОСЛ-датирования, Куксарай-2 закрепит за собой статус древнейшей на Западном Тянь-Шане стоянки открытого типа с минимально потревоженными культурными напластованиями.

Наличие нуклеусов в разной стадии сработанности, технических сколов, массы отходов производства, а также редких преформ орудий на отдельностях породы, при минимальном присутствии сколов-заготовок и орудий на сколах, указывают, что Куксарай-2 представляет собой стоянку-мастерскую. Выявленные особенности каменной индустрии Раскопа 1 (слои 4–7) стоянки Куксарай-2, а также смежного участка Траншеи 1 в большей степени указывают на отщеповый, мустьерский характер каменного производства. Об этом свидетельствуют набор нуклеусов (радиальные и поперечные нуклеусы), состав технических сколов (*natural flakes, technical flakes, debordant radial cortical flakes, debordant radial flakes, debordant lateral flakes*) и орудийного набора (различные типы скребел). Также в пользу этой характеристики свидетельствуют способы вторичной обработки орудий: чередующаяся,

двухрядная интенсивная ретушь; дополнительное утончение сколов. В региональном контексте данный набор признаков традиционно соотносится с тешикташской линией развития среднего палеолита [Nishiaki, Aripdjanov, 2021].

Вместе с тем единичные свидетельства пластинчатой технологии (фрагмент подпризматического нуклеуса для пластин из слоя 5, единичные пластинчатые краевые сколы из слоев 4 и 6), явно выпадающие из общего технологического контекста индустрий, указывают на то, что в среднем палеолите стоянка посещалась автохтонным для бассейна р. Ахангаран населением – создателями пластинчатых индустрий обирахматского и пре-обирахматского облика [Кривошапкин, 2012; Pavlenok et al., 2023]. Об этом же может свидетельствовать зафиксированное использование приема тронкирования сколов, в ряде случаев с последующим снятием мелких отщепов на широкую поверхность. Однако последние исследования коллекций Тешик-Таша показали, что этот прием оформления орудий использовался и неандертальцами Тешик-Таша [Павленок и др., 2022б; 2022в].

Основная часть коллекции Раскопа 2 (слои 0–3) также соотносится с отщеповой центростремительной (тешикташской) стратегией каменного производства. Об этом свидетельствует набор нуклевидных изделий, технических сколов и сколов-заготовок, близкий к основному массиву материалов Раскопа 1. Инструментарий также может быть охарактеризован как типично среднепалеолитический. К нему относятся различные формы скребел, включая зубчатые и поперечное скребло с лезвием на ударной площадке сельунгурского типа; преформы орудий на отдельностях породы; унифасиальное орудие из слоя 3. Как и в индустриях Раскопа 1, орудия чаще оформлялись с использованием приемов, не свойственных региональным пластинчатым индустриям среднего палеолита. Это чередующаяся ретушь, формирующая волнистый либо зубчатый контур рабочего края; двухрядная интенсивная ретушь. Наряду с типично мустьерскими формами, индустрии слоев 0–3 включают редкие разноразмерные пластинчатые сколы, которые представлены в категориях технических сколов и сколов-заготовок.

Полное отсутствие пластинчатого компонента в индустрии слоя 4 Раскопа 2 на данном этапе изучения стоянки может интерпретироваться как маркер технологической гомогенности комплекса. Вместе с тем присутствие, наряду с продуктами радиальной отщеповой техники, двух отщепов леваллуазской морфологии сближает данный комплекс с материалами грота Тешик-Таш. Наличие эпизодического леваллуазского расщепления в индустрии данного объекта недавно получило дополнительное обоснование [Павленок и др., 2022б; 2022в]. Вместе с тем ранее высказанное предположение о сходстве наиболее древних индустрий Куксарая-2 с материалами пещеры Сельунгур [Krivoshepkin et al., 2020] не получило убедительного подтверждения. Как и в коллекции 2022 г., в новых материалах отсутствуют бифасы, выполненные в плоско-выпуклой манере, и технологически диагностируемые сколы их оформления. Однако наличие специфических орудийных типов (тейякских остриев, скребел сельунгурского типа) в наиболее древних комплексах Куксарая-2, видимо, свидетельствует о проникновении определенных сельунгурских культурных импульсов в регион. Последние данные о верхней хронологической границе сельунгурской индустрии (МИС-5) [Ibid.] не противоречат этому предположению.

Заключение

Западный Тянь-Шань является ключевым регионом для понимания культурных процессов, происшедших на территории запада Центральной Азии в каменном веке. Здесь сосредоточены стратифицированные палеолитические объекты, на основе которых традиционно выстраиваются культурно-хронологические схемы развития регионального палеолита. В XXI в. в результате исследований материалов стоянок Оби-Рахмат, Кульбулак, Каттасай-1, 2 на смену парадигме о плавном эволюционном развитии на этой территории единой палеолитической культуры пришло восприятие регионального среднего палеолита как ва-

риабельного явления [Кривошапкин, Павленок, 2015]. В развитие этой модели первые результаты исследований стоянки Куксарай-2 позволяют уже сейчас высказать предположение, что верховья Ахангарана были заселены носителями тешикташской традиции камнеобработки в эпоху МИС-5 (~ 130–74 тыс. л.), т. е. примерно в то же время, когда в регионе обитали человеческие коллективы, материальная культура которых известна по материалам стоянок Оби-Рахмат и Кульбулак и характеризуется пластинчатой направленностью [Кривошапкин и др., 2019]. При этом наличие специфических орудийных типов в наиболее древних комплексах Куксарай-2 может быть интерпретировано как результат проникновения определенных сельунгурских культурных импульсов с соседних территорий в регион также в эпоху МИС-5.

Закрепленная нами мозаичность индустрии Куксарай-2 является важным аргументом в пользу признания за территорией западных низкогорий Тянь-Шаня статуса зоны фронта в эпоху среднего палеолита. К сожалению, большинство известных здесь палеолитических комплексов являются набором экспонированных артефактов. Сейчас их относят к среднему или верхнему палеолиту только по общей типологии каменных изделий, что определяет дискуссионность оценок их возраста и создает значительные сложности при построении схем начального заселения этих территорий. В этом контексте роль новых археологических стоянок с минимально потревоженными культурными напластованиями среднего палеолита многократно возрастает. Таким образом, стоянка Куксарай-2 только начинает раскрывать свой потенциал, и в ходе ее дальнейшего изучения будут получены ответы на многие вопросы культурного развития Западного Тянь-Шаня в среднем палеолите.

Список литературы

- Деревянко А. П., Кривошапкин А. И., Анойкин А. А., Исламов У. И., Петрин В. Т., Сайфуллаев Б. К., Сулейманов Р. Х.** Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 42–63.
- Колобова К. А.** Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.
- Кривошапкин А. И.** Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 39 с.
- Кривошапкин А. И., Курбанов Р. Н., Томсен К. Й., Колобова К. А., Шнайдер С. В., Мюррей Э. С.** Первые результаты люминесцентного датирования Грота Оби-Рахмат (Узбекистан) // Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений. М.: Изд-во ИГ РАН – ГИН РАН, 2019. С. 109.
- Кривошапкин А. И., Павленок К. К.** Вариабельность комплексов обирахматской традиции в каменном веке Центральной Азии // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 71–76.
- Павленок Г. Д., Лелюх М., Кот М., Павленок К. К., Когай С. А., Холматов А., Хужаназаров М., Шимчак К.** Новые палеолитические местонахождения в долине Эрташская (Западный Тянь-Шань) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 189–194.
- Павленок К. К., Бочарова Е. Н., Когай С. А., Павленок Г. Д.** Технологический репертуар неандертальцев Тешик-Таша: новые данные // Уральский исторический вестник. 2022б. № 2 (75). С. 115–127.
- Павленок К. К., Бочарова Е. Н., Медведев С. П., Когай С. А., Павленок Г. Д.** Технологическая вариабельность каменного производства в индустрии грота Тешик-Таш // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022в. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 37–52. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-37-52

- Павленок К. К., Когай С. А., Сосин П. М., Деревнина А. С., Таратунина Н. А., Петржик Н. М., Юдин И. А., Мухтаров Г. А., Турсунов С. С., Харевич В. М., Чистяков П. В.** Открытие индустрии с сельунгурскими чертами на Западном Тянь-Шане: стоянка Куксарай-2 (раскоп 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022а. Т. 28. С. 229–237.
- Павленок К. К., Когай С. А., Сосин П. М., Курбанов Р. Н., Деревнина А. С., Филатов Е. А., Петржик Н. М., Мухтаров Г. А., Турсунов С. С., Юдин И. А., Бурашникова К. С.** Индустриальная дихотомия в каменном производстве стоянки Куксарай-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 266–274.
- Павленок К. К., Павленок Г. Д., Когай С. А., Лелох М., Якубчак М., Мухтаров Г., Холматов А., Кот М.** Новые стратифицированные палеолитические местонахождения в долине р. Ахангаран (Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 209–215.
- Павленок К. К., Павленок Г. Д., Когай С. А., Хужаназаров М.** Региональные истоки обрахматской традиции камнеобработки: новые материалы стоянки Кульбулак // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 3–22.
- Розанов Б. Г.** Морфология почв. М.: Изд-во МГУ, 1983. 320 с.
- Bischoff J. L., Ludwig K., Garcia J. F., Carbonell E., Vaquero M., Stafford T. W., Jull A. J. T.** Dating of the Basal Aurignacian Sandwich at Abric Romani (Catalunya, Spain) by Radiocarbon and Uranium-Series // Journal of Archaeological Science. 1994. Vol. 21, iss. 4. P. 541–551.
- Brown S., Massilani D., Kozlikin M. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Stoessel A., Jope-Street B., Meyer M., Kelso J., Pääbo S., Higham T., Douka K.** The earliest Denisovans and their cultural adaptation // Nature Ecology and Evolution. 2022. Vol. 6. P. 28–35.
- Cabrera Valdes V., Valladas H., Bernaldo de Quiros F., Hoyos M.** La transition Paléolithique moyen-Paléolithique supérieur à El Castillo (Cantabrie): nouvelles datations par le carbone-14 // Comptes rendus de l'Académie des sciences. Série 2. Sciences de la terre et des planets. 1996. Vol. 322, no. 12. P. 1093–1098.
- Kolobova K. A., Flas D., Krivoshapkin A. I., Pavlenok K. K., Vandenberghe D., De Dapper M.** Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // Archaeological and Anthropological Sciences. 2018. No. 10. P. 615–630.
- Kot M., Pavlenok K., Krajcarz M. T., Pavlenok G., Sneider S., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K.** Raw material procurement as a crucial factor determining knapping technology in the Katta Sai complex of Middle Palaeolithic sites in the western Tian Shan piedmonts of Uzbekistan // Quaternary International. 2020. Vol. 559. P. 97–109.
- Krajcarz M. T., Kot M. A., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S. Y., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K.** Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // Quaternary International. 2016. Vol. 399. P. 136–150.
- Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A. J.** Chronology of the Obi-Rachmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia // Radiocarbon. 2010. Vol. 52, no. 2–3. P. 549–554.
- Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M. T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quaternary International. 2020. Vol. 535. P. 88–103.
- Nishiaki Y., Aripdjanov O.** A new look at the Middle Paleolithic lithic industry of the Teshik-Tash Cave, Uzbekistan, West Central Asia // Quaternary International. 2021. Vol. 596. P. 22–37.

- Pavlenok G. D., Kogai S. A., Kurbanov R. N., Mukhtarov G. A., Pavlenok K. K.** The Emergence of Levallois Blade Industry in the Western Foothills of Tien Shan: Kulbulak Layer 24 // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2023. Vol. 51, iss. 2. P. 14–26.
- Pavlenok K., Kot M., Moska P., Leloch M., Muhtarov G., Kogai S., Khudjanazarov M., Holmatov A., Szymczak K.** New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan // *Antiquity Project Gallery*. 2022. Vol. 96 (389). P. 1292–1300.
- Vega Toscano L. G.** La fin du Paléolithique moyen au sud de l'Espagne: ses implications dans le contexte de la Péninsule Ibérique // *Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe (Colloque International De Nemours, 9–11 mai 1988)*. Mémoires du Musée de Préhistoire de l'Île de France, 1990. No. 3. P. 169–176.
- Villaverde V., Fumanal M. P.** Relations entre le Paléolithique moyen et le Paléolithique supérieur dans le versant méditerranéen espagnole // *Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe (Colloque International De Nemours, 9–11 mai 1988)*. Mémoires du Musée de Préhistoire de l'Île de France, 1990. No. 3. P. 177–183.
- Zilhão J.** The late persistence of the Middle Palaeolithic and Neandertals in Iberia: A review of the evidence for and against the “Ebro Frontier” model // *Quaternary Science Reviews*. 2021. Vol. 270. DOI 10.1016/j.quascirev.2021.107098

References

- Bischoff J. L., Ludwig K., Garcia J. F., Carbonell E., Vaquero M., Stafford T. W., Jull A. J. T.** Dating of the Basal Aurignacian Sandhvit at Abric Romani (Catalunya, Spain) by Radiocarbon and Uranium-Series. *Journal of Archaeological Science*, 1994, vol. 21, iss. 4, pp. 541–551.
- Brown S., Massilani D., Kozlikin M. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Stoessel A., Jope-Street B., Meyer M., Kelso J., Pääbo S., Higham T., Douka K.** The earliest Denisovans and their cultural adaptation. *Nature Ecology and Evolution*, 2022, vol. 6, pp. 28–35.
- Cabrera Valdes V., Valladas H., Bernaldo de Quiros F., Hoyos M.** La transition Paléolithique moyen-Paléolithique supérieur à El Castillo (Cantabrie): nouvelles datations par le carbone-14. *Comptes rendus de l'Académie des sciences. Série 2. Sciences de la terre et des planètes*, 1996, vol. 322, no. 12, pp. 1093–1098.
- Derevianko A. P., Krivoshepkin A. I., Anoin A. A., Islamov U. I., Petrin V. T., Saifulaev B. K., Suleimanov R. Kh.** Rannii verkhniy paleolit Uzbekistana: industriya grotta Obi-Rakhmat (po materialam sloev 2–14) [The Initial Upper Paleolithic of Uzbekistan: the lithic industry of Obi-Rakhmat grotto (on the basis of materials recovered from strata 2–14)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2001, no. 4 (8), pp. 42–63. (in Russ.)
- Kolobova K. A.** Verkhniy paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya [The Upper Paleolithic of Western Pamir Tien Shan]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2014, 38 p. (in Russ.)
- Kolobova K. A., Flas D., Krivoshepkin A. I., Pavlenok K. K., Vandenberghe D., De Dapper M.** Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018, no. 10, pp. 615–630.
- Kot M., Pavlenok K., Krajcarz M. T., Pavlenok G., Sneider S., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K.** Raw material procurement as a crucial factor determining knapping technology in the Katta Sai complex of Middle Palaeolithic sites in the western Tian Shan piedmonts of Uzbekistan. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 97–109.
- Krajcarz M. T., Kot M. A., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S. Y., Mroczek P., Radzhabov A., Shneider S., Szymanek M., Szymczak K.** Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages. *Quaternary International*, 2016, vol. 399, pp. 136–150.

- Krivoshapkin A. I.** Obi-Rakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu v Tsentral'noi Azii [Obi-Rakhmatian variant of the transition from the Middle to Upper Paleolithic in Central Asia]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2012, 39 p. (in Russ.)
- Krivoshapkin A. I., Kurbanov R. N., Tomsen K. I., Kolobova K. A., Shnaider S. V., Myur-rei E. S.** Pervye rezultaty lyuminestsentnogo datirovaniya Grota Obi-Rakhmat (Uzbekistan) [First results of OSL-dating of Obi-Rakhmat Grotto (Uzbekistan)]. In: Geokhronologiya chetvertichnogo perioda: instrumentalnye metody datirovaniya noveishikh otlozhenii [Geochronology of Quaternary: dating methods of sediments]. Moscow, 2019, p. 109. (in Russ.)
- Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A. J.** Chronology of the Obi-Rachmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia. *Radiocarbon*, 2010, vol. 52, no. 2–3, pp. 549–554.
- Krivoshapkin A. I., Pavlenok K. K.** Variabelnost kompleksov obirakhmatskoi traditsii v kamen-nom veke Tsentralnoi Azii [Obirakhmatian variability in the Stone Age of Central Asia]. In: Aktualnye voprosy arkheologii i etnologii Tsentralnoi Azii [Actual problems of archaeology and ethnology of Central Asia]. Irkutsk, 2015, pp. 71–76. (in Russ.)
- Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M. T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnai-der S., Kolobova K.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 88–103.
- Nishiaki Y., Aripdjanov O.** A new look at the Middle Paleolithic lithic industry of the Teshik-Tash Cave, Uzbekistan, West Central Asia. *Quaternary International*, 2021, vol. 596, pp. 22–37.
- Pavlenok G. D., Kogai S. A., Kurbanov R. N., Mukhtarov G. A., Pavlenok K. K.** The Emer-gence of Levallois Blade Industry in the Western Foothills of Tien Shan: Kulbulak Layer 24. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2023, vol. 51, iss. 2, pp. 14–26.
- Pavlenok G. D., Lelokh M., Kot M., Pavlenok K. K., Kogai S. A., Kholmatov A., Khuzha-nazarov M., Shimchak K.** Novye paleoliticheskie mestonakhozhdeniya v doline Ertashsaya (Zapadniy Tyan'-Shan') [New Paleolithic sites in the Ertashsai valley (Western Tien Shan)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of ar-cheology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2020, vol. 26, pp. 189–194. (in Russ.)
- Pavlenok K., Kot M., Moska P., Leloch M., Muhtarov G., Kogai S., Khudjanazarov M., Hol-matov A., Szymczak K.** New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan. *Antiquity Project Gallery*, 2022, vol. 96 (389), pp. 1292–1300.
- Pavlenok K. K., Bocharova E. N., Kogai S. A., Pavlenok G. D.** Tekhnologicheskii repertuar neandertaltsev Teshik-Tasha: novye dannye [Technological repertoire of the Teshik-Tash Ne-anderthals: new data]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2022, no. 2 (75), pp. 115–127. (in Russ.)
- Pavlenok K. K., Bocharova E. N., Medvedev S. P., Kogai S. A., Pavlenok G. D.** Technological lithic production variability of the Teshik-Tash grotto industry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7, pp. 37–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-37-52
- Pavlenok K. K., Kogai S. A., Sosin P. M., Derevnina A. S., Taratunina N. A., Petrzhik N. M., Yudin I. A., Mukhtarov G. A., Tursunov S. S., Kharevich V. M., Chistyakov P. V.** Ot-krytie industrii s selungurskimi chertami na Zapadnom Tyan-Shane: stoyanka Kuksarai-2 (raskop 1) [Discovery of the Sel'ungur-like industry in Western Tien Shan: Kuksaray-2 site (excavation 1)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2022, vol. 28, pp. 229–237. (in Russ.)
- Pavlenok K. K., Kogai S. A., Sosin P. M., Kurbanov R. N., Derevnina A. S., Filatov E. A., Petrzhik N. M., Mukhtarov G. A., Tursunov S. S., Yudin I. A., Burashnikova K. S.** Indu-striálnaya dikhotomiya v kamennom proizvodstve stoyanki Kuksarai-2 [Dichotomy of lithic

industries at the Kuksaray-2 site]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2023, vol. 29, pp. 266–274. (in Russ.)

Pavlenok K. K., Pavlenok G. D., Kogai S. A., Khuzhanazarov M. Regionalnye istoki obirakhmatskoi traditsii kamneobrabotki: novye materialy stoyanki Kulbulak [Regional sources of the Obirakhmatian: new data from Kulbulak site]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2018, vol. 24, pp. 3–22. (in Russ.)

Pavlenok K. K., Pavlenok G. D., Kogai S. A., Lelokh M., Yakubchak M., Mukhtarov G., Kholmatov A., Kot M. Novye stratifitsirovannye paleoliticheskie mestonakhozhdeniya v doline r. Akhangaran (Uzbekistan) [New stratified Paleolithic sites in Akhangaran valley (Uzbekistan)] *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2021, vol. 27, pp. 209–215. (in Russ.)

Rozanov B. G. Morfologiya pochv [Soil morphology]. Moscow, 1983, 320 p. (in Russ.)

Vega Toscano L. G. La fin du Paléolithique moyen au sud de l'Espagne: ses implications dans le contexte de la Péninsule Ibérique. In: Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe (Colloque International De Nemours, 9–11 mai 1988), Mémoires du Musée de Préhistoire de l'Île de France, 1990, no. 3, pp. 169–176.

Villaverde V., Fumanal M. P. Relations entre le Paléolithique moyen et le Paléolithique supérieur dans le versant méditerranéen espagnole. In: Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe (Colloque International De Nemours, 9–11 mai 1988), Mémoires du Musée de Préhistoire de l'Île de France, 1990, no. 3, pp. 177–183.

Zilhão J. The late persistence of the Middle Palaeolithic and Neandertals in Iberia: A review of the evidence for and against the “Ebro Frontier” model. *Quaternary Science Reviews*, 2021, vol. 270. DOI 10.1016/j.quascirev.2021.107098

Информация об авторах

Константин Константинович Павленок, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 55249971300

WoS Researcher ID Q-5415-2016

RSCI Author ID 625148

SPIN 7155-1950

Сергей Александрович Когай, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 36239257800

WoS Researcher ID M-7071-2014

RSCI Author ID 159078

SPIN 3115-8950

Петр Михайлович Сосин, старший научный сотрудник

Егор Алексеевич Филатов, младший научный сотрудник

RSCI Author ID 827306

SPIN 2925-1306

Алена Сергеевна Деревнина, лаборант

RSCI Author ID 1147972

SPIN 4468-7286

Наталья Михайловна Петржик, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57206726034

WoS Researcher ID JQJ-4196-2023

RSCI Author ID 1040825

SPIN 9419-7381

Реджеп Нурмурадович Курбанов, кандидат географических наук

Scopus Author ID 55354945600

WoS Researcher ID N-6468-2016

RSCI Author ID 685746

SPIN 6964-5434

Гайратхон Арсланович Мухтаров, младший научный сотрудник

Андрей Иннокентьевич Кривошапкин, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

Scopus Author ID 24504230400

WoS Researcher ID J-9698-2013

RSCI Author ID 73175

SPIN 3683-8888

Information about the Authors

Konstantin K. Pavlenok, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 55249971300

WoS Researcher ID Q-5415-2016

RSCI Author ID 625148

SPIN 7155-1950

Sergei A. Kogai, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 36239257800

WoS Researcher ID M-7071-2014

RSCI Author ID 159078

SPIN 3115-8950

Petr M. Sosin, Senior Researcher

Egor A. Filatov, Junior Researcher

RSCI Author ID 827306

SPIN 2925-1306

Alyona S. Derevnina, Laboratory Assistant

RSCI Author ID 1147972

SPIN 4468-7286

Natalia M. Petrzhik, Junior Researcher

Scopus Author ID 57206726034

WoS Researcher ID JQJ-4196-2023

RSCI Author ID 1040825

SPIN 9419-7381

Redzhep N. Kurbanov, Candidate of Sciences (Geography)

Scopus Author ID 55354945600

WoS Researcher ID N-6468-2016

RSCI Author ID 685746

SPIN 6964-5434

Gayratkhon A. Mukhtarov, Junior Researcher

Andrei I. Krivoshapkin, Doctor of Sciences (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Scopus Author ID 24504230400
WoS Researcher ID J-9698-2013
RSCI Author ID 73175
SPIN 3683-8888

Вклад авторов:

К. К. Павленок – разработка концепции исследования, анализ материала, финальный вариант рукописи.
С. А. Когай – подготовка первоначального варианта, подготовка иллюстративного материала.
П. М. Сосин – геологическое описание разреза.
Е. А. Филатов – доработка текста.
А. С. Деревнина – компоновка иллюстраций, доработка текста.
Н. М. Петржик – анализ геологических данных.
Р. Н. Курбанов – интерпретация геологических данных.
Г. А. Мухтаров – доработка текста.
А. И. Кривошапкин – анализ материала, обобщение результатов.

Contribution of the Authors:

Konstantin K. Pavlenok developed the concept of the study, analyzed the material and summarized the results.
Sergei A. Kogai prepared initial text, arranged the illustrations.
Petr M. Sosin conducted a geological description of the section.
Egor A. Filatov finalized the text.
Alyona S. Derevnina arranged the illustrations, finalized the text.
Natalia M. Petrzhek analyzed geological data.
Redzhep N. Kurbanov interpreted geological data.
Gayratkhon A. Mukhtarov finalized the text.
Andrei I. Krivoshapkin analyzed the material, generalized the results.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 15.01.2024;
approved after reviewing on 05.02.2024; accepted for publication on 10.02.2024*

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-72-94

Феномен мелкопластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита Горного Алтая

Наталья Евгеньевна Белоусова¹, Александр Юрьевич Федорченко² ✉
Валерия Алексеевна Михиенко³, Дмитрий Александрович Гурулев⁴

¹⁻⁴ Институт археологии и этнографии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

¹ consacrer@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

² winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

³ volnavvv@mail, <https://orcid.org/0000-0002-7861-5983>

⁴ dm-gurulev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6992-3183>

Аннотация

Представленное исследование посвящено анализу, систематизации, верификации и обобщению сведений о мелкопластинчатых «ориньякоидных» индустриях раннего верхнего палеолита Алтая. В региональном контексте этот яркий феномен рассматривается в качестве главной составляющей технокомплекса усть-каракольской культурной традиции и фактически расценивается как культуромаркирующий. Исследование опиралось на анализ археологического материала известных ранневерхнепалеолитических объектов региона, опубликованных и архивных данных, содержащих сведения о хронологии, стратиграфии и планиграфии индустрий. В результате работы были актуализированы и дополнены сведения о мелкопластинчатой составляющей комплексов усть-каракольской традиции Алтая, ее индустриальных и планиграфических контекстах. Установлено, что в кругу индустрий данной группы опорными или эталонными с точки зрения сохранности и информативности выступают материалы стоянок Усть-Каракол-1 (раскоп 1, горизонт В) и Ануй-2 (раскоп 2, горизонт В). В обоих случаях мелкопластинчатая стратегия занимает доминирующее место в индустрии, отчетливо выделяясь на фоне отщепового производства и, вероятно, неспециализированного пластинчатого. Опубликованные ранее и новые данные радиоуглеродного датирования позволили уточнить возраст индустрий, он составляет около 37–34 тыс. кал. л. Согласно полученным данным, ключевые проблемы идентификации и исследования усть-каракольских объектов Алтая связаны с особенностями условий их формирования – они определялись процессами активного склонообразования, что приводило к деформации, фрагментации или полному разрушению исходных археологических структур.

Ключевые слова

Горный Алтай, ранний верхний палеолит, усть-каракольская культурная традиция, радиоуглеродная хронология, каменные индустрии, ремонтаж, мелкопластинчатое расщепление

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность»

Для цитирования

Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Михиенко В. А., Гурулев Д. А. Феномен мелкопластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита Горного Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 72–94. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-72-94

© Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Михиенко В. А., Гурулев Д. А. 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 72–94

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 72–94

Phenomenon of Early Upper Palaeolithic Bladelet Assemblages in the Altai Mountains

Natalia E. Belousova¹, Alexander Yu. Fedorchenko^{2✉}
Valeria A. Mikhienko³, Dmitry A. Gurulev⁴

¹⁻⁴ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ consacrer@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

² winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

³ volnavvv@mail, <https://orcid.org/0000-0002-7861-5983>

⁴ dm-gurulev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6992-3183>

Abstract

Purpose. The present study is devoted to the analysis, systematization, verification and generalization of data on “Aurignacian-like” bladelet assemblages of the Early Upper Palaeolithic of the Altai. In the regional context, this luminous phenomenon is considered the main component of the technocomplex of the Ust-Karakolian cultural tradition and even a cultural marker.

Results. The study was based on the analysis of archaeological material from known Early Upper Palaeolithic sites in the region, published and archival data containing information on the chronology, stratigraphy and planography of the industries. As a result, the data on the bladelet component of the Ust-Karakolian complexes from Altai, their industrial and spatial contexts have been updated and supplemented. Materials from the Ust-Karakol-1 (excavation 1, horizon B) and Anui-2 (excavation 2, horizon B) sites were found to be the reference for preservation and information of this industrial group. In both cases, the bladelet strategy dominates the assemblage, clearly standing out against the background of non-specialized blade and flake production. The age of the industry was determined to be around 37–34 thousand cal. BP using previously published and new radiocarbon dating data.

Conclusion. According to the obtained data, the main problems of identification and research of the Ust-Karakolian sites in Altai are related to the peculiarities of the conditions of their formation. They were determined by the processes of active slope formation, which led to deformation, fragmentation or complete destruction of the original archaeological structures.

Keywords

Mountain Altai, Early Upper Palaeolithic, Ust-Karakolian cultural tradition, radiocarbon chronology, lithic assemblages, refitting, bladelet production

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-78-10125-П “The dynamics of cultural development and human colonization of Altai at the onset of the Upper Paleolithic: life support strategies, paleotechnologies, mobility”

For citation

Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Mikhienko V. A., Gurulev D. A. Phenomenon of Early Upper Palaeolithic Bladelet Assemblages in the Altai Mountains. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 72–94. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-72-94

Введение

Проблема возникновения и развития традиций мелкопластинчатого расщепления является одной из ключевых в рамках исследования природы и содержания культурных процессов на Алтае на ранних этапах верхнего палеолита. С ней в разное время связывались вопросы преемственности верхнепалеолитических традиций и наследования среднему палеолиту [Деревянко, 2001; Деревянко, Волков, 2004; Деревянко, Шуньков, 2004], изучение специфики разнотехнологических верхнепалеолитических индустрий [Zwyns, 2012; Белоусова, 2017; 2018], обсуждение истоков древнейших технологий производства пластинок и микропластин, а также техники отжима в Северной и Центральной Азии [Кузнецов, 1997; Деревянко и др., 2002; Keates, 2007; Yi et al., 2016; Gómez Coutouly, 2018; Zhao et al., 2021].

Впервые на территории Алтая технологии мелкопластинчатого производства получают распространение около 46–44 тыс. некал. л. н. [Rybin et al., 2023] с появлением носителей

кара-бомовской культурной традиции начального верхнего палеолита (далее – НВП). На протяжении довольно длительного периода мелкие пластинчатые сколы производились в рамках бипродольной техники, а в качестве основ нуклеусов использовались крупные пластинчатые заготовки [Белоусова и др., 2019]. С появлением на Алтае культур раннего верхнего палеолита (далее – РВП) концепция производства мелких пластинчатых сколов существенно изменилась – исчезли вторичные нуклеусы на пластинах, уменьшился размер заготовки, изменились способы ее получения. Феномен мелкопластинчатых технологий РВП, которые также называют микропластинчатыми, напрямую связан с распространением индустрий усть-каракольской «линии развития», или «культурной традиции» [Деревянко, 2010, с. 2]. Эти комплексы характеризуются присутствием нуклеусов кареноидной морфологии («скребки высокой формы»), пластинок с притупленным краем, орудийных форм «ориньякоидной группы» [Деревянко, Шуньков, 2004, с. 35]. В круг археологических объектов усть-каракольской традиции были включены стоянки верхнего течения р. Ануй в Северо-Западном Алтае – Усть-Каракол-1 (раскоп 1 1986 г. и раскоп 2 1993–1997 гг.) [Деревянко и др., 1998а; 2003; Славинский, 2007; Zwyns, 2012], Ануй-1 и 3 [Деревянко, Шуньков, 2004], Денисова пещера [Павленок и др., 2021; Михиенко, Козликин, 2023], объекты в долине р. Урсул в Центральном Алтае – Тюмечин-4 [Деревянко и др., 1998б], и в северных предгорьях Алтая – Ушлеп-6 [Барышников и др., 2005].

Оценка абсолютного возраста мелкопластинчатых индустрий усть-каракольского облика опиралась на результаты ^{14}C датирования комплекса сл. 8–11 раскопа 2 опорного памятника Усть-Каракол-1; их возраст определялся в интервале от $35\,100 \pm 2\,850$ до $29\,720 \pm 360$ некал. л. [Деревянко, Шуньков, 2002]. На основе этих же материалов реконструировался общий облик усть-каракольских индустрий [Белоусова, 2018]. В качестве продолжателя ранневерхнепалеолитических традиций мелкопластинчатого расщепления до недавних пор рассматривались материалы стоянки Ануй-2, радиоуглеродный возраст которых оценивался в пределах от $27\,930 \pm 1\,590$ до $23\,431 \pm 1\,550$ тыс. л. на основе серии измерений, сделанных в 1990-х гг. [Орлова, 1995; Деревянко и др., 2003].

На современном этапе исследований благодаря новым данным о возрасте материалов РВП и их контекстах, применяя новые методические подходы и привлекая более обширный материал, мы можем по-новому взглянуть на феномен мелкопластинчатых индустрий усть-каракольской традиции. Представленная работа посвящена анализу, систематизации, верификации и обобщению сведений о мелкопластинчатых комплексах РВП Алтая.

Материалы и методы исследования

Исследование опиралось на археологические и естественнонаучные данные, опубликованные и архивные источники, которые позволяют судить о стратиграфическом, планиграфическом и хронологическом контекстах мелкопластинчатой составляющей индустрий РВП Северо-Западного (стоянки Усть-Каракол-1, Ануй-1–3, Денисова пещера) и Центрального (Кара-Бом, Тюмечин-4) Алтая. Основным предметом исследования выступали археологические материалы, отражающие специализированные стратегии мелкопластинчатого производства – нуклеусы, технические сколы, немодифицированные заготовки и орудия на сколах. В качестве целевых заготовок в данном случае рассматривался весь спектр пластинчатых снятий, получаемых в рамках расщепления нуклеарной формы. Краткое описание коллекций проводилось в соответствии с классификациями, разработанным ранее на материалах ключевых индустрий ранних этапов верхнего палеолита обсуждаемого региона [Белоусова, 2018].

В исследовании особое внимание было уделено анализу общих аспектов пространственного распределения элементов мелкопластинчатого производства; в отдельных случаях осуществлялось углубленное изучение пространственных контекстов находок на основе планиграфического анализа, метода ремонтажа и сырьевых единиц [Белоусова и др., 2018]. Профили (по линиям шириной 1 м) и планы распределения находок выстраивались посредством

программы Golden Software Surfer 15.5.382. Выделяя на основе пространственных реконструкций отдельные археологические подразделения на памятниках Усть-Каракол-1 и Ануй-2, мы оперировали понятием *культурный горизонт* [Белоусова, 2018]. Данный термин определяет крупную пространственную структуру, демонстрирующую единство в геологическом масштабе входящих в нее простых и сложных элементов (технологических скоплений, более простых планиграфических связей, кострищных пятен, отдельных артефактов, костей и др.).

Оценка возраста археологических объектов базировалась на актуализации опубликованных ранее возрастных определений, верификации контекстов датированных образцов, систематизации данных; для этого привлекались как опубликованные сведения, так и архивные материалы. Новые данные радиоуглеродного AMS-датирования (см. таблицу) были получены в рамках сотрудничества с лабораторией УМС НГУ-НИЦ (AMS Golden Valley) в Новосибирске; калибровка полученных дат осуществлялась с применением программы OxCal (версия 4.4) и калибровочной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020].

Результаты исследования

Усть-Каракол-1. Раскоп 1 (1986 г.). В рамках рассматриваемой проблематики одним из наиболее информативных с позиции сохранности структур и гомогенности является комплекс культурного горизонта (далее – культ. гор.) В раскопа 1 стоянки Усть-Каракол-1 [Белоусова и др., 2021]. Данному археологическому подразделению принадлежит РВП индустрия усть-каракольского облика (~ 220 артефактов), локализованная в верхней части мощной пачки однородных серовато-желтых суглинков литологического слоя (далее – лит. сл.) 5 [Деревянко и др., 1990]. В результате исследования было установлено, что пространственные структуры всей верхней части разреза раскопа 1 в разной степени претерпели разрушительное влияние склоновых процессов и биотурбаций – артефакты залегают в смещенном состоянии, для горизонтов характерно полное разрушение внутренних структур (технологических скоплений) (гор. А, лит. сл. 2) или их сильная фрагментарность и деформация (гор. В, верхняя часть лит. сл. 5) (рис. 1, 1). Технологические скопления гор. В зафиксированы преимущественно в центральной части раскопа, где склон выполаживался; здесь же были выявлены два кострищных пятна, сохранивших округлые очертания и заполнение. Нарушения естественного залегания слоя не привели к культурно-хронологическому смешению, что позволяет использовать материалы в качестве опорных.

По образцам древесного угля из очага на уровне культ. гор. В на основе жидкостно-сцинтилляционного метода были получены два радиоуглеродных определения – $31\,410 \pm 1\,160$ (СОАН-2515) и $29\,900 \pm 2\,070$ л. н. (ИГАН-837); на основе анализа образцов древесного угля одного из кострищ с использованием аналогичного метода была получена дата $31\,345 \pm 1\,315$ л. н. (СОАН-2869) (см. таблицу) [Деревянко, Маркин, 1990; Орлова, 1995]. Первичное расщепление гор. В характеризуется доминированием стратегии производства мелких пластинчатых сколов, слабо выразительным и, вероятно, неспециализированным (определяется по отсутствию специальных нуклеусов, технических снятий или сырьевых групп) крупнопластинчатым компонентом. Нуклеарные формы для получения мелких пластинчатых сколов включают широкофронтальные объемные конвергентные и продольные разновидности с дополнительным фронтом ($n = 5$), торцовые формы с подработкой кия ($n = 2$) или дополнительным фронтом, преформы торцовых нуклеусов ($n = 1$) (рис. 1, 2–6, 8, 9). В коллекции представлены единичные орудия из пластинок (рис. 1, 7), многочисленные скребки, массивные галечные орудия, изделия с бифасиальной обработкой. Малый удельный вес микроинвентаря в коллекции связан с особенностями методики проведения полевых работ.

Раскоп 2 (1993–1997 гг.). Обширная коллекция нуклеусов для мелких пластинчатых сколов, целевых заготовок с признаками дальнейшей модификации и без нее выявлена в гори-

зонте РВП (лит. сл. 8–11, ~ 2 500 артефактов) на участке раскопа 2 стоянки Усть-Каракол-1 (рис. 2). Стратиграфические условия залегания материалов комплекса, проблемы сохранности планиграфических структур, технологические и типологические аспекты индустрии детально рассмотрены в специальных исследованиях [Белоусова, 2012; 2018].

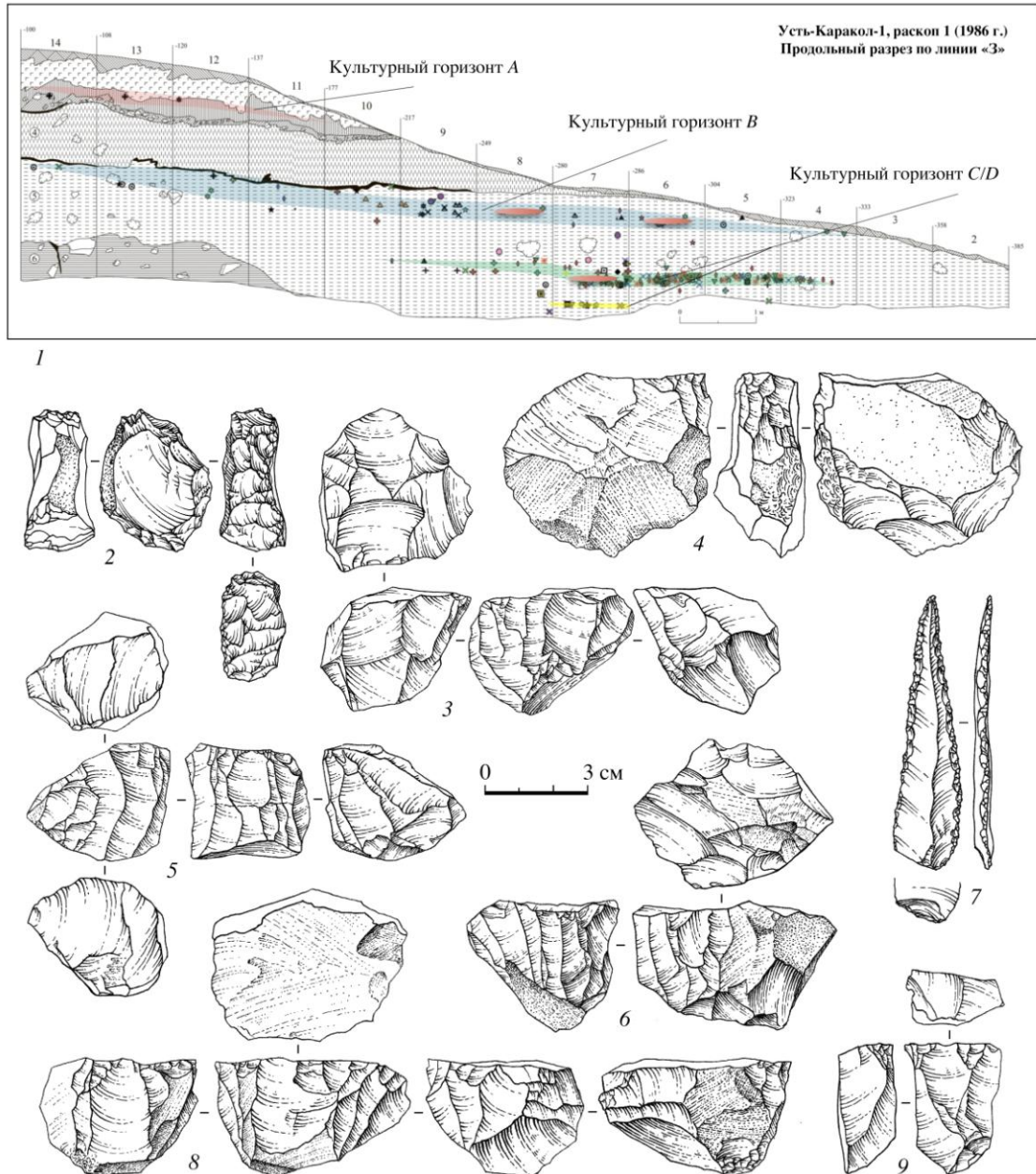

Рис. 1. Стоянка Усть-Каракол-1, раскоп 1986 г.:

1 – РВП культ. гор. В в контексте пространственной структуры объекта (знаки на схеме показывают элементы ремонтаций и сырьевых групп); 2–9 – мелкопластинчатый комплекс культ. гор. В, по: [Славинский, 2007].

Fig. 1. Ust-Karakol-1 site, 1986 excavation:

1 – Early Upper Palaeolithic cultural horizon B in the context of the spatial structure of the site (signs on the diagram show elements of refitting and raw material units); 2–9 – bladelet assemblage of cultural horizon B, according to: [Slavinskiy, 2007].

Радиоуглеродная хронология каменных индустрий РВП Горного Алтая
Radiocarbon chronology of the EUP lithic assemblages from the Altai Mountains

№ п/п	¹⁴ C дата, л. н.	Сигма (±)	Лаб. номер	Кал. л. н.		Материал	Слой	Метод	Источник
				(68,2 %)	(95,4 %)				
Стоянка Усть-Каракол-1, раскоп 1 (1986 г.)									
1	29 990	2 070	ИГАН-837	36 980–31 860	41 060–30 960	Древесный уголь	5	Конвенц.	Дервянко, Маркин, 1990
2	31 345	1 275	СОАН-2869	37 390–34 440	39 740–33 590	Древесный уголь	5	Конвенц.	Орлова, 1995
3	31 410	1 160	СОАН-2515	37 200–34 550	39 410–33 930	Древесный уголь	5	Конвенц.	Дервянко, Маркин, 1990
Стоянка Усть-Каракол-1, раскоп 2 (1993–1997 гг.)									
1	29 720	360	СОАН-3359	34 560–33 900	35 040–33 350	Древесный уголь	9.3	Конвенц.	Дервянко и др., 2003
2	29 860	355	СОАН-3358	34 670–34 030	35 190–33 690	Древесный уголь	9.3	Конвенц.	Дервянко и др., 2003
3	31 580	470	АА-32670	36 350–35 420	37 000–34 910	Древесный уголь	9.3	AMS	Derevianko et al., 2005
4	31 931	187	GV-3615	36 460–36 090	36 790–35 880	Кость	4*	AMS	Эта работа
Стоянка Ануй-2									
1	24 305	420	СОАН-3006	28 900–27 960	29 510–27 690	Сажисто-углистая масса	12	Конвенц.	Орлова, 1995
2	26 810	290	СОАН-3005	31 220–30 750	31 450–30 320	Древесный уголь	13.2	Конвенц.	Орлова, 1995
3	27 930	1 590	ИГАН-1425	34 280–30 840	36 690–29 210	Уголь / гуминовые кислоты	13.2	Конвенц.	Дервянко и др., 2003
4	30 523	180	GV-3601	35 150–34 680	35 310–34 530	Кость	13.2	AMS	Белюсова, 2022б
5	31 019	191	GV-3603	35 670–35 170	35 950–34 820	Кость	13.2	AMS	Эта работа
Стоянка Ануй-3									
1	32 750	233	GV-3606	37 480–36 850	38 050–36 400	Кость	13	AMS	Эта работа
2	33 143	245	GV-3609	38 270–37 200	38 930–37 010	Кость	13	AMS	Эта работа
3	33 489	255	GV-3608	38 920–37 790	39 230–37 480	Кость	13	AMS	Эта работа

* Кость перемещена в сл. 4 в результате активных биотурбаций, характерных для участка работ 1995 г. в нижней по склону части раскопа 2 1993–1997 гг.

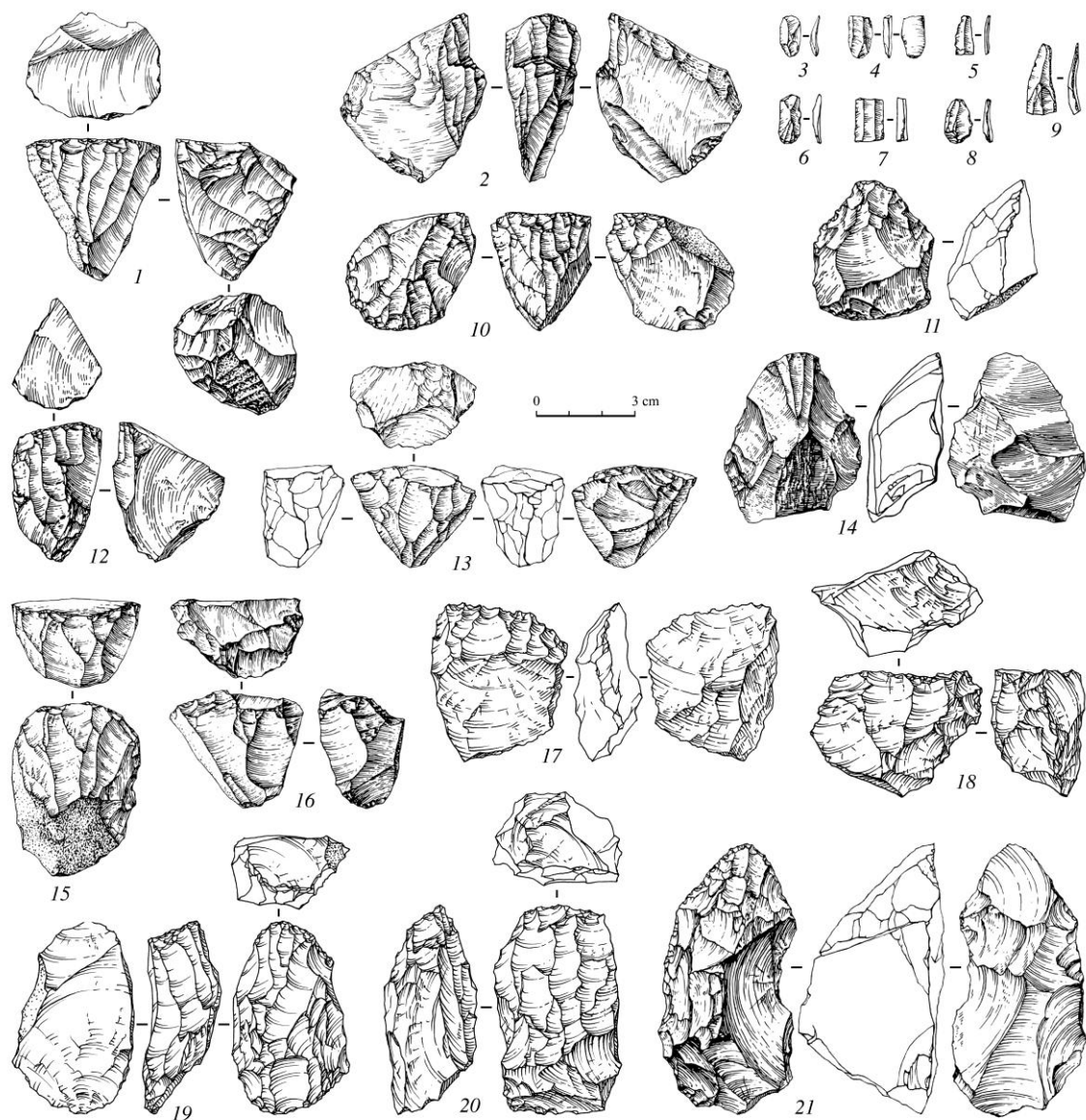

Рис. 2. РВП мелкопластинчатый комплекс раскопа 1993–1997 гг. стоянки Усть-Каракол-1 (1–16, 21, по: [Деревянко и др., 2003; Белоусова, 2018]) и стоянки Ануй-1 (17–20)

Fig. 2. Early Upper Palaeolithic bladelet assemblage of the Ust-Karakol-1 site, 1993–1997 excavation (1–16, 21, according to: [Derevianko et al., 2003; Belousova, 2018]) and Anui-1 site (17–20)

Хронологическая позиция материалов сл. 8–11 опирается на ряд радиоуглеродных определений¹, выполненных в 1990-х гг. на основе конвенционного метода по углю из кострищ лит. сл. 9.3: $29\ 720 \pm 360$ (СОАН-3359) и $29\ 860 \pm 355$ л. н. (СОАН-3358) (см. таблицу) [Деревянко и др., 2003]. Позже на основе ускорительной масс-спектрометрии был проанализирован уголь из того же слоя, и получена дата $31\ 580 \pm 470$ л. н. (АА-32670) [Derevianko et al.,

¹ В настоящей работе не учитываются даты $35\ 100 \pm 2\ 850$ (СОАН-3259) и $33\ 400 \pm 1\ 285$ (СОАН-3257), выполненные по углю из лит. сл. 9.3–10 и приводимые в большинстве публикаций по стоянке Усть-Каракол-1. Согласно письму Л. А. Орловой от 29.04.1995, проводившей радиоуглеродный анализ, указанные определения были рассчитаны на недостаточном количестве счетного препарата и должны считаться ориентировочными или быть изъяты из обращения.

2005]. Новое определение, выполненное по кости сибирской косули со следами разделки из сл. 4 [Деревянко и др., 2003, с. 255, рис. 138], отражает аналогичное время эпизода обитания на стоянке – $31\,931 \pm 187$ л. н. (GV-3615) (см. таблицу). Комплекс имеющихся дат указывает на ранневерхнепалеолитическую хронологию основной части материалов сл. 8–11 в диапазоне от 30 до 32 тыс. некал. л. н.

На современном этапе исследований было установлено, что индустрия сл. 8–11 памятника Усть-Каракол-1 включила в себя более древний компонент [Белоусова, 2018]. Так, в результате анализа коллекции были вычленены единичные изделия, обнаруживающие технико-типологическое сходство и планиграфические связи с материалами среднепалеолитических пластинчато-острийных индустрий стоянки [Шуныков, Белоусова, 2015]. Кроме того, в последние годы в радиоуглеродной лаборатории Оксфорда были получены предварительные результаты датирования образцов кости из лит. сл. 9.1 и 11.2, отобранных в нижней по склону и наиболее сложной части раскопа (участок 1995 г.). Результаты анализа кости указывают на присутствие древней примеси – $43\,000 \pm 700$ и $> 48\,200$ некал. л. н. Вероятно, дата около 43 некал. л. н. может быть связана с такими элементами коллекции, как пластины с пикетажем зоны расщепления, призматические и комбинаторные нуклеусы для пластин, нуклеусы-резцы [Славинский и др., 2017], характерными для кара-бумовской культурной традиции НВП Алтая и в лучшей сохранности присутствующими на участке раскопа 1986 г. [Белоусова и др., 2021]. Стоит отметить, что именно на уровне лит. сл. 11 в результате палеомагнитного изучения разреза стоянки был установлен экскурс геомагнитного поля Лашамп (42–44 тыс. л. н.) [Деревянко и др., 2003].

При анализе коллекции нуклеусов для мелких пластинчатых сколов и другого микроинвентаря из раскопа 1993–1997 гг. мы учитывали особенности сохранности и датирования культурного слоя стоянки, из-за чего сознательно оперировали недифференцированной по слоям выборкой артефактов, исключив единичные формы, которые не характерны для эталонных объектов (Ануй-2, гор. В, Усть-Каракол-1, раскоп 1986 г., гор. В) – один нуклеус-резец и один нуклеус цилиндрический бипродольный. В целом комплекс находок сл. 8–11 демонстрирует наличие выразительной технологии производства мелких пластинчатых сколов с прямым и изогнутым профилем, основанной на продольном параллельном и конвергентном скалывании заготовок по выраженной плавной дуге торцовых / клиновидных и широкофронтальных объемных ядрищ – изделий кареноидной морфологии, в том числе пирамидальных и с дополнительным фронтом ($n = 8$) (рис. 2, 1, 2, 10–16, 21). В орудийном наборе комплекса были отмечены ретушированные пластинки и изделия с притупленным краем, скребки высокой формы, стрельчатые, концевые из пластинок и др. [Деревянко и др., 2003; Белоусова, 2017; 2018; Федорченко и др., 2020].

Ануй-2. Одна из наиболее информативных индустрий с мелкопластинчатым компонентом усть-каракольского облика принадлежит пространственной структуре культ. гор. В памятника Ануй-2 (раскоп 2 1990–1991 гг.). Новые данные абсолютного датирования и исследования пространственной структуры культурных отложений стоянки позволили скорректировать прежнюю схему культурно-стратиграфического членения и предложить новую модель, включающую пять эпизодов заселения в РВП и, вероятно, НВП (рис. 3, 1) [Белоусова, 2022a]. Горизонт В залегает в кровле пойменного аллювия в отложениях (сл. 12/13.1) серо-коричневых ярких суглинков, подстилаемых слоем зеленовато-серого песка [Деревянко и др., 2003]. В комплекс преимущественно вошли находки, предварительно атрибутированные в ходе полевых исследований 1990-х гг. как принадлежащие «археологическим горизонтам» 8, 9 и 10. Горизонт В (~ 1 500 артефактов) включает несколько частично деформированных пространственных структур, связанных с мелкопластинчатым производством (см. рис. 3, 1); большинство скоплений сосредоточено в нижней по склону северо-западной части основного раскопа [Белоусова, 2022б].

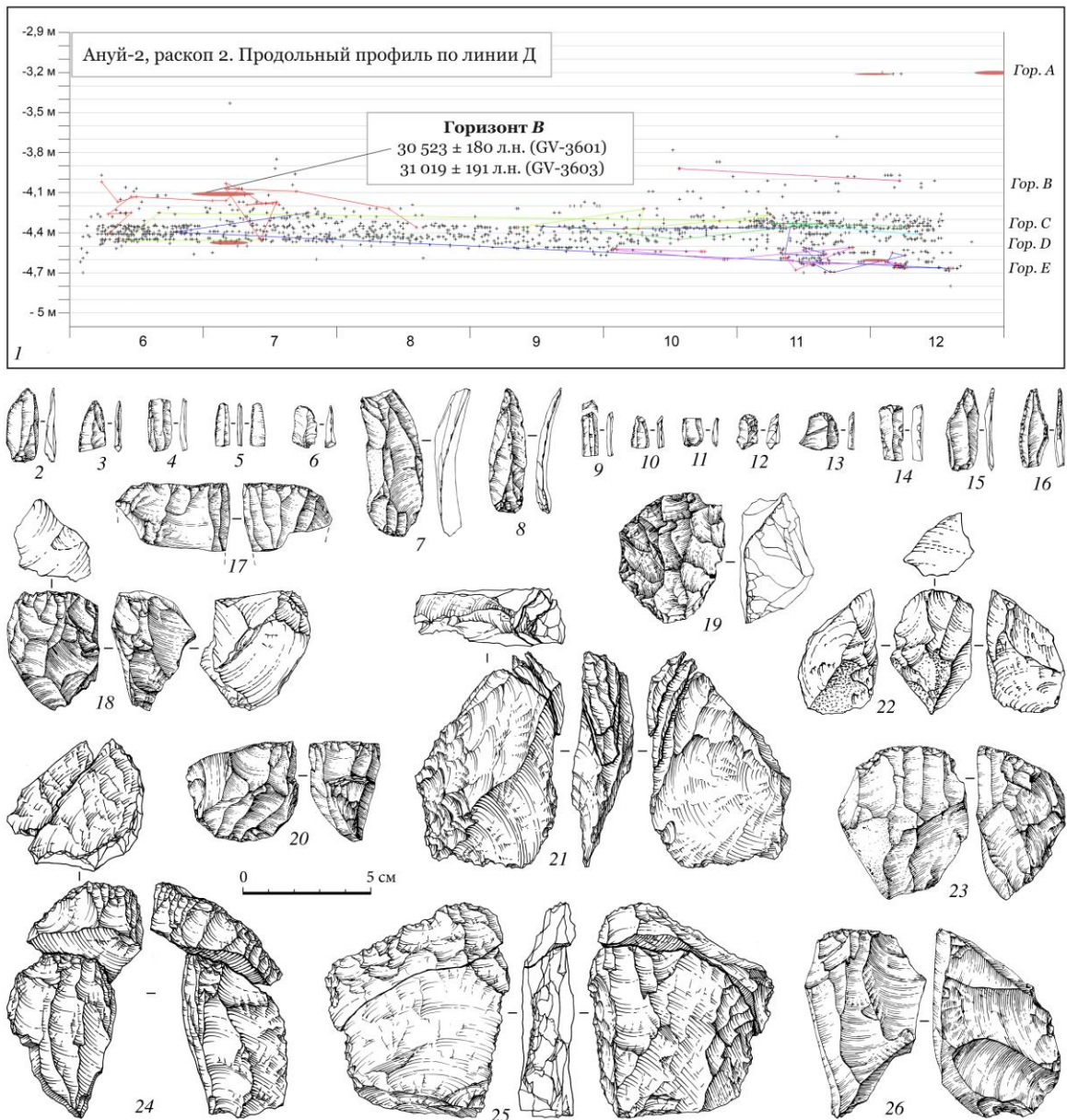

Рис. 3. Стоянка Ануй-2:

1 – РВП культ. гор. В в контексте пространственной структуры объекта (линиями показаны планиграфические связи между элементами ремонтажей и сырьевых групп); 2–26 – мелкопластинчатый комплекс культур. гор. В, по: [Деревянко и др., 2003; Белоусова, 2022б]

Fig. 3. Anui-2 site:

1 – Early Upper Palaeolithic cultural horizon B in the context of the spatial structure of the site (the lines show the spatial links between the elements of refitting and raw material units); 2–26 – bladelet assemblage of the cultural horizon B, according to: [Derevianko et al., 2003; Belousova, 2022b]

До недавнего времени возраст комплекса с мелкопластинчатой составляющей оценивался исходя из результатов датирования образцов из раскопа 2² на основе конвенционального метода 1990-х гг. (см. таблицу). Радиоуглеродный анализ сажисто-углистой массы из кострища

² Радиоуглеродные определения 20 350 ± 290 (COAH-2863), 22 610 ± 140 (COAH-2862) и 27 125 ± 580 (COAH-2868) были получены по углю из материалов геол. сл. 7 работ 1988 г. на участке раскопа 1 [Орлова, 1995].

лит. сл. 12 (гл. от –378 до –403) на уровне или выше технологических скоплений гор. В показал возраст $24\,205 \pm 420$ л. (СОАН-3006) [Орлова, 1995]. Более древние определения получены на основе датирования сажисто-углистой массы из очага и образца угля, принадлежащих нижележащему сл. 13.2 – $26\,810 \pm 290$ л. н. (СОАН-3005, участок кв. Г/7-8) [Там же] и $27\,930 \pm 1\,590$ некал. л. н. (ИГАН-1425) [Деревянко и др., 1998а]. На современном этапе исследований возраст гор. В был уточнен с использованием метода AMS [Белоусова, 2022б]. По двум образцам кости, отобраным в зонах технологических скоплений мелкопластинчатого дебитаж на участке квадратов Д-7 и А-6, были получены даты $30\,523 \pm 180$ (GV-3601) и $31\,019 \pm 191$ л. н. (GV-3603) (см. таблицу; рис. 3, 1). Новые радиоуглеродные определения существенно древнее дат 1990-х гг. и, безусловно, требуют дальнейшего подтверждения, а также обсуждения причин фиксируемых расхождений; однако уже сейчас они полностью соответствует новой более широкой и древней серии определений возраста, полученных для нижележащих культурных остатков стоянки Ануй-2.

К стратегии производства мелких пластинчатых сколов гор. В можно отнести нуклеусы ($n = 10$) (рис. 3, 18–26) и выразительные технические сколы-таблетки с объемной и плавной дугой скалывания на торце (рис. 3, 17, 24), реберчатые сколы (рис. 3, 25). Нуклеусы представлены торцовыми, широкофронтальными конвергентными и продольными модификациями на отщепях и небольших фрагментах отдельностей из местного вулканогенного и осадочного сырья, в том числе бифронтальными разновидностями ядрищ или с дополнительным фронтом. Согласно данным ремонтажа и метода сырьевых единиц, расщепление отщеповой заготовки инициировалось снятием реберчатого скола, скалывание происходило в одном направлении; морфология получаемых снятий существенно варьировала в зависимости от качества сырья, ширины фронта и возможностей серийного скалывания [Белоусова, 2022б]. Ширина пластинчатых сколов составляла от 6 до 25 мм, сохранившиеся целые сколы демонстрируют значимый изгиб профиля. Микроинвентарь комплекса включает также немодифицированные мелкие пластинчатые сколы в технологических скоплениях, единичные резцы, микроскрепки, пластинки с ретушью и притупленным краем, острия на пластинках (рис. 3, 2–16). В целом обсуждаемый комплекс отражает доминирование мелкопластинчатой стратегии; примечательно полное отсутствие отходов производства крупных пластин, а также наличие массивных галечных орудий.

Ануй-1. Небольшая серия нуклеусов для производства мелких пластинчатых заготовок происходит со стоянки Ануй-1³. В зоне раскопа 1 (1987 г.) в основании шестиметровой толщи отложений был выявлен культ. гор. 3 (279 артефактов), демонстрирующий, согласно данным ремонтажа и полевым наблюдениям, выраженную сохранность планиграфических структур. Материалы горизонта залежали на глубине около 4,6–5,0 м в литологических подразделениях 6 и 7⁴, первый из которых был сложен светло-коричневым суглинком (0,08–0,2 м), а второй, распространяющийся локально на том же гипсометрическом уровне, на 90–95 % был заполнен грубообломочным материалом (0,2–0,5 м). Возраст культурных остатков в случае стоянки Ануй-1 определяется на основании корреляций стратиграфических и археологических данных. В комплексе гор. 3 наряду с формами, типичными для НВП – крупными пластинами, подпризматическими нуклеусами и заготовками бифасов, была выявлена небольшая коллекция изделий усть-каракольского облика [Деревянко и др., 1990]. В нее вошли три нуклеуса, выполненные на сколах от одной отдельности местного афирового эффузива среднего качества – два широкофронтальных из отщепов, один объемный торцовый клиновидный с дополнительным фронтом (см. рис. 2, 17–18, 20), еще одно ядрище, аналогичное последнему, из отдельности местного высококачественного алевrolита (см. рис. 2, 19). Мелкие пластинчатые сколы не были обнаружены, вероятно, из-за особенностей методики полевых археологических работ.

³ См.: Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях стоянки Ануй-1 в 1988 г. Архив ИА РАН. 1989. Ф. 1. Р. 1 № 12948.

⁴ Там же. См. также: [Деревянко и др., 1990].

Ануй-3. Среди индустрий, близких по облику и культурно-хронологической позиции усть-каракольским, выделяется комплекс РВП многослойной стоянки Ануй-3, изученной в 1998–2001 гг. [Деревянко и др., 2000; Деревянко, Шуньков, 2002]. Отложения лит. сл. 10–12, относящиеся к средней части разреза (на глубине от 2,8 до 4,2 м от поверхности), согласно данным стратиграфии и геохронологии, по наличию специфических S-образных текстур и деформированных клиновидных внедрений обнаруживают близкое сходство с пачкой сл. 9–11 участка 1993–1997 гг. памятника Усть-Каракол-1 [Деревянко, Шуньков, 2002]. Для палевых лессовидных суглинков подошвы сл. 12 была получена РТЛ дата $54\,000 \pm 13\,000$ л. н. (РТЛ-962), воспринятая как доказательство среднепалеолитического возраста подстилающего слоя [Там же]. Новейшие результаты AMS датирования существенно ограничивают древность генерации литологического подразделения 12 (см. таблицу). На основе анализа фрагментов трубчатых костей из нижележащего сл. 13 (раскоп 1998 г.), содержащего несколько невыразительных пластин и орудий из них, получено три радиоуглеродных определения – $32\,750 \pm 233$ (GV-3606), $33\,143 \pm 245$ (GV-3609) и $33\,489 \pm 255$ (GV-3608) л. н.

Концентрация археологического материала, связанного с производством и использованием мелких пластинчатых сколов, выявлена в сл. 12 стоянки Ануй-3 (154 артефакта). Отмечены планиграфические связи между артефактами по методу сырьевых единиц, что указывает на удовлетворительную сохранность структур. В комплексе с орудиями из отщепов и небольших пластин (микроскретки, концевые скретки и др.) представлены «скретки высокой формы» / нуклеусы для мелких пластинчатых сколов ($n = 4$) (рис. 4, 3, 5, 10), выполненные из экзотических высококремнистых пород сырья, «микропластины» с притупленным краем ($n = 8$) и немодифицированные сколы ($n = 6$) (рис. 4, 7, 8, 11–14, 17–18)⁵. Миниатюрность нуклеусов коллекции выделяет их на фоне других археологических комплексов РВП Алтая. Стоит отметить присутствие в сл. 12 немногочисленных форм, более характерных для культуры местного НВП. Единичные мелкие пластинчатые сколы выявлены в сл. 11 ($n = 2$ из 106 артефактов) и сл. 9 ($n = 4$, из них одна «микропластина», усеченная ретушью, всего 112 артефактов).

Денисова пещера. В результате многолетних исследований верхней пачки позднеплейстоценовых отложений Денисовой пещеры также была получена представительная коллекция, отражающая производство мелких пластинчатых заготовок в рамках усть-каракольских стратегий. Соответствующий компонент зафиксирован в верхнепалеолитических индустриях из различных участков пещеры: в центральном зале (сл. 11 и 9), южной (сл. 11 и деформация сл. 11) и восточной (сл. 11.2–11.1 и 9) галереях, на предвходовой площадке (сл. 6–7) [Деревянко и др., 2003]. На сегодняшний день хронология позднеплейстоценовых отложений памятника реконструируется на основе обширной серии AMS дат [Douka et al., 2019; Деревянко и др., 2020; Федорченко, Белоусова, 2021; Essel et al., 2023]. Результаты анализа костяных артефактов и образцов древесного угля указывают на продолжительный период посещения человеком пещеры в эпоху верхнего палеолита: от $42\,900 \pm 2\,000$ л. н. (OxA-29872, костяное шило из сл. 11.4 центрального зала) до $19\,990 \pm 61$ л. н. (OxA-X-3089-11, уголь из средней части сл. 11 южной галереи). Согласно данным OSL датирования, заселение стоянки в эпоху верхнего палеолита могло происходить несколько ранее [Jacobs et al., 2019].

Учитывая вероятную многокомпонентность коллекции мелкопластинчатого дебитажа и связанного с ним инвентаря в Денисовой пещере, мы привлекали лишь артефакты, которые находят соответствие в материалах эталонных комплексов усть-каракольской традиции РВП Алтая (Усть-Каракол-1 и Ануй-2). Согласно опубликованным данным, с этой традицией могут быть связаны несколько артефактов из сл. 11 южной галереи и сл. 7 предвходовой площадки: широкофронтальный подцилиндрический продольный нуклеус из сургучного яшмоида (рис. 4, 15), пирамидальный нуклеус и близкое по морфологии ядрище с дополнительным фронтом на ороговикоманном алевролите (рис. 4, 16, 19), бифронтальная модифика-

⁵ См отчеты об археологических исследованиях стоянки Ануй-3 в 1998 г.: Архив ИАЭТ СО РАН. 1999–2002. Ф. 1. № 2327.

ция широкофронтального клиновидного ядрища из алевролитопесчаника (рис. 4, 4). Возможно, одной из редких вариаций усть-каракольских форм является широкофронтальный нуклеус для мелких пластинчатых заготовок с уплощенным фронтом и двумя противолежащими ударными площадками (рис. 4, 2) [Деревянко и др., 2003; Деревянко и др., 2017; Шуньков и др., 2019; Павленок и др., 2021]. В коллекциях относительно массово представлены мелкие пластинчатые заготовки и микропластины, а также технические сколы, отражающие характерные приемы оформления и подправки нуклеусов – полуреберчатый скол, скол подправки площадки (рис. 4, 6) и др. [Деревянко и др., 2017]. В верхнепалеолитических индустриях памятника отмечены микропластины с притупленным краем и скребки высокой формы, близкие по морфологии к описанным ядрищам (рис. 4, 1, 9) [Деревянко и др., 2003; 2017; Михиенко, Козликин, 2023].

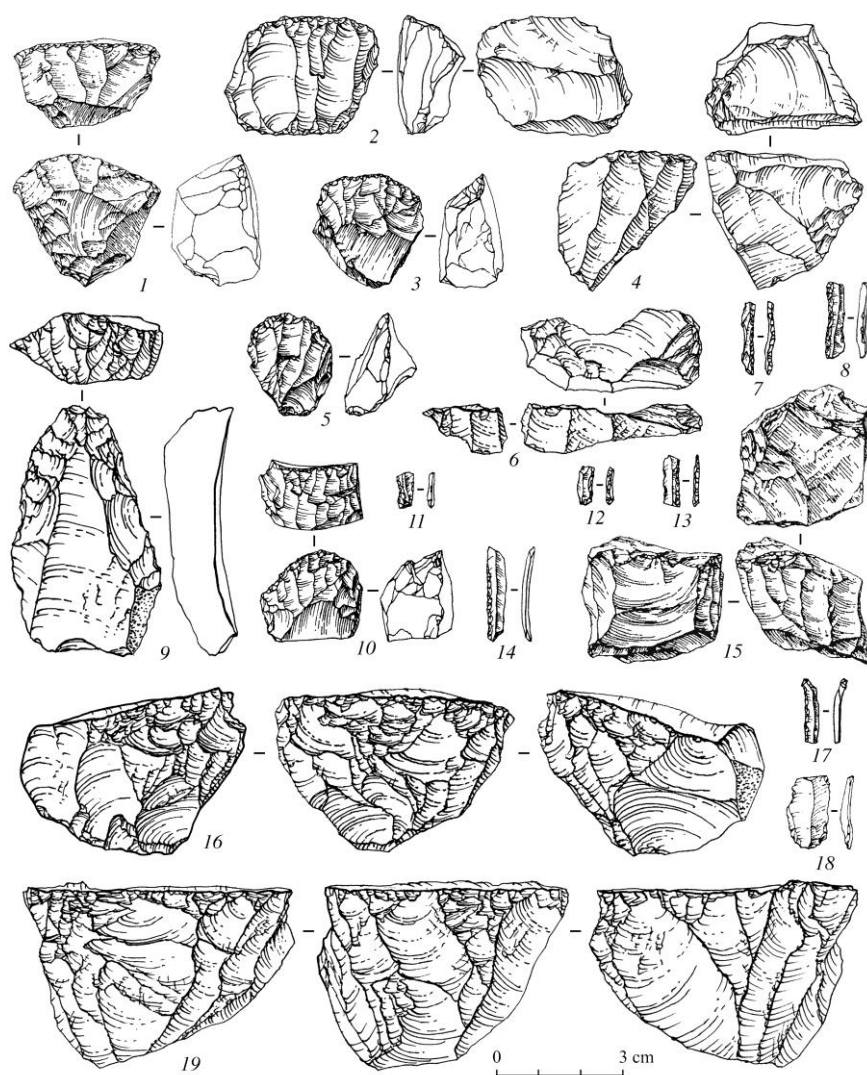

Рис. 4. Мелкопластинчатый комплекс стоянки Денисова пещера (1, 2, 4, 6, 9, 15, 16, 19 – по: [Деревянко и др., 2003; 2017; Шуньков и др., 2019; Павленок и др., 2021]) и стоянки Ануй-3 (3, 5, 7, 8, 10–14, 17, 18 – по: [Деревянко, Шуньков, 2002]);

Fig. 4. The bladelet assemblage of the Denisova Cave site (1, 2, 4, 6, 9, 15, 16, 19, according to: [Derevianko et al., 2003; 2017; Shunkov et al., 2019; Pavlenok et al., 2021]) and the Anui-3 site (3, 5, 7, 8, 10–14, 17, 18, according to: [Derevianko, Shunkov, 2002])

Кара-Бом. Стоянка Кара-Бом является ключевым археологическим объектом в контексте изучения культуры НВП Алтая. Индустрия гор. ВП2 представляет собой опорный комплекс кара-бомовской культурной традиции, бытовавшей в регионе около 46–39 тыс. некал. л. н. [Rybin et al., 2023]. Более поздний этап заселения памятника представлен материалами культ. гор. ВП1 (263 артефакта), которые были в значительной степени перемещены склоновыми и другими эрозионными процессами [Белоусова, Рыбин, 2013]. Широкий хронологических разброс AMS дат может указывать на многокомпонентность горизонта ВП1: по результатам датирования 1993 г. были получены значения от $30\,990 \pm 460$ (GX-17593) до $34\,180 \pm 640$ л. н. (GX-17595), согласно последним данным – от $29\,110 \pm 320$ (OxA-36907) до $32\,300 \pm 450$ л. н. (OxA-36868) [Rybin et al., 2023]. По ряду характеристик коллекция этого горизонта обнаруживает сходство с более ранней НВП индустрией памятника и может являться ее продолжением [Белоусова, Рыбин, 2013]. Однако облик отдельных элементов комплекса (микропластины с изогнутым профилем) [Белоусова, Рыбин, 2016], как и некоторые подъемные материалы, не характерные для НВП, могут указывать на присутствие на памятнике РВП компонента или еще более позднего. В коллекциях сборов представлены широкофронтальные нуклеусы с выпуклой объемной дугой скалывания и дополнительным фронтом (рис. 5, 5, 8); одна миниатюрная торцовая клиновидная форма была выявлена в числе артефактов в отложениях подножия стоянки, где активно развивались эрозионные процессы (рис. 5, 4).

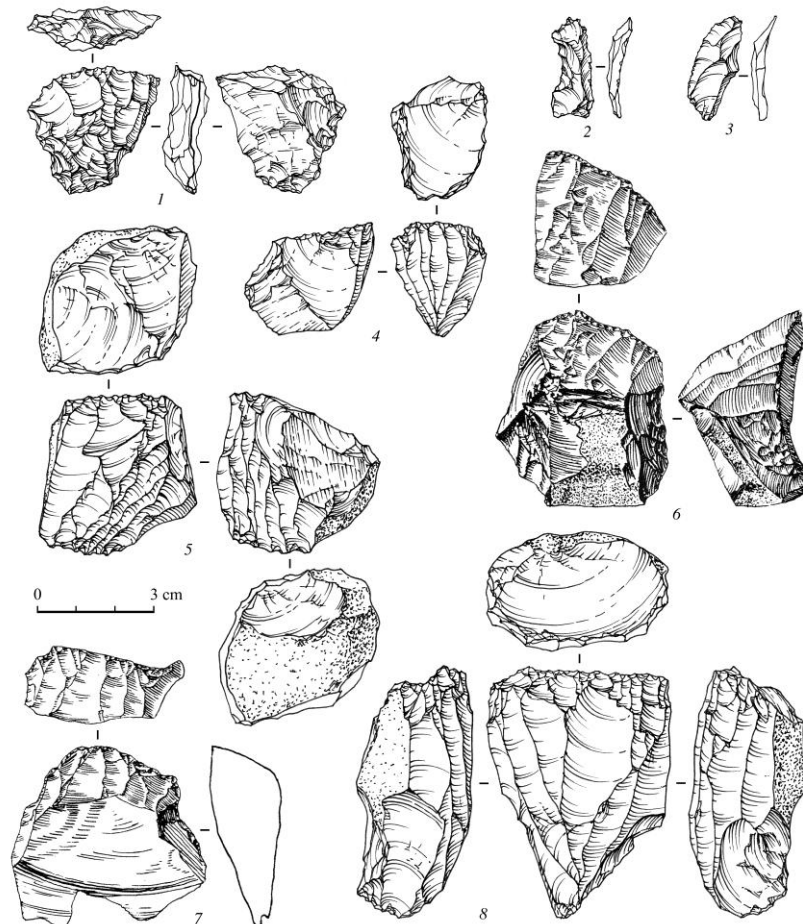

Рис. 5. Мелкопластинчатый компонент стоянок Кара-Бом (4–5, 8), Тюмечин-4 (6, 7 – по: [Деревянко, 2011]) и Кара-Тенеш (1–3).

Fig. 5. Bladelet component of the Kara-Bom (4–5, 8), Tumechin-4 (6, 7, from [Derevianko, 2011]) and Kara-Tenesh (1–3) sites

Тюмечин-4. Несколько выразительных артефактов, ассоциированных с мелкопластинчатым производством, происходят со стоянки Тюмечин-4 [Шуныков, 1990; Шуныков и др., 1994]. Находки концентрировались на участке основного раскопа, на трех соседних квадратах по линиям Д-Ж/4-3 в нижней части культуросодержащего лит. сл. 5 (484 артефакта). Изделия имеют признаки изменения поверхности, характерные для перемещенного или экспонированного материала. Мелкопластинчатая составляющая комплекса включает два нуклеуса / скребка высокой формы из местных высококачественных туфов (рис. 5, 6, 7). Хронологическая позиция индустрии определена финальным этапом каргинского потепления; данные абсолютного датирования отсутствуют. Облик археологического материала позволил связать комплекс с усть-каракольскими индустриями РВП [Деревянко, 2011].

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволило верифицировать, актуализировать и существенно дополнить сведения о мелкопластинчатой составляющей ключевых РВП объектов Алтая, их стратиграфических, планиграфических и хронологических контекстах. На основании данных ремонтажа и метода сырьевых единиц были реконструированы особенности пространственной локализации наиболее информативных культурных горизонтов усть-каракольской традиции, зафиксированных на стоянках Усть-Каракол-1 и Ануй-2. Дифференциация каменных артефактов и фаунистических остатков в соответствии с их принадлежностью к пространственным структурам позволила определить вещественный состав индустрий и получить качественные образцы для датирования.

Результаты изучения структуры и характера сохранности РВП комплексов памятников Усть-Каракол-1, Ануй-2, а ранее и стоянки Кара-Бом [Белоусова, Рыбин, 2013], позволяют во многом объяснить ключевые проблемы идентификации и исследования усть-каракольских объектов Алтая; они связаны с особенностями условий их формирования, которые определялись процессами активного склонообразования, приводившими к деформации, фрагментации или полному разрушению исходных археологических структур. Эта тенденция становится особенно очевидной при сопоставлении с более ранними объектами НВП, фиксируемыми на тех же стоянках (Усть-Каракол-1, культ. гор. Д/Е, Кара-Бом, культ. гор. ВП2).

Согласно новым данным, в группе усть-каракольских стоянок опорными или эталонными с точки зрения сохранности и содержания могут считаться два объекта – Усть-Каракол-1 (раскоп 1 1986 г., культ. гор. В) и Ануй-2 (раскоп 2 1990–1991 гг., культ. гор. В), расположенные в Северо-Западном Алтае. На основании новых ^{14}C дат, верификации контекстов и актуальности опубликованных ранее возрастных определений была уточнена хронология археологических комплексов. Исходя из имеющихся данных, возраст комплексов может составлять около 32–30 тыс. некал. л., в калиброванном значении – 37–34 тыс. л. (68,2 %). В этот небольшой отрезок времени в целом вписываются данные о хронологии и стратиграфической позиции других индустрий с артефактами усть-каракольского облика (см. таблицу).

Соответствие хронологических позиций, идентичность мелкопластинчатого компонента и общего технико-типологического облика индустрий памятников Усть-Каракол-1 (культ. гор. В) и Ануй-2 (культ. гор. В) свидетельствуют в пользу культурной общности этих комплексов. В обоих случаях мелкопластинчатая стратегия занимает доминирующее место в первичном расщеплении, отчетливо выделяясь на общем фоне неспециализированного пластинчатого и отщепового производства. Получение мелких пластинчатых заготовок на эталонных памятниках демонстрирует приверженность отщеповым основам из местных тонкозернистых вулканогенных и осадочных пород, а также – в редких случаях – высококремнистых отдельностей. Нуклеусы представлены торцовыми и широкофронтальными конвергентными и продольными формами, в том числе бифронтальными разновидностями. Организация скалывания практически всегда предполагала наличие прямой скошенной ударной

площадки с тонко редуцированной объемной дугой, а также подтреугольный фронт, с которого происходило продольно-конвергентное или продольное скалывание заготовок. Данный подход зачастую придавал остаточным формам облик, близкий к скребкам высокой формы. В каждом из эталонных комплексов высок удельный вес ядрищ с дополнительным фронтом по килю или в иной плоскости, исключаяющей встречное скалывание заготовок. Параметры ширины получаемых основ варьировали в зависимости от этапа расщепления и могли меняться от пластинчатых (более 25 мм) до микропластинчатых (меньше 7 мм); наряду с нерегулярной морфологией заготовок и негативов на фронтах это указывает на общую слабую стандартизацию расщепления. Выявленный микроинвентарь включает микроскребки, пластинки с ретушью и притупленным краем, острия на пластинках.

Характеристики мелкопластинчатого компонента других стоянок ануйской группы в Северо-Западном Алтае – Ануй-1, 3, Денисова пещера, усиливают тенденции, выявленные по опорным материалам. Стоит отметить, что находки из сл. 12 стоянки Ануй-3 при этом значимо выделяются на общем фоне: они миниатюрны, регулярны и выполнены на оригинальной сырьевой базе. В долине р. Урсул Центрального Алтая комплексы с усть-каракольским мелкопластинчатым компонентом были выявлены довольно давно – недатированные находки со стоянки Тюмечин-4; материалы Кара-Бома же в данном контексте рассматриваются впервые, потенциально проясняя широкую хронологию верхнего макрокомплекса ВП1.

Феномен усть-каракольской традиции скорее всего не ограничивается географическими рамками долин рек Ануй и Урсул: определенные свидетельства присутствия ее индустрий фиксируются на правом берегу Катуня и в северных предгорьях Алтая – в контексте многослойной стоянки Кара-Тенеш (см. рис. 5, 1–3) с культурными остатками возрастом около $31\,400 \pm 410$ некал. л. (СОАН-2486) [Орлова, 1995], недатированного многокомпонентного комплекса памятника Каратурук [Кадиков, Лапшин, 1978] и РВП слоев стоянки Ушлеп-6 [Барышников и др., 2005].

В региональном контексте обсуждаемые мелкопластинчатые технологии в совокупности с микроинвентарем можно считать крайне специфичными по отношению к более ранней культуре НВП, где использовались принципиально другие подходы к производству и обработке мелких пластинчатых заготовок [Белоусова и др., 2019]. Установить своеобразие усть-каракольских индустрий по отношению к более поздним культурам в настоящий момент довольно сложно в силу отсутствия подходящих материалов для сопоставления. Вполне вероятно, учитывая общеэпохальный верхнепалеолитический тренд в сторону микролитизации, специфичность будет выражена менее отчетливо. Усть-каракольские мелкопластинчатые индустрии Алтая требуют более пристального внимания к технологической, типологической и функциональной сторонам их элементов. Сформированная в результате проведенной работы коллекция будет способствовать дальнейшему изучению этого значимого явления.

Список литературы

- Барышников Г. Я., Кунгуров А. Л., Маркин М. М., Семibrатов В. П.** Палеолит Горной Шории. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 277 с.
- Белоусова Н. Е.** Стратиграфический и планиграфический контексты материалов ранней стадии верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1993–1997 годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 51–61.
- Белоусова Н. Е.** Технология мелкопластинчатого расщепления в индустрии раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (Горный Алтай) // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы IV Конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2017. С. 14–15.
- Белоусова Н. Е.** Каменные индустрии начала верхнего палеолита Горного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 25 с.

- Белоусова Н. Е.** Новая культурно-хронологическая последовательность стоянки Ануй-2: предварительные результаты // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: Материалы МАКМИ (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022а. С. 5–11.
- Белоусова Н. Е.** Мелкопластинчатое расщепление в индустрии горизонта В стоянки Ануй-2: отдельные акты производственной деятельности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022б. Т. 28. С. 51–57.
- Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П.** Новая схема культурно-стратиграфического членения ранне-верхнепалеолитических отложений стоянки Кара-Бом (на основе пространственного анализа и данных ремонтажа) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 64–76.
- Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П.** Технология первичного расщепления каменного сырья в индустрии раннего верхнего палеолита культурного горизонта ВП1 стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 4 (16). С. 7–23.
- Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П., Федорченко А. Ю.** Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus*. 2019. № 1. С. 225–250.
- Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Вишневецкий А. В., Михиенко В. А., Селецкий М. В., Маркин С. В.** Различия археологических комплексов начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 // Верхний палеолит Европы: Время культурных новаций: Тез. Междунар. науч. конф. (6–8 декабря 2021 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 28–29.
- Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Славинский В. С.** Анализ сырьевых единиц как способ изучения структуры культурных отложений и реконструкции систем мобильности и жизнеобеспечения // *Stratum plus*. 2018. № 1. С. 125–143.
- Деревянко А. П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.
- Деревянко А. П.** Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 2–32.
- Деревянко А. П.** Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.
- Деревянко А. П., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Дергачева М. И., Дупал Т. А., Малаева Е. М., Маркин С. В., Молодин В. И., Николаев С. В., Орлова Л. А., Петрин В. Т., Постнов А. В., Ульянов В. А., Феденева И. Н., Форонова И. В., Шуньков М. В.** Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. 176 с.
- Деревянко А. П., Волков П. В.** Эволюция расщепления камня в переходный период на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2. С. 21–35.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Петрин В. Т.** Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня (опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 170 с.
- Деревянко А. П., Глинский С. В., Дергачева М. И., Дупал Т. А., Ефремов С. А., Зенин А. Н., Кривошапкин А. И., Куликов О. А., Малаева Е. М., Маркин С. В., Николаев С. В., Нохрина Т. И., Петрин В. Т., Поздняков А. А., Попова С. М., Рыбин Е. П., Симонов Ю. Г., Феденева И. Н., Чевалков Л. М., Шуньков М. В.** Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. 312 с.

- Деревянко А. П., Гричан Ю. В., Дергачева М. И., Зенин А. Н., Лаухин С. А., Левковская Г. М., Малолетко А. М., Маркин С. В., Молодин В. И., Оводов Н. Д., Петрин В. Т., Шуньков М. В. Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. 158 с.
- Деревянко А. П., Маркин С. В. Палеолитические памятники бассейна р. Ануй (общий обзор) // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 5–30.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1 (9). С. 16–41.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 12–40.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 3–32.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Чеха А. М., Шалагина А. В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 103–107.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Ульянов В. А. Изучение палеолитической стоянки в долине р. Ануй // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 6. С. 99–104.
- Кадиков Б. Х., Лапшин Б. И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 3–10.
- Кузнецов А. М. Проблема микропластинчатых индустрий в каменном веке Дальнего Востока и Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. 30 с.
- Михиенко В. А., Козликин М. Б. Мелкие пластинчатые сколы в индустриях верхнего палеолита Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. 29. С. 226–233.
- Орлова Л. А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях / Отв. ред. А. П. Деревянко, Ю. П. Холушкин. Новосибирск: Наука, 1995. Ч. 2. С. 205–232.
- Павленок Г. Д., Козликин М. Б., Шуньков М. В. Мелкопластинчатое расщепление в индустриях раннего верхнего палеолита Денисовой пещеры: данные анализа последовательности сколов // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 123–130.
- Славинский В. С. Индустрии ранневерхнепалеолитических уровней обитания стоянки Усть-Каракол (материалы раскопа 1986 г.) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 2. С. 197–214.
- Славинский В. С., Рыбин Е. П., Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Хаценович А. М., Анойкин А. А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. 2017. № 1. С. 221–244.
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е. Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири // Stratum plus. 2021. № 1. С. 217–257.

- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Кулик Н. А., Шуньков М. В.** Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020. Т. 48, № 1. С. 3–15.
- Шуньков М. В.** Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 158 с.
- Шуньков М. В., Белоусова Н. Е.** Среднепалеолитическая составляющая каменной индустрии из слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол-1 (по данным планиграфического анализа) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 179–182.
- Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Михненко В. А., Чеха А. М., Чеха А. Н.** Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 299–305.
- Шуньков М. В., Николаев С. В., Кривошапкин А. И.** Позднепалеолитическая стоянка Тюмечин-4 в Горном Алтае // *Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая*. Горно-Алтайск, 1994. С. 12–14.
- Derevianko A. P., Postnov A. V., Rybin E. P., Kuzmin Y. V., Keates S. G.** The Pleistocene peopling of Siberia: a review of environmental and behavioural aspects // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 2005. Vol. 57. P. 69–77.
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Mafessoni F., Kozlikin M. B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devière T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R. G., Pääbo S., Kelso J., Higham T.** Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. 2019. Vol. 565 (7741). P. 640–644.
- Essel E., Zavala E. I., Schulz-Kornas E., Kozlikin M. B., Fewlass H., Vernot B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Douka K., Barnes I., Soulier M.-C., Schmidt A., Szyman-ski M., Tsanova T., Sirakov N., Endarova E., McPherron Sh. P., Hublin J.-J., Kelso J., Pääbo S., Hajdinjak M., Soressi M., Meyer M.** Ancient human DNA recovered from a Palaeolithic pendant // *Nature*. 2023. Vol. 618, no. 7964. P. 328–332.
- Gómez Coutouly Y. A.** The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // *Radiocarbon*. 2018. Vol. 60. P. 821–855.
- Jacobs Z., Li B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Bolikhovskaya N. S., Agadjanian A. K., Uliyanov V. A., Vasiliev S. K., O’Gorman K., Derevianko A. P., Roberts R. G.** Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // *Nature*. 2019. Vol. 565, no. 7741. P. 594–599.
- Keates S. G.** Microblade technology in Siberia and neighbouring regions: an overview // *Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America*. Burnaby: Archaeology Press, 2007. P. 125–146.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., Plicht J. van der, Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S.** The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. P. 725–757.
- Rybin E. P., Belousova N. E., Derevianko A. P., Douka K., Higham T.** The Initial Upper Paleolithic of the Altai: New radiocarbon determinations for the Kara-Bom site // *Journal of Human Evolution*. 2023. Vol. 185. P. 34–53.

- Yi M., Gao X., Li F., Chen F.** Rethinking the origin of microblade technology: A chronological and ecological perspective // *Quaternary International*. 2016. Vol. 400. P. 130–139.
- Zhao Ch., Wang Y., Gu W., Wang S., Wu X., Gao X., Chen Y., Li Y.** The emergence of early microblade technology in the hinterland of North China: a case study based on the Xishi and Dongshi site in Henan Province // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2021. Vol. 13. P. 97–112.
- Zwyns N.** Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution). Doctoral Thesis. Leiden: Leiden Uni. Press, 2012, 414 p.

Список источников

- Деревянко А. П.** Отчет об археологических исследованиях стоянки Ануй-1 в 1988 г. Архив ИА РАН. 1989. Ф. 1. Р. 1 № 12948.
- Деревянко А. П.** Отчет об археологических исследованиях стоянки Ануй-3 в 1998 г. Архив ИАЭТ СО РАН. 1999. Ф. 1. № 2327.
- Деревянко А. П.** Отчет об археологических исследованиях стоянки Ануй-3 в 1999 г. Архив ИАЭТ СО РАН. 2000. Ф. 1. № 2327.
- Деревянко А. П.** Отчет об археологических исследованиях стоянки Ануй-3 в 2000 г. Архив ИАЭТ СО РАН. 2001. Ф. 1. № 2327.
- Деревянко А. П.** Отчет об археологических исследованиях стоянки Ануй-3 в 2001 г. Архив ИАЭТ СО РАН. 2002. Ф. 1. № 2327.

References

- Baryshnikov G. Ya., Kungurov A. L., Markin M. M., Semibratov V. P.** Paleolit Gornoy Shorii [Paleolithic of Mountain Shoria]. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2005, 277 p. (in Russ.)
- Belousova N. E.** Stratigraphic and planigraphic context of Early Upper Paleolithic assemblages from Ust'-karakol-1 site (excavation of 1993–1997). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11 (5), pp. 51–61. (in Russ.)
- Belousova N. E.** Tekhnologiya melkoplastinchatogo rasshchepleniya v industrii rannego verkhnego paleolita stoyanki Ust'-Karakol-1 (Gornyy Altay) [Technology of bladelet production in the Early Upper Paleolithic assemblage of the Ust-Karakol-1 site (Altai Mountains)]. In: *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya* [New materials and methods of archaeological research]. Proc. of IV Conf. young scientists. Moscow, IA RAS, 2017, pp. 14–15. (in Russ.)
- Belousova N. E.** Kamennye industrii nachala verkhnego paleolita Gornogo Altaya [Stone industries of the beginning of the Upper Paleolithic of the Altai Mountains]. Abstract of Cand. Sci. (History) Diss. Novosibirsk, 2018, 25 p. (in Russ.)
- Belousova N. E.** Novaya kul'turno-khronologicheskaya posledovatel'nost' stoyanki Anuy-2: predvaritel'nyye [New Cultural and Chronological sequence of the Anui-2 site: preliminary results]. In: *Arkheologicheskie kul'tury Sibiri v kontekste kross-kul'turnykh kontaktov v Evrazii* [Archaeological cultures of Siberia in the context of cross-cultural contacts in Eurasia]. Proc. of Conf. (Novosibirsk, November 21–25, 2022). Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2022, pp. 5–11. (in Russ.)
- Belousova N. E.** Bladelet Knapping in the Industry of Anui-2 Site, Horizon B: Individual Acts of Production Activity. In: *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 51–57. (in Russ.)
- Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Slavinsky V. S.** Raw material units analysis as method of studying the structure of cultural deposits and reconstruction of mobility and life support systems. *Stratum plus*, 2018, no. 1, pp. 125–143. (in Russ.)

- Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Vishnevsky A. V., Mikhienko V. A., Seletsky M. V., Markin S. V.** Razlichiya arkhеologicheskikh kompleksov nachal'nogo i rannego verkhnego paleolita stoyanki Ust'-Karakol-1 [Differences between the archaeological complexes of the initial and early Upper Paleolithic of the Ust-Karakol-1 site]. In: Verkhniy paleolit Evropy: Vremya kul'turnykh novatsiy [Upper Paleolithic of Europe: Time of cultural innovations]. Abstracts of the International scientific conference (December 6–8, 2021, St. Petersburg). St. Petersburg, IHMC RAS, 2021, pp. 28–29. (in Russ.)
- Belousova N. E., Rybin E. P.** New updates to stratigraphic partition of Early Upper Paleolithic sequence of Kara-Bom site (spatial analyzes and refitting studies). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12(7), pp. 64–76. (in Russ.)
- Belousova N. E., Rybin E. P.** The technology of primary stone splitting of the Early Upper Paleolithic industry of the UP1 cultural layer at the Kara-Bom site (Russian Altai). *Theory and Practice of archaeological research*, 2016, no. 4 (16), pp. 7–23. (in Russ.)
- Belousova N. E., Rybin E. P., Fedorchenko A. Yu.** Treatment Strategy of Stone Raw Material in the Initial Upper Palaeolithic of Gorny Altai (based on materials of cultural horizon UP2, Kara-Bom site). *Stratum plus*. 2019, no. 1, pp. 225–250. (in Russ.)
- Derevianko A. P.** The Middle to Upper Paleolithic Transition in Altai. *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2001, no. 3, pp. 70–103. (in Russ.)
- Derevianko A. P.** Three scenarios of the Middle to Upper Paleolithic Transition: Scenario 1: The Middle to Upper Paleolithic Transition in Northern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010, no. 3 (43), pp. 2–32. (in Russ.)
- Derevianko A. P.** The Upper Paleolithic in Africa and Eurasia and the Origin of Anatomically Modern Humans. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, 560 p.
- Derevianko A. P., Agajanyan A. K., Baryshnikov G. F., Dergacheva M. I., Dupal T. A., Malaeva E. M., Markin S. V., Molodin V. I., Nikolaev S. V., Orlova L. A., Petrin V. T., Postnov A. V., Ulyanov V. A., Fedeneva I. N., Foronova I. V., Shunkov M. V.** Arkheologiya, geologiya i paleografiya pleistotsena i golotsena Gornogo Altaya [Archaeology, Geology and Palaeography of the Pleistocene and Holocene of the Altai Mountains]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1998, 176 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Glinitsky S. V., Dergacheva M. I., Dupal T. A., Efremov S. A., Zenin A. N., Krivoshapkin A. I., Kulikov O. A., Malaeva E. M., Markin S. V., Nikolaev S. V., Nokhrina T. I., Petrin V. T., Pozdnyakov A. A., Popova S. M., Rybin E. P., Simonov Yu. P., Simonov Y. G., Fedeneva I. N., Chevalkov L. M., Shunkov M. V.** Problemy paleoekologii, geologii i arkheologii paleolita Altaya [Problems of Palaeoecology, Geology and Archaeology of the Altai Palaeolithic]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1998, 312 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Grichan Yu. V., Dergachev M. I., Zenin A. N., Laukhin S. A., Levkovskaya G. M., Maloletko A. M., Markin S. V., Molodin V. I., Ovodov N. D., Petrin V. T., Shunkov M. V.** Archaeology and paleoecology of the Palaeolithic of Gorny Altai. Novosibirsk, , 1990, 158 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Markin S. V.** Paleoliticheskie pamyatniki basseina r. Anui (obshchii obzor) [Paleolithic sites of the Anui river basin (general overview)]. In: Kompleksnyye issledovaniia paleoliticheskikh ob'ektov basseina r. Anui [Complex Studies of Paleolithic Sites in the Anuy River Basin]. Novosibirsk, 1990, pp. 5–30. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Postnov A. V., Rybin E. P., Kuzmin Y. V., Keates S. G.** The Pleistocene peopling of Siberia: a review of environmental and behavioural aspects. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, 2005, vol. 57, pp. 69–77.
- Derevianko A. P., Shunkov M. V.** Industries with leafshaped bifaces in the Middle Paleolithic of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2002, no. 1 (9), pp. 16–41. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Shunkov M. V.** Formation of Upper Paleolithic traditions in Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, no. 3 (19), pp. 12–40. (in Russ.)

- Derevianko A. P., Shunkov M. V., Agadjanian A. K., Baryshnikov G. F., Malaeva E. M., Uliyanov V. A., Kulik N. A., Postnov A. V., Anoykin A. A.** Paleoenvironment and paleolithic Human occupation of Gorny Altai. *Novosibirsk, IAET SB RAS Publ.*, 2003, 448 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Shunkov M. V., Kozlikin M. B.** Who Were the Denisovans? *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48, no. 3, pp 3–32. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Fedorchenko A. Yu., Chekha A. M., Shalagina A. V.** New Research Findings of the Upper Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave. In: *Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2017, vol. 23, pp. 103–107. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Shunkov M. V., Uliyanov V. A.** Study of a Paleolithic site in the Anui river valley. *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2000, vol. 6, pp. 99–104. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Volkov P. V.** Evolution of lithic reduction technology in the course of the Middle to Upper Paleolithic transition in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, no. 2, pp. 21–35. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Volkov P. V., Petrin V. T.** The Origin of Microplate Knapping Technique: (Experience of Experimental Research and Technological Analysis of the materials of the Kara-Bom Site). Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2002, 170 p. (in Russ.)
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Mafessoni F., Kozlikin M. B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R. G., Pääbo S., Kelso J., Higham T.** Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, 2019, vol. 565 (7741), pp. 640–644.
- Essel E., Zavala E. I., Schulz-Kornas E., Kozlikin M. B., Fewlass H., Vernet B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Douka K., Barnes I., Soulier M.-C., Schmidt A., Szymanski M., Tsanova T., Sirakov N., Endarova E., McPherron Sh. P., Hublin J.-J., Kelso J., Pääbo S., Hajdinjak M., Soressi M., Meyer M.** Ancient human DNA recovered from a Palaeolithic pendant. *Nature*, 2023, vol. 618, no. 7964, pp. 328–332.
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E.** Chronology and Cultural Attribution of the Earliest Upper Palaeolithic Bone Needles of Siberia. *Stratum Plus*. 2021, no. 1, pp. 217–257. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Kulik N. A., Shunkov M. V.** Early Upper Paleolithic Serpentine Ornaments from Ust-Karakol, Northwestern Altai. *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48, no. 1, pp. 3–15. (in Russ.)
- Gómez Coutouly Y. A.** The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia. *Radiocarbon*, 2018, vol. 60, pp. 821–855.
- Jacobs Z., Li B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Bolikhovskaya N. S., Agadjanian A. K., Uliyanov V. A., Vasiliev S. K., O’Gorman K., Derevianko A. P., Roberts R. G.** Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature*, 2019, vol. 565, no. 7741, pp. 594–599.
- Kadikov B. Kh., Lapshin B. I.** Karaturuk – novaya stoyanka kamennogo veka Gornogo Altaya [Karaturuk – a new Stone Age site of the Altai Mountains]. In: *Drevniye kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, 1978, pp. 3–10. (in Russ.)
- Keates S. G.** Microblade technology in Siberia and neighbouring regions: an overview. In: *Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America*. Burnaby, Archaeology Press, 2007, pp. 125–146.
- Kuznetsov A. M.** Problema mikroplastinchatykh industriy v kamennom veke Dal'nego Vostoka i Sibiri [The problem of microblade industries in the Stone Age of the Far East and Siberia]. Abstract of Dr. Sci. (History) Diss. St. Petersburg, 1997, 30 p. (in Russ.)

- Mikhienko V. A., Kozlikin M. B.** Bladelet Production in the Upper Paleolithic Industries of Denisova Cave. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2023, vol. 29, pp. 226–233. (in Russ.)
- Orlova L. A.** Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Radiocarbon dating of archaeological sites of Siberia and the Far East]. In: Derevianko A. P., Kholyushkin Yu. P. (eds.). Metody estestvennykh nauk v arkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Methods of natural sciences in archaeological reconstructions]. Novosibirsk, Nauka, 1995, pt. 2, pp. 205–232. (in Russ.)
- Pavlenok G. D., Kozlikin M. B., Shunkov M. V.** Small blade technology in the Early Upper Paleolithic industries from Denisova cave: data from analysis of a lithic reduction sequence. *Ural Historical Journal*, 20221, no. 1 (70), pp. 123–130. (in Russ.)
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., Plicht J. van der, Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S.** The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020, pp. 725–757.
- Rybin E. P., Belousova N. E., Derevianko A. P., Douka K., Higham T.** The Initial Upper Paleolithic of the Altai: New radiocarbon determinations for the Kara-Bom site. *Journal of Human Evolution*, 2023, vol. 185, pp. 34–53.
- Slavinskiy V. S.** Industrii rannepleistotsenicheskikh urovney obitaniya stoyanki Ust'-Karakol (materialy raskopa 1986 g.) [Industries of the Early Upper Palaeolithic habitation levels at the Ust-Karakol site (materials of the excavation in 1986)]. In: Severnaya Aziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geokologiya, etnologiya i antropologiya [Northern Asia in the Anthropogene: Human, Paleotechnologies, Geocology, Ethnology and Anthropology]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007, vol. 2, pp. 197–214. (in Russ.)
- Slavinskiy V. S., Rybin E. P., Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Khatsenovich A. M., Anoinin A. A.** Specific Technique of Core Platform Preparation in the Initial Upper Palaeolithic of South Siberia and Central Asia. *Stratum Plus*, 2017, no. 1, pp. 221–244. (in Russ.)
- Shunkov M. V.** Must'yerskiye pamyatniki mezhgornyykh kotlovin Tsentral'nogo Altaya [Mousterian sites of the intermountain basins of Central Altai]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 158 p. (in Russ.)
- Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Fedorchenko A. Yu., Mikhienko V. A., Chekha A. M., Chekha A. N.** Lithic Industries of the Middle and Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave: Evidence of 2019. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2019, vol. 25, pp. 299–305. (in Russ.)
- Shunkov M. V., Belousova N. E.** Middle palaeolithic component of the stone industry from the layers 8–11 of Ust-Karakol site (basing on the spatial analysis). In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015, vol. 21, pp. 179–182. (in Russ.)
- Shunkov M. V., Nikolayev S. V., Krivoshapkin A. I.** Pozdnepleistotsenicheskaya stoyanka Tyumechin-4 v Gornom Altae [Tyumechin-4 Upper Paleolithic site in the Altai Mountains]. In: Problemy izucheniya kul'turno-istoricheskogo naslediya Altaya [Problems of studying the cultural and historical heritage of Altai]. Gorno-Altaysk, 1994, pp. 12–14. (in Russ.)
- Yi M., Gao X., Li F., Chen F.** Rethinking the origin of microblade technology: A chronological and ecological perspective. *Quaternary International*, 2016, vol. 400, pp. 130–139.
- Zhao Ch., Wang Y., Gu W., Wang S., Wu X., Gao X., Chen Y., Li Y.** The emergence of early microblade technology in the hinterland of North China: a case study based on the Xishi and

Dongshi site in Henan Province. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, vol. 13, pp. 97–112.

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution). Doctoral Thesis. Leiden, Leiden Uni. Press, 2012, 414 p.

List of Sources

Derevianko A. P. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh stoyanki Anuy-1 v 1988 g. [Report on archaeological research at the Anui-1 site in 1988]. In: Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of archaeology (Moscow)]. 1989. F. 1. R. 1, no. 12948. (in Russ.)

Derevianko A. P. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh stoyanki Anuy-3 v 1998 g. [Report on archaeological research at the Anui-3 site in 1998]. In: Arkhiv IAET SO RAN [Archive of the IAET SB RAS (Novosibirsk)]. 1999. F. 1, no. 2327. (in Russ.)

Derevianko A. P. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh stoyanki Anuy-3 v 1999 g. [Report on archaeological research at the Anui-3 site in 1999]. In: Arkhiv IAET SO RAN [Archive of the IAET SB RAS (Novosibirsk)]. 2000. F. 1, no. 2327. (in Russ.)

Derevianko A. P. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh stoyanki Anuy-3 v 2000 g. [Report on archaeological research at the Anui-3 site in 2000]. In: Arkhiv IAET SO RAN [Archive of the IAET SB RAS (Novosibirsk)]. 2001. F. 1, no. 2327. (in Russ.)

Derevianko A. P. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh stoyanki Anuy-3 v 2001 g. [Report on archaeological research at the Anui-3 site in 2001]. In: Arkhiv IAET SO RAN [Archive of the IAET SB RAS (Novosibirsk)]. 2002. F. 1, no. 2327. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Евгеньевна Белоусова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57191634232

WoS Researcher ID R-2153-2016

Александр Юрьевич Федорченко, научный сотрудник

Scopus Author ID 57189367702

WoS Researcher ID D-5485-2016

Валерия Алексеевна Михиенко, младший научный сотрудник

Дмитрий Александрович Гурулев, младший научный сотрудник

Information about the Authors

Natalia E. Belousova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57191634232

WoS Researcher ID R-2153-2016

Alexander Yu. Fedorchenko, Researcher

Scopus Author ID 57189367702

WoS Researcher ID D-5485-2016

Valeria A. Mikhienko, Junior Researcher

Dmitry A. Gurulev, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 15.08.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 01.12.2023
The article was submitted on 15.08.2023;
approved after reviewing on 30.10.2023; accepted for publication on 01.12.2023*

Научная статья

УДК 902/904; 903.27

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-95-105

Новые петроглифы правобережья реки Бага-Ойгур на северо-западе Монголии

Вячеслав Иванович Молодин¹, Дмитрий Владимирович Черемисин²
Натцаг Батболд³, Юлия Николаевна Ненахова⁴ ✉
Лидия Викторовна Зоткина⁵, Бикумар Умирбек⁶

^{1, 2, 4, 5} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³ Институт археологии Академии наук Монголии
Улан-Батор, Монголия

⁶ Институт философии (Баян-Ульгийский филиал)
Академии наук Монголии
Баян-Ульгий, Монголия

¹ molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² topsya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1184-4044>

³ batboldnt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8081-7613>

⁴ nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

⁵ lidiazotkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

⁶ argun_kz@yahoo.com

Аннотация

Историческое прошлое Монгольского Алтая представлено археологическими памятниками широкого хронологического спектра. Регион особо богат памятниками наскального искусства. В 2023 г. (в продолжение работ сезона 2019 г.) российско-монгольской экспедицией было продолжено изучение петроглифических комплексов на северо-западе Монголии. На правом берегу р. Бага-Ойгур разведочными маршрутами были открыты 7 новых местонахождений петроглифов, проведена фото- и графическая фиксация разновременных композиций. В том числе исследован пункт с серией древнейших петроглифов, выполненных в «калгутинском» стиле. Десятки изображений соотносятся с эпохой бронзы, выявлены образы и сюжеты периодов раннего железа и Средневековья. Наряду с пунктами, в которых петроглифы сконцентрированы и строго локализованы, отмечено широкое распространение петроглифов на валунах, лежащих на береговых террасах, а также на скальных выходах и на вершинах горного обрамления реки.

Ключевые слова

северо-запад Монголии, река Бага-Ойгур, российско-монгольская экспедиция, петроглифы, «калгутинский» стиль, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье

Благодарности

Исследование проведено при поддержке НИР «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

Для цитирования

Молодин В. И., Черемисин Д. В., Батболд Н., Ненахова Ю. Н., Зоткина Л. В., Умирбек Б. Новые петроглифы правобережья реки Бага-Ойгур на северо-западе Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 95–105. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-95-105

© Молодин В. И., Черемисин Д. В., Батболд Н.,
Ненахова Ю. Н., Зоткина Л. В., Умирбек Б., 2024

New Petroglyphs of the Baga-Oygur River (Right Bank) in Northwestern Mongolia

Vyacheslav I. Molodin¹, Dmitry V. Cheremisin², Natsag Batbold³
Yuliya N. Nenakhova⁴✉, Lydia V. Zotkina⁵, Bikhumar Umirbyek⁶

^{1,2,4,5} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ Institute of Archaeology
of the Academy of Sciences of Mongolia
Ulaanbaatar, Mongolia

⁶ Institute of Philosophy Bayan-Ulgyi Branch
of the Academy of Sciences of Mongolia
Bayan-Ulgyi, Mongolia

¹ molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² topsya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1184-4044>

³ batboldnt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8081-7613>

⁴ nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

⁵ lidiazotkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

⁶ argun_kz@yahoo.com

Abstract

Purpose. The prehistory of the Mongolian Altai is represented by chronologically various archaeological sites, especially the rock art ones. In 2023 (as part of 2019 season), the Russian-Mongolian expedition continued to study the rock art complexes in northwestern Mongolia.

Results. On the right bank of Baga-Oygur River, 7 new petroglyphs locations were discovered; the photo and graphic documenting of multi-temporal compositions was performed. In particular, the earliest petroglyphs of the “Kalguty” style were studied.

Conclusion. Dozens of images refer to the Bronze Age; images and scenes of the Early Iron and Medieval periods are also discovered. Along with the points where petroglyphs are concentrated and strictly localized, a wide distribution of petroglyphs was noted on boulders lying on coastal terraces, as well as on rocky outcrops and on the peaks of the mountain frame of the river.

Keywords

Northwest Mongolia, Baga-Oygur River, Russian-Mongolian expedition, petroglyphs, “Kalguty” style, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

Acknowledgements

The study was supported the Project “Comprehensive Studies of the Ancient Cultures of Siberia and Adjacent Territories: Chronology, Technologies, Adaptation, and Cultural Ties” (FWZG-2022-0006)

For citation

Molodin V. I., Cheremisin D. V., Batbold N., Nenakhova Yu. N., Zotkina L. V., Umirbyek B. New Petroglyphs of the Baga-Oygur River (Right Bank) in Northwestern Mongolia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 95–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-95-105

Введение

В полевом сезоне 2023 г. в рамках российско-монгольского сотрудничества были продолжены исследования на северо-западе Монголии, направленные на изучение наскальных изображений в этом регионе, вплотную прилегающем к территории Российского Алтая. Одной из задач, которую ставил перед собой отряд, было проведение разведочных работ по правому берегу р. Бага-Ойгур. Начало целенаправленного обследования скальных плоскостей этого борта реки было положено нами в полевом сезоне 2019 г. [Молодин и др., 2019а]. Тогда было открыто и обследовано четыре довольно крупных сосредоточения наскальных изображений, среди которых следует отметить совершенно незаурядные комплексы, материалы которых частично введены в научный оборот. В качестве примера можно привести святилище чемурчекской культуры на памятнике Бага-Ойгур-4 (правый берег) [Молодин и др., 2019а].

Исследование

Река Бага-Ойгур берет начало в восточных отрогах Сайлюгемского хребта на территории МНР и течет с запада на восток, впадая в р. Бага-Захын Ойгор гол. Река имеет сильно разработанное русло с широкой поймой, которая формировалась в период плейстоцена и местами имеет хорошо выраженные уступы террас.

Мы продолжили поиск, ведя осмотр скальных выходов на краю надпойменной террасы правого берега реки, валунов на береговых террасах, а также вершин гор и урочищ между ними, так как разреженные скопления петроглифов и отдельные изображения встречаются здесь практически повсеместно, на всех уровнях от подножия и до вершин горного обрамления долины. Для фото- и графической фиксации на этих пространствах выбирались наиболее выразительные петроглифические композиции и оригинальные изображения, определялись их координаты.

При детальном осмотре нам удалось выявить несколько местонахождений, где петроглифы оказались в значительной степени сконцентрированы, что позволяло определять такие сосредоточения как особые пункты, маркируя их специальными номерами, сопровождая координатами и высотными отметками. По причине ограниченности во времени для фотофиксации и графической съемки избирались наиболее выразительные изображения поверхности, которые и представлены в настоящей работе. Выявленные пункты позиционированы на общей карте, составление которой было начато в 2019 г. [Там же, с. 492, рис. 2] (рис. 1).

Полевая практика исследований скальных плоскостей предполагает мониторинг и повторное обследование известных объектов. В разведочный маршрут был включен осмотр памятников Бага-Ойгур-1–4 (правый берег). Серия найденных в 2019 г. композиций дополнилась новыми прекрасными образцами древних сюжетов повседневной жизни человека – животные, антропоморфы, колесницы и пр. (рис. 2, 1–7).

Первым памятником, обследованным в 2023 г. на правом берегу реки, является местонахождение, получившее наименование Бага-Ойгур-5 (правый берег)¹ [Молодин и др., 2024, с. 53].

Его координаты 49°18'45,2" с. ш., 088°27'41,4" в. д., расположен на высоте 2 345 м над уровнем моря. Этот пункт, локализованный с обеих сторон мощными промоинами, представляет собой скальный выход с плоской вершиной и наклонными плоскостями, опускающимися до подножия скал. У подножия скальных выходов обнаружен ряд отшлифованных до зеркального блеска плоскостей темно-коричневого сланца.

Распространение этого массива сверху вниз составляет около 17 м, а вдоль линии берега – примерно 18,5 м. С обеих сторон массив обрамлен скальными выходами, однако со значительно худшими для нанесения петроглифов плоскостями. На горизонтальных поверхностях сосредоточена группа композиций с изображениями колесниц эпохи бронзы. Практически всю остальную площадь скального «языка» занимают одиночные изображения животных (фигуры лошадей, быков, оленей, горных баранов), выполненные в особой художественной манере, именуемой нами «калгутинским» стилем (см. [Молодин и др., 2019б]). Этот стиль свойственен наиболее раннему пласту наскальных изображений, известных на территории юга Российского и примыкающей части Монгольского Алтая.

По своей информативности и представительности данный памятник, очевидно, являвшийся в древности святилищем, на сегодняшний день, несомненно, наиболее содержательный и представительный объект конца верхнепалеолитической эпохи. Следует особо подчеркнуть, что здесь, на одной из плит, мы имеем факт перекрытия более раннего, «калгутинско-

¹ Изображения на плоскостях были впервые обнаружены Ц. Турбатом в 2004 г. Объект в соответствии с принятой нумерацией российско-монгольско-американской экспедицией (руководители работ В. Д. Кубарев, Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон), получил наименование Бага-Ойгур VI [Турбат et al., 2023, р. 33, зураг 4]. В данной работе используется название Бага-Ойгур-5 (правый берег), в соответствии с нумерацией, принятой нашей совместной экспедицией 2019 г. [Молодин и др., 2019а]. Подробнее история работ на местонахождении описана в специализированной публикации (см. [Молодин и др., 2024, с. 53]).

го» изображения лошади композицией эпохи бронзы. Это еще одно подтверждение стратиграфической позиции изображений, выполненных в «калгутинском» стиле, уже отмеченное нами ранее на одном из памятников Монгольского Алтая (см. [Молодин и др., 2020]). В нижней части святилища, у самого подножия скал, обнаружено несколько изображений, относящихся к периоду позднего Средневековья.

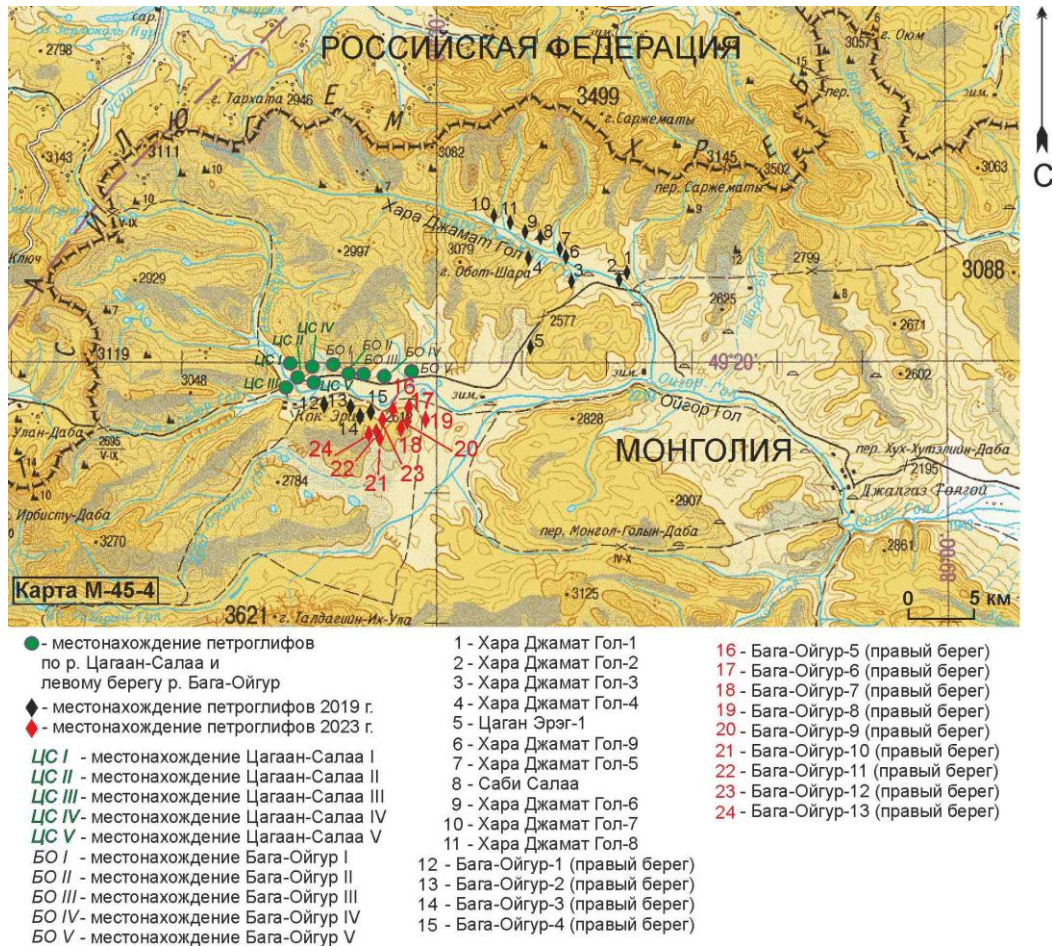

Рис. 1. Пункты местонахождений петроглифов, разведанные на северо-западе Монголии в 2019 и 2023 гг. (выкопировка из крупномасштабной карты)

Fig. 1. Petroglyph's locations explored in the north-west of Mongolia in 2019 and 2023 (large-scale map copy)

К древнейшим изображениям, вероятно, принадлежит также изображение марала, выполненное в классической «калгутинской» манере в непосредственной близости от святилища, к востоку, а также цепочка из четырех «калгутинских» изображений, как бы «оконтуривающих» площадку святилища. Отметим, что это местонахождение петроглифов было исследовано полностью и заслуживает монографического описания.

Следующий пункт наскальных изображений расположен в километре на восток от охарактеризованного выше объекта. Петроглифы нанесены на пологих, почти горизонтальных скальных плоскостях. Памятник получил наименование Бага Ойгур-6 (правый берег), координаты $49^{\circ}18'75,9''$ с. ш., $088^{\circ}27'83,2''$ в. д., расположен на высоте 2 347 м над уровнем моря. Ориентиром являются несколько современных казахских захоронений на краю надпойменной террасы рядом с петроглифами.

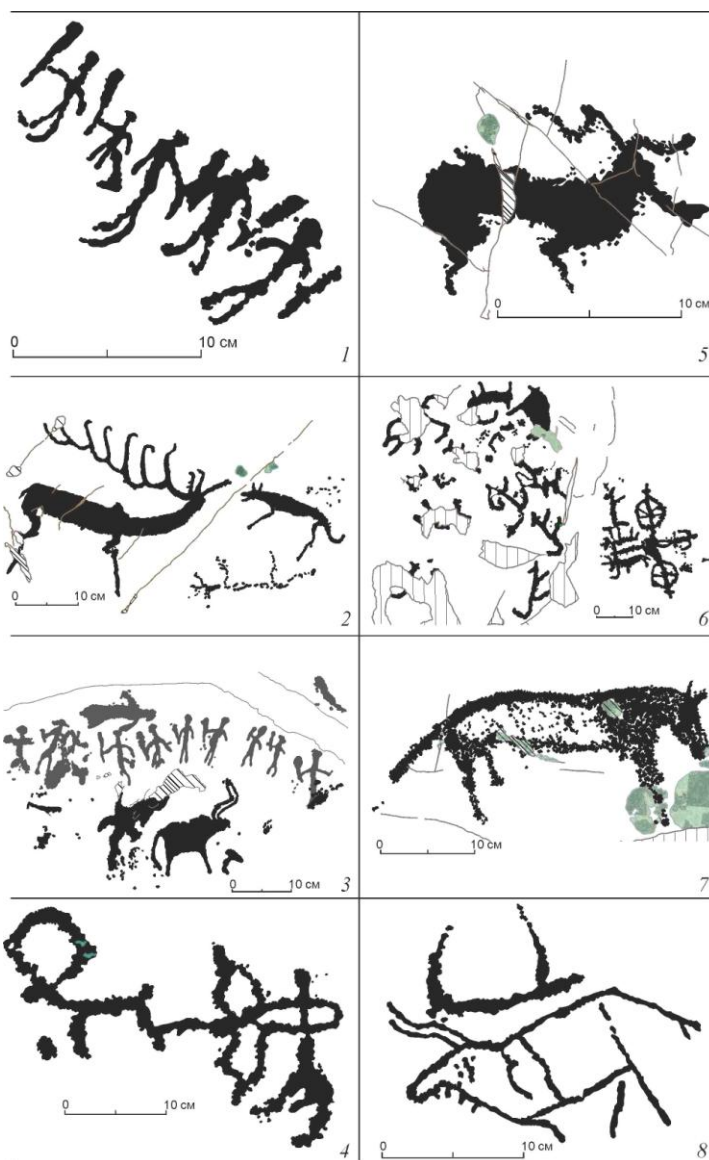

Рис. 2. Прорисовки композиций местонахождений по правому берегу р. Бага-Ойгур:
 1–3 – пункт Бага-Ойгур-2 (правый берег); 4–7 – пункт Бага-Ойгур-3 (правый берег);
 8 – пункт Бага-Ойгур-7 (правый берег)

Fig. 2. Drawings of rock art compositions along the right bank of the Baga-Oygur River:
 1–3 – Baga-Oygur-2 (right bank); 4–7 – Baga-Oygur-3 (right bank); 8 – Baga-Oygur-7 (right bank)

Выявленный памятник состоит преимущественно из изображений эпохи бронзы, представляющих сцены охоты лучников в «грибовидных» головных уборах со своеобразными шипастыми палицами на поясе. Картину дополняет изображение колесницы с возничим и двумя впряженными в нее лошадьми. Изображения выполнены в характерной для эпохи бронзы манере, тщательной неглубокой выбивкой в сочетании с гравировкой, и имеет значительный круг аналогий, в том числе на ближайших местонахождениях Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (см. например: [Кубарев и др., 2005, с. 597, рис. 107, 4, 5, 7]). Кроме того, было отмечено два изображения марала и горного козла, существенно отличающихся по величине, технике исполнения и стилистическим особенностям, позволяющим связывать данные изображения с петроглифами, выполненными в «калгутинском» стиле.

Памятник дополняет ряд отдельных фигур животных, преимущественно горных козлов, относящихся к эпохе железа и Средневековья. Наличие оригинальных изображений, а также достаточно четкая локализация объекта позволили нам подготовить посвященное ему исследование [Молодин и др., 2023а].

Памятник Бага-Ойгур-7 (правый берег) расположен в верхней части склона горы и на ее вершине (координаты 49°18'447" с. ш., 088°27'636" в. д., находится на высоте 2 429 м над уровнем моря). Петроглифы – отдельные фигуры и группы изображений, в основном представляющие традиционные сюжеты с участием зооморфных (рис. 2, 8) и антропоморфных персонажей, – нанесены на поверхности отдельных сланцевых валунов. Наибольший интерес представляет многофигурная композиция, выполненная на горизонтальной поверхности крупного валуна, лежащего в распадке, отграничивающем этот локус от следующего скального выхода. На плоскости, обращенной к небу, воспроизведены вооруженные копьями, луками со стрелами и палицами воины, показанные стоящими в ряд с копьями в руках, целящиеся друг в друга из луков. Представлены люди в «грибовидных» головных уборах, очевидно, изображающих воинский шлем (рис. 3, 1). Столь полно развернутый сюжет, посвященный войне, ставшей частью повседневной жизни скотоводов бронзового века, несомненно, требует отдельного подробного исследования. Перед зрителем разворачивается целая баталия.

Рис. 3. Изображения из пунктов по правому берегу р. Бага-Ойгур:
1 – пункт Бага-Ойгур-7 (правый берег); 2 – пункт Бага-Ойгур-10 (правый берег)

Fig. 3. Photos of rock art images on the right bank of the Baga-Oygur River:
1 – Baga-Oygur-7 (right bank); 2 – Baga-Oygur-10 (right bank)

Продолжение осмотра местности по правому берегу реки, далее на восток, позволило выделить следующий объект, обозначенный нами как Багар-Ойгур-8 (правый берег). Его координаты 49°18'28,3" с. ш., 088°29'18,9" в. д., расположен на высоте 2 360 м над уровнем моря. Разреженные изображения зафиксированы на довольно высоком останце, обособленном от основного скального массива правобережья. Его вершина усеяна валунами из сланцев и гранитоидов, разбросанных на довольно большом расстоянии друг от друга. На нескольких десятках таких валунов отмечены отдельные изображения преимущественно горных козлов и оленей. На одном валуне встречена многофигурная композиция с изображениями оленей, горных козлов и антропоморфных персонажей. Все рисунки выполнены крупнофасеточной выбивкой и слабо патинированы. Датировка памятника, скорее всего, укладывается в пределах эпохи раннего железа – Средневековья.

Памятник Бага-Ойгур-9 (правый берег) представляет собой небольшое скопление наскальных изображений, расположенное на вершине горного массива, прямо над местонахождением Бага-Ойгур-6 (правый берег). Координаты памятника 49°18'40,1" с. ш., 088°27'51,3" в. д., нахо-

дится на высоте 2 412 м над уровнем моря. Изображения нанесены на заполированных до блеска темно-коричневых горизонтальных плоскостях, площадка с изображениями четко локализована. С места расположения памятника открывается прекрасный вид на долину реки Бага-Ойгур и на ее противоположный, левый берег. В основном представлены отдельные фигуры, композиции единичны, точнее, это даже не композиции, а скопления нанесенных в разное время изображений – фигуры горных козлов, быков, антропоморфов, а также несколько охотничьих сцен. Особенно интересна группа изображений, демонстрирующая охоту, где лучник охотится на трех оленей с ветвистыми рогами. Бегущее последним животное поражено стрелой в грудь. Вероятно отнесение композиции к эпохе бронзы. Об этом свидетельствуют и характерные стилистические особенности и техника исполнения мелкой, плотно поставленной выбивкой. Остальные изображения, отмеченные на памятнике, подновлены и имеют более светлую патину, чем охарактеризованная выше композиция.

Между выявленными объектами Багар-Ойгур-4 (правый берег) и Бага-Ойгур-5 (правый берег) на склоне горного массива обнаружено значительное скопление наскальных изображений, что позволило выделять его как особый памятник, получивший индексацию Багар-Ойгур-10 (правый берег). Скальные выходы, на которых зафиксировано скопление петроглифов, расположены на довольно большой высоте от подножия скального обрамления реки. Прекрасным ориентиром является расположенный у подножия скал зимник, рядом с которым на скалах нанесен автограф, оставленный в 1960 г. Координаты памятника 49°18'30,4" с. ш., 088°25'55,7" в. д., находится на высоте 2 388 м над уровнем моря. На многочисленных разрозненных валунах и скальных выходах выявлены десятки отдельных изображений и композиций. Изображены горные козлы, олени, быки, лошади, показанные по одному и группами, отмечена композиция с колесницами (рис. 4, 1–3).

Наиболее оригинальное изображение – человеческая фигура (рис. 3, 2), не имеющая аналогий среди известных антропоморфных персонажей в петроглифах Монгольского Алтая. Изображен мужчина с подчеркнутым фаллосом, анфас, с широко расставленными ногами, выраженными ступнями, его руки подняты вверх и увенчаны круглыми массивными кулаками, соединенными перемычкой. Выбивка глубокая и ровная, патинизация слабая. Говорить о датировке изображения пока не приходится, хотя персонажи с утолщениями на кистях рук, подобных данным, известны и, видимо, входят в круг антропоморфов бронзового века. На памятнике имеются также многофигурные композиции, относящиеся преимущественно к железному веку и Средневековью.

Фактически над памятником Бага-Ойгур-10 (правый берег), на вершине обрамляющего реку Бага Ойгур горного массива, обнаружено еще одно сосредоточение петроглифов – Бага Ойгур-11 (правый берег). Координаты местонахождения 49°18'39,9" с. ш., 088°25'50,9" в. д., расположено на высоте 2 451 м над уровнем моря. Наскальные изображения наносились на фрагменты сланцевых плоскостей и окатанные валуны, на которых найдено значительное количество разновременных комплексов, представленных как одиночными петроглифами, так и композициями. Изображения здесь достаточно строго локализованы, что позволяет позиционировать их как отдельный пункт.

Особое внимание обращают на себя изображения быков с поклажей, относящиеся к эпохе бронзы. Как и на других скоплениях петроглифов в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура, здесь зафиксировано несколько фигур стилизованных оленей с клювовидной мордой и заброшенными за спину ветвистыми рогами, относящихся к раннескифской эпохе (см. [Молодин и др., 2023б, рис. 2]). Особо следует отметить большой валун, вся плоскость которого покрыта многочисленными изображениями оленей, фигурами массивных быков, горных козлов, лошадей и других животных. Весьма интересно изображение на найденном неподалеку камне. Часть петроглифов здесь, к сожалению, отслоилась вместе с верхней коркой, но сохранилась фигура, представляющая собой прямоугольник, поделенный на восемь секторов, с каждой стороны к нему примыкает по одной извилистой линии, возможно передающей змеевидный образ (рис. 4, 4). Однозначная датировка этих фигур в значительной степени затруднена.

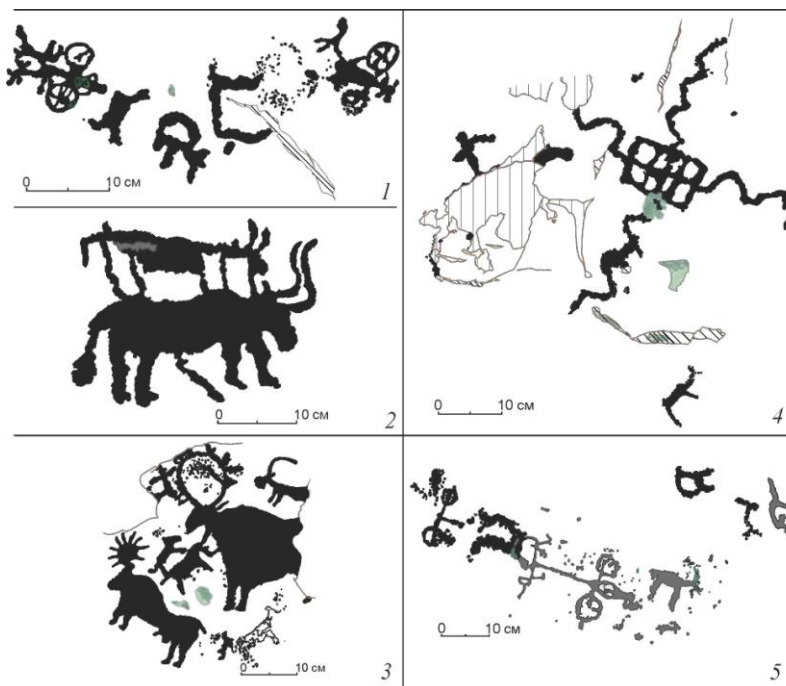

Рис. 4. Прорисовки композиций местонахождений по правому берегу р. Бага-Ойгур: 1–3 – пункт Бага-Ойгур-10 (правый берег); 4 – пункт Бага-Ойгур-11 (правый берег); 5 – пункт Бага-Ойгур-12 (правый берег)

Fig. 4. Drawings of rock art compositions along the right bank of the Baga-Oygur River: 1–3 – Baga-Oygur-10 (right bank); 4 – Baga-Oygur-11 (right bank); 5 – Baga-Oygur-12 (right bank)

Пункт Бага-Ойгур-12 (правый берег) располагается ниже пункта Бага-Ойгур-10 (правый берег), фактически на террасе между склонами, на которых располагаются пункты Бага-Ойгур-4 (правый берег) и Бага-Ойгур-5 (правый берег), данный объект довольно протяженный. Фиксируются разрозненные валуны, на которых рассредоточены единичные петроглифы. Доминируют образы животных. Зафиксировано изображение, на котором представлен сюжет мчащихся на встречу друг другу колесниц (рис. 4, 5).

Последнее местонахождение, открытое в 2023 г. Бага-Ойгур-13 (правый берег), находится на противоположном склоне скального массива, на котором в 2019 г. отмечен пункт Бага-Ойгур-4 (правый берег) с чемурчекскими изображениями. На этом объекте обнаружено большое количество плоскостей со значительным количеством изображений. Цвет петроглифов имеет широкий спектр оттенков коричневой патины.

Заключение

Таковы новые местонахождения петроглифов, открытые и обследованные в результате разведок на правом берегу реки Бага-Ойгур на северо-западе Монголии. Представляется, что в дальнейшем имеет смысл не только продолжить поисковые маршруты в верховьях данной реки, но и организовать системное копирование всех изображений на каждом памятнике с нанесением их на общую карту-схему, полученную при помощи съемки с БПЛА. Опыт подобных исследований был реализован на святилище с петроглифами «калгутинского» стиля в пункте Бага-Ойгур-5 (правый берег), где все изображения были не только скопированы, но и позиционированы на ортофотоплане объекта. Такой подход позволяет более предметно и детально подойти к расшифровке семантики изучаемого объекта, который включает разновременные наскальные изображения правого берега р. Бага-Ойгур.

Очевидно, что далеко не все скопления петроглифов приурочены к особым «сакральным местам» и не все они служили святилищами, ведь в пространствах исследуемого региона

изображения на скалах и отдельных камнях встречены в совершенно разных ландшафтных контекстах. Однако предварительно можно заключить, что некоторые строго локализованные скопления фигур, включающие многофигурные композиции, по всей видимости, для их создателей могли быть такими святилищами. Пока проведены первые разведочные исследования, получены первые результаты. Продолжение работ, несомненно, позволит расширить наши представления о традициях наскального искусства Алтая.

Список литературы

- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск; Улан-Батор; Юджин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Молодин В. И., Батболд Н., Зоткина Л. В., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н.** Святилище с «калгутинскими» изображениями на юго-западе Монголии (предварительные данные) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. Т. 52, № 1. С. 52–63.
- Молодин В. И., Зоткина Л. В., Кретэн К., Черемисин Д. В., Батболд Н., Цэвээндорж Д.** Палимпсест с местонахождения Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай): относительная хронология изображений // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 260. С. 134–150.
- Молодин В. И., Женест Ж.-М., Зоткина Л. В., Черемисин Д. В., Кретэн К.** «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019б. Т. 47, № 3. С. 12–26.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Батболд Н., Ненахова Ю. Н.** В поисках наскальных изображений на северо-западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019а. Т. 25. С. 489–497.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н., Батболд Н.** Хронология наскальных изображений в российско-монгольской части Алтая (от палеолита до Средневековья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023б. Т. 51. № 4. С. 65–77.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н., Батболд Н., Зоткина Л. В.** Оригинальный комплекс петроглифов эпохи бронзы на правом берегу р. Бага-Ойгур в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023а. Т. 29. С. 721–728.
- Төрбат Ц., Батболд Н., Өмирбек Б.** Монгол Алтайд илэрсэн палеолитын үеийн хадны зургийн шинэ дурсгал: Бага Ойгур-VI (Танилцуулга өгүүлэл) // Mongolian J. Of Anthropol., Archaeol. and Ethnol. 2023. Vol. 12, iss. 1 (590). P. 27–35.

Reference

- Kubarev V. D., Tseveendorj D., Jacobson E.** Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai) [Petroglyphes of Tsagan-Salaa and Baga-Oigur (Mongolian Altai)]. Novosibirsk, Ulan-Bator, Yudzhin, IAET SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Batbold N., Zotkina L. V., Cheremisin D. V., Nenakhova Yu. N.** Sanctuary with “Kalguty” Style Images in Southwestern Mongolia (Preliminary Data). *Archaeology, ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2024, vol. 52 (1), pp. 52–63. (in Russ.)
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., Batbold N., Nenakhova Yu. N.** V poiskakh naskal'nykh izobrazhenii na severo-zapade Mongolii [Search of Rock Representations in Northwestern Mongolia]. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2019, vol. 25, pp. 489–497. (in Russ.)
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., Nenakhova Yu. N., Batbold N.** Chronology of Rock Art of the Russian and Mongolian Altai: From the Paleolithic to the Late Middle Ages. *Archaeology, ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2023, vol. 51 (4), pp. 65–77. (in Russ.)
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., Nenakhova Yu. N., Batbold N., Zotkina L. V.** Original'nyi kompleks petroglifov epokhi bronzy na pravom beregu r. Baga-Oigur v Mongol'skom Altae

[Original Complex of Bronze Age Petroglyphs on the Right Bank of the Baga-Oygur River in the Mongolian Altai]. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2023, vol. 29, pp. 721–728. (in Russ.)

Molodin V. I., Geneste J.-M., Zotkina L. V., Cheremisin D. V., Cretin C. The “Kalgutinsky” Style in the Rock Art of Central Asia. *Archaeology, ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47 (3), pp. 12–26. (in Russ.)

Molodin V. I., Zotkina L. V., Kreten K., Cheremisin D. V., Batbold N., Tseveendorj D. Palimpsest s mestonakhozhdeniya Tsagaan-Salaa IV (Mongol'skii Altai): odnositel'naya khronologiya izobrazhenii [The palimpsest From Tsagaan Salaa sector IV (Mongolian Altai): relative chronology of images]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2020, vol. 260, pp. 134–150. (in Russ.)

Төрбат Ц., Батболд Н., Өмирбек Б. Монгол Алтайд илэрсэн палеолитын үеийн хадны зургийн шинэ дурсгал: Бага Ойгор-VI (Танилцуулга өгүүлэл). *Mongolian J. Of Anthropol., Archaeol. and Ethnol.*, 2023, vol. 12, iss. 1 (590), pp. 27–35. (in Mong.)

Информация об авторах

Вячеслав Иванович Молодин, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 6506558021
WoS Researcher ID Q-3253-2016
RSCI Author ID 71340
SPIN 9764-0369

Дмитрий Владимирович Черемисин, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 23484197000
WoS Researcher ID S-5626-2016
RSCI Author ID 76992
SPIN 8156-4612

Натцаг Батболд, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 36117778100

Юлия Николаевна Ненахова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57222423496
WoS Researcher ID HRC-1405-2023
RSCI Author ID 668539
SPIN 4625-8286

Лидия Викторовна Зоткина, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 56416431400
WoS Researcher ID M-9763-2016
RSCI Author ID 619768
SPIN 4961-3635

Бикумар Умирбек, кандидат исторических наук

Information about the Authors

Vyacheslav I. Molodin, Academician of RAS, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 6506558021
WoS Researcher ID Q-3253-2016
RSCI Author ID 71340
SPIN 9764-0369

Dmitry V. Cheremisin, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 23484197000

WoS Researcher ID S-5626-2016

RSCI Author ID 76992

SPIN 8156-4612

Natsag Batbold, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 36117778100

Yuliya N. Nenakhova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57222423496

WoS Researcher ID HRC-1405-2023

RSCI Author ID 668539

SPIN 4625-8286

Lydia V. Zotkina, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 56416431400

WoS Researcher ID M-9763-2016

RSCI Author ID 619768

SPIN 4961-3635

Bikhumar Umirbyek, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 18.01.2024;
одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 18.01.2024;
approved after reviewing on 31.01.2024; accepted for publication on 10.02.2024*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-106-116

Памятники ирменской культуры в Томском Приобье

Богдана Станиславовна Попова

Томский государственный университет

Томск, Россия

bogdana.borilo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8164-0191>

Аннотация

Целью данной работы является характеристика памятников ирменской культуры, расположенных на территории Томского Приобья. Во введении представлено описание территориальных границ рассматриваемого ареала. После краткого историографического экскурса в проблему слабой изученности самой северной территории обитания носителей ирменской культуры приведено описание каждого из 18 памятников, имеющих ирменский культурный слой или показательный подъемный материал. Кроме того, в статье с историографической точки зрения рассматривается проблема выделения томского локального варианта ирменской культуры. Ставятся вопросы о наличии культурного своеобразия у материалов из памятников рассматриваемого региона, а также о степени и возможных причинах этого отличия не только в сравнении с материалами эпохи поздней бронзы сопредельных территорий, но даже и внутри рассматриваемого региона – Томского Приобья.

Ключевые слова

Томское Приобье, эпоха поздней бронзы, ирменская культура, томский локальный вариант

Для цитирования

Попова Б. С. Памятники ирменской культуры в Томском Приобье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 106–116. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-106-116

Archaeological Sites of the Irmen Culture in the Tomsk Ob Region

Bogdana S. Popova

Tomsk State University

Tomsk, Russian Federation

bogdana.borilo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8164-0191>

Abstract

The purpose of this work is to characterize archaeological sites of the Irmen culture located on the territory of the Tomsk Ob region. The introduction provides a description of the territorial boundaries of the area under consideration. The article begins with a brief historiographical excursion into the problem of insufficient knowledge of the northernmost territory inhabited by the bearers of the Irmen culture. The next part provides a description of each of the 18 sites that have the Irmen cultural layer or indicative lifting material. In addition, the article, from a historiographical point of view, touches on the problem of identifying the Tomsk local variant of the Irmen culture. The author questions the cultural originality of the materials from the sites of the region under consideration. The extent and possible reasons for this uniqueness are also discussed, not only in comparison with materials from the Late Bronze Age of adjacent territories, but also within the Tomsk Ob region.

Keywords

Tomsk Ob region, Late Bronze Age, Irmen culture, Tomsk local variant

For citation

Popova B. S. Archaeological Sites of Irmen Culture in the Tomsk Ob Region. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 106–116. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-106-116

© Попова Б. С., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 106–116

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 106–116

Введение

Согласно нынешним представлениям, ирменская культура существовала в период поздней бронзы на лесостепной территории Западной Сибири. Этот географический ареал включает в себя такие территории, как Верхнее Приобье (от слияния рек Бии и Катунь до устья р. Томи), Прииртышье, Барабинская лесостепь, Обь-Чулымское междуречье [Матвеев, 1993, с. 3].

Цель данной статьи – обзорная характеристика памятников ирменской культуры, расположенных в Томском Приобье.

По географическому принципу бассейн р. Оби делится на три района: Верхнее Приобье – от слияния Бии и Катунь до устья Томи; Среднее – от устья Томи до устья Иртыша; Нижнее – от устья Иртыша до впадения в Обскую губу. В научной археологической литературе принято делить Верхнее Приобье на более мелкие локации: Барнаульско-Бийское, Новосибирское, Томское. Последнее, Томское, является самым северным ареалом обитания носителей ирменской культуры.

Среди археологов существуют разные взгляды на территориальные рамки Томского Приобья. Автор статьи придерживается мнения В. И. Матющенко, Л. М. Плетневой, О. Б. Беликовой, Д. Ю. Рыбакова, которые устанавливают границы Томского Приобья на участке бассейна Оби от устья Томи на севере до границ Новосибирской области по Оби (по устью р. Уени) и Кемеровской области по Томи (по р. Шумихе) на юге. В широтном направлении – это междуречье Томи и Оби, часть левобережья Оби и правобережья Томи [Матющенко, 2004, с. 10; Плетнева, 1977, с. 3; Плетнева, Беликова, 1983, с. 3; Рыбаков, 2015, с. 5]. Границы подобного деления территории крайне условны и на юге совпадают с современными административными границами областей.

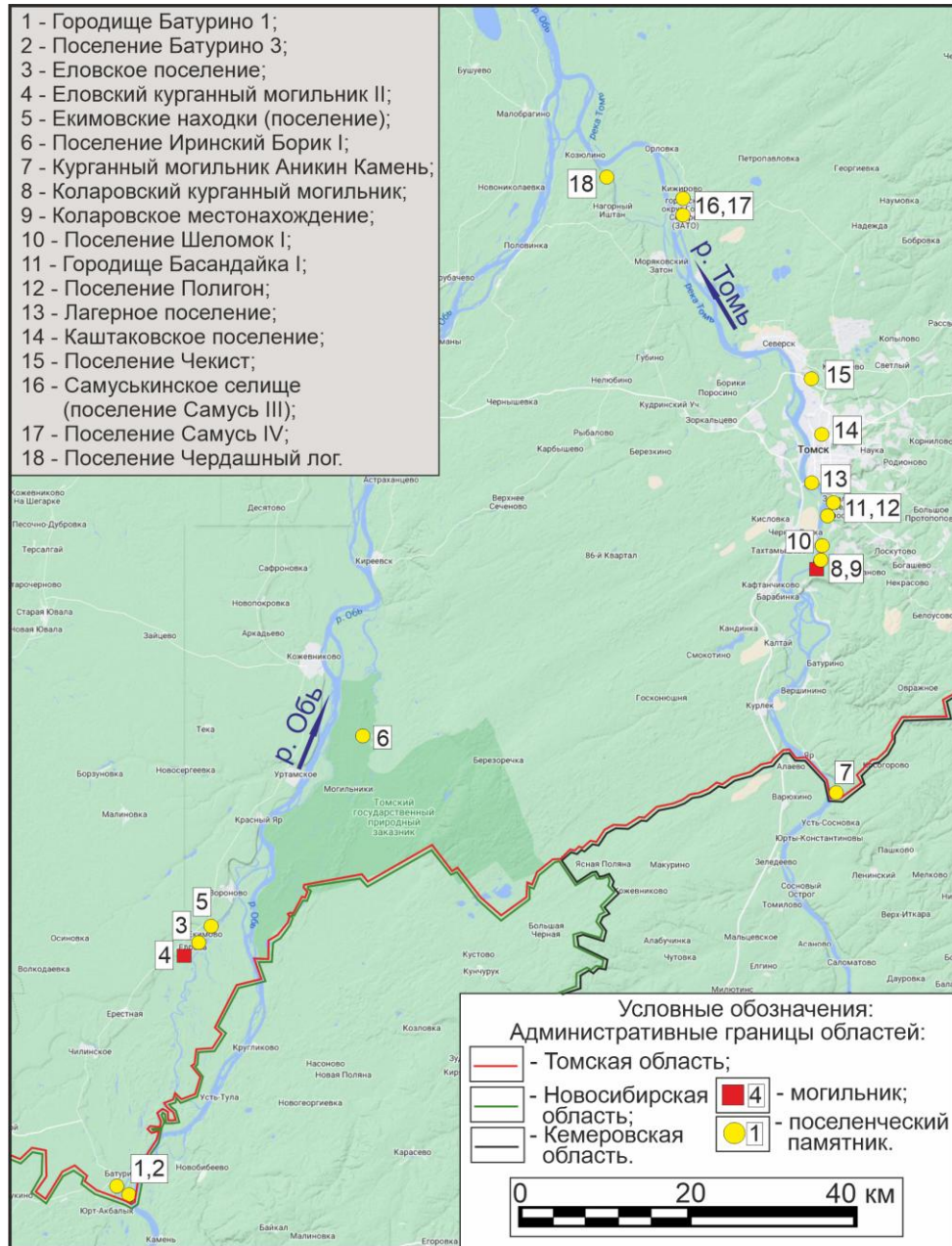
В Томском Приобье известно 18 памятников, имеющих культурный слой ирменского времени или давших показательный подъемный материал. Но исторически сложилось, что на сопредельных территориях, в Кемеровской и Новосибирской областях, памятники ирменской культуры были и остаются в центре внимания археологов, занимающихся изучением эпохи поздней бронзы. В Кузнецкой котловине такие памятники исследовали А. И. Мартынов, В. В. Бобров, Д. Г. Савинов, В. А. Зах, Ю. В. Ширин и др., в Новосибирской области – Т. Н. Троицкая, В. И. Молодин, Е. А. Сидоров, А. В. Матвеев и др. Относительно же территории Томского Приобья С. А. Ковалевский справедливо отметил, что с начала 1970-х гг. масштабы изучения памятников этого периода здесь значительно сократились [2016, с. 12–13]. Действительно, несмотря на раскопки Еловского археологического комплекса, проведенные В. И. Матющенко в 1960–1980-х гг., ирменские памятники на территории Томского Приобья очень слабо изучены. Особенно это касается поселенческих комплексов, которых в количественном отношении намного больше, чем погребальных. Таким образом, на данный момент имеется ощутимая диспропорция в степени изученности материалов ирменской культуры Томского Приобья и сопредельных обширных регионов.

Результаты

Перейдем к краткой характеристике памятников ирменской культуры Томского Приобья. Так как на рассматриваемой территории протекают две крупные водные артерии: Обь и ее правый приток Томь, а в их междуречье на сегодняшний день не имеется известных ирменских памятников, то стоит разделить памятники на две подгруппы: расположенные по берегам Оби и по берегам Томи. И там, и там имеются как погребальные, так и поселенческие памятники.

По берегам Оби находятся следующие памятники.

1. *Городище Батурино 1* (см. рисунок, 1). Расположено на самом юге Томской области, на правом берегу р. Уень (левый приток Оби), недалеко от ее устья. Открыто в 1962 г. А. П. Зиновьевым и В. А. Дремовым. Раскопано 120 кв. м Т. Н. Троицкой и А. В. Матвеевым [Матвеев, 1993, с. 22, 76–79].

Памятники ирменской археологической культуры в Томском Приобье
 The sites of the Irmen archaeological culture in the Tomsk Ob region

2. *Поселение Батурино 3* [Троицкая, 1974, с. 33] (Батуриновское селище [Дульзон, 1956, с. 105]) (см. рисунок, 2). Расположено на левом берегу Оби, чуть выше впадения в нее Уени, на самом юге Томской области, недалеко от с. Батурино, в направлении к юго-востоку вверх по течению Оби, рядом с будкой бакенщика, на возвышенности. Здесь обнаружены обломки керамики карасукского типа и костяной наконечник стрелы, трехгранный в сечении. У обрыва берега находили медные и бронзовые поделки и кремневые сколы [Там же]. В 1964 г. Т. Н. Троицкая собрала подъемный материал – обломки неолитических и карасукских сосудов. Т. Н. Троицкая включает городище Батурино 1 и поселение Батурино 3, которые нахо-

дятся на территории Томской области, по обе стороны устья Уени, в границы Новосибирского Приобья [Троицкая, 1974, с. 33].

3. *Еловское поселение* (см. рисунок, 3). Расположено на левом берегу обской протоки Симан, недалеко от дер. Еловка Кожевниковского района Томской области. Открыто в 1959 г. В. И. Матющенко. Исследовалось им же в 1960–1961 и 1982 гг. Материалы опубликованы во многих источниках и использовались большим количеством исследователей [Матющенко, 2001, с. 3–4].

4. *Еловский курганный могильник II* (ирменская часть) (см. рисунок, 4). Находится на левом берегу обской протоки Симан, недалеко от дер. Еловка Кожевниковского района Томской области. Его исследовал В. И. Матющенко в 1960–1970-е гг. Он раскопал 49 курганов, содержащих ирменские захоронения. Материалы многократно опубликованы, но тем не менее никогда не привлекались к решению вопроса о наличии культурных особенностей ирменской культуры на территории Томского Приобья.

5. *Екимовские находки* (Екимовское поселение) (см. рисунок, 5). На левом надпойменном берегу обской протоки Симан, у с. Екимово, в 1967 г. В. А. Посредниковым собрана еловская, ирменская и средневековая керамика [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 118–119].

6. *Поселение Иринский Борик I* (см. рисунок, 6). Расположено к северо-востоку от дер. Иринский Борик, на правом берегу р. Иры – правого притока р. Тагана (правый приток Оби), на двух песчаных гривах. Открыто В. И. Матющенко в 1959 г. Исследовано в 1962 г. Раскопано 100 кв. м. Найдены материалы неолита, эпохи бронзы и поздней бронзы, раннего железного века [Там же].

Таким образом, по обоим берегам Оби в обозначенных территориальных рамках Томского Приобья расположено пять поселенческих памятников ирменской культуры и один могильник.

По берегам Томи находятся следующие памятники.

7. *Курганный могильник Аникин камень* (см. рисунок, 7). Находится на высоком правом берегу Томи, на границе Томской и Кемеровской областей. Памятник известен с середины XX в. В 1994, 1996 гг. А. Д. Гаман¹ провел раскопки и курганы № 20, 22, 23 датировал эпохой поздней бронзы. Но из описаний погребений, приведенных в его отчете, не совсем ясно, действительно ли данные объекты являются погребениями ирменской культуры или же фрагменты ирменской керамики попали в насыпи курганов из поселенческого, переотложенного во время сооружения курганных насыпей культурного слоя. Сами могилы сильно разграблены, отсутствуют характерные для ирменских могильников особенности. В. И. Матющенко пишет о поселении Аникин камень, с которого происходят фрагменты сосуда с прямой шейкой, украшенной резной сеткой [1974, с. 7–8]. Но дело в том, что эти находки обнаружены им в шурфе, разбитом на территории северного мыса рассматриваемого курганного могильника². Поэтому автор статьи предварительно относит эти материалы к поселенческому культурному слою. Тем не менее вопрос типологической принадлежности этого памятника на данный момент является открытым.

8. *Коларовский курганный могильник* (см. рисунок, 8). Расположен на правом берегу Томи, в 2 км к северу от с. Коларово Томского района Томской области. Могильник является позднесредневековым (XVI–XVII вв.). В 1978 г. в курганах № 2 (погребение 2) и 5 (отдельный череп) Л. М. Плетнева обнаружила два погребения, которые она датировала ирменским временем. Они были сильно потревожены при возведении средневековых курганов³. По этой

¹ Гаман А. Д. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Аникин Камень – I в Томском районе Томской области в 1996 году. Северск, 2000 // Архив «Музей города Северска». Б/н. 146 с.

² Матющенко В. И. Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева летом 1954 года. Томск, 1954 // Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета. № 154. С. 32–33.

³ Плетнева Л. М. Отчет о полевых исследованиях Томского отряда Археологической экспедиции Томского университета летом 1978 г. Томск, 1979 // Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета. № 777. С. 24.

причине материалы ирменских погребений Коларовского могильника не столь информативны в части реконструкции погребального обряда, как материалы Еловского II могильника. Кроме того, в пределах Томского Приобья на берегу Томи не известны иные ирменские могильники, по материалам которых можно было бы восстановить особенности погребального обряда.

9. *Коларовское местонахождение* (Поселенческий слой Коларовского курганного могильника) (см. рисунок, 9). Расположен на правом берегу Томи, в 2 км к северу от с. Коларово Томского района Томской области. В 1978 г. при раскопках позднесредневекового Коларовского курганного могильника (XVI–XVII вв.) в курганных насыпях было найдено большое количество ирменской керамики, кремневых сколов, обломков сланца. Л. М. Плетнева заключила, что здесь, кроме разновременных могильников, находилось также ирменское поселение⁴.

10. *Поселение Шеломок I* (см. рисунок, 10). Представляет собой культурный слой позднего бронзового века под позднесредневековым городищем Шеломок I. Расположено на останце правобережной террасы Томи. Памятник известен еще с 1880-х гг. Здесь проводили исследования И. М. Мягков (1928), Н. А. Чернышев (1938), Г. В. Трухин (1946, 1959), М. Ф. Косарев (1969), Л. М. Плетнева (1975–1976). Находки, относящиеся к ирменскому периоду, известны еще с самых ранних поступлений, за время дальнейших исследований их количество только увеличивалось, на основании чего и был выделен поселенческий слой [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 143–145].

11. *Городище Басандайка I* (см. рисунок, 11). Расположено на правом берегу Томи, у устья р. Басандайки, на мысу коренного берега. Здесь выявлены четыре разновременных культурных слоя, среди которых есть и слой, относящийся к периоду поздней бронзы. Ирменская керамика залегала в нижних слоях культурного слоя. Кроме того, такая же керамика найдена и в насыпях курганов Басандайского курганного могильника, находящегося значительно севернее городища [Гриневич, 1947, с. 146]. Памятник известен с конца XIX в. Обследования и сборы на памятнике производили М. П. Грязнов и Д. П. Славнин (1924, 1956), Н. А. Чернышев (1938–1939), А. П. Дульзон (1949), К. В. Иванов (1954), Р. А. Ураев (1954). Раскопки в 1944–1946 гг. проходили под руководством К. Э. Гриневича. В 1970 г. памятник исследовала раскопками Л. М. Плетнева [1977, с. 24–26], кроме того, она пересмотрела и уточнила некоторые датировки, данные К. Э. Гриневичем.

12. *Поселение Полигон* (местонахождение Полигон, поселение Потаповы лужки I) (см. рисунок, 12). Расположено на правом берегу Томи, южнее г. Томска. Открыто в 1969 г. В. А. Посредниковым. В 1970 г. Л. М. Плетнева обследовала памятник и выделила в нем два слоя, датируемые периодом поздней бронзы и ранним железным веком. В 2004 г. памятник обследовал С. И. Рудковский, выделивший шесть разновременных керамических комплексов, среди которых имеется и ирменский [Рудковский, 2013, с. 197–199].

13. *Лагерное поселение* (см. рисунок, 13). Расположено на остроугольном мысу правого берега Томи. Здесь, на общей для всех площади, находились четыре памятника: Лагерное поселение, Лагерная курганная группа II, Лагерное городище и Лагерная курганная группа III. Памятники известны с конца XIX в. В период с 1889 по 1956 г. на этой территории работали разные исследователи: проводили как раскопки, так и сборы подъемного материала. Лагерное поселение долгое время не отделялось от перекрывавшего его Лагерного городища, что стало причиной неверной датировки городища А. П. Дульзоном, отнесшим его к карасукскому времени. Расчленение материалов произведено В. И. Матюшенко, выделившим в поселенческом комплексе керамику ирменского типа. Эту позицию разделяет и Н. Л. Членова, включившая в данный комплекс, кроме прочего, бронзовую подпружную пряжку, датируемую VII в. до н. э. Памятник датирован VIII–VII вв. до н. э. [Ожередов, Яков-

⁴ Плетнева Л. М. Отчет о полевых исследованиях... См. также: [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 146–147].

лев, 1993, с. 126–127]. В 2022 г. при проведении разведочных работ Д. Ю. Рыбаковым был обнаружен культурный слой поселения, включающий фрагменты ирменской керамики ⁵.

14. *Каштаковское поселение* (поселение Каштак) (см. рисунок, 14). Было расположено в г. Томске, налево (западнее) от взвоза с ул. Дальне-Ключевской на ул. Игарскую, на высоком тупоугольном мысу, ограниченном с двух сторон оврагами. Здесь же находилось городище Каштак (эпоха железа), возникшее на месте поселения эпохи поздней бронзы. Памятники открыты в конце XIX в. С. К. Кузнецовым и долгое время были известны только как городище. В 1949 г. А. П. Дульзон собрал здесь коллекцию фрагментированной керамики карасукского типа. В начале 1950-х гг. В. И. Матющенко выделил Каштаковское поселение и именно к нему отнес эту керамику [Там же, с. 117–118].

15. *Поселение Чекист* (см. рисунок, 15). Расположено на высоком останце правого берега р. Большая Киргизка, на территории ЗАТО Северск. Известно с середины XX в. по случайным находкам керамики и бронзовых изделий, которые в то время относили к карасукскому типу [Ураев, Косарев, 1963, с. 54–62]. В период с 1990-х по 2008 г. Л. М. Плетневой, Е. А. Васильевым, Д. Ю. Рыбаковым проводились масштабные раскопки данного памятника. В 2021 г. Б. С. Поповой были установлены границы поселения ⁶. Площадь памятника составляет более 25 тыс. кв. м. Находки из поселенческого слоя отнесены к трем культурно-хронологическим комплексам: гребенчато-ямочная, ирменская и молчановская керамика. Но большинство артефактов датированы ирменским периодом. Памятник уникален тем, что при абсолютной невыраженности археологических объектов в рельефе мощность культурного слоя достигает 2,5 м. Кроме того, материалы Чекиста очень яркие: изделия из кости имеют поразительную сохранность, бронзовое литье отличного качества, керамический комплекс представлен большим количеством целых сосудов. Общее количество находок – около 24 тысяч единиц. Большая часть материалов не опубликована. Единственная работа по материалам памятника – это статья Л. Н. Мыльниковой и Е. А. Васильева по керамическому комплексу [2016]. Есть несколько обзорных статей научно-популярного характера.

16. *Самуськинское селище* (Поселение Самусь III) (см. рисунок, 16). Расположено в пос. Самусь на территории ЗАТО Северск. Открыто М. П. Грязновым и А. К. Ивановым в 1924 г. В 1953–1955 гг. поселение исследовал В. И. Матющенко. Также на поселении производили работы Г. В. Трухин, М. Ф. Косарев, Л. М. Плетнева. В 2022 г. А. А. Идимешев провел раскопки на разрушающейся части памятника. Выделяются три керамических комплекса: неолита, бронзы (самусьская и еловская культуры) и поздней бронзы (ирменская культура) [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 97–98].

17. *Поселение Самусь IV* (см. рисунок, 17). Расположено в пос. Самусь на территории ЗАТО Северск. Открыто в 1954 г. В. И. Матющенко. Периодами, с 1954 по 1997 г., здесь проводили работы В. И. Матющенко, Г. И. Гребнева, Л. М. Плетнева, Е. А. Васильев. Материал расчленен на два культурно-хронологических комплекса: XVI–XIII вв. до н. э. и XII–VIII – начало VII в. до н. э. [Там же, с. 95–96].

18. *Поселение Чердашный Лог* (см. рисунок, 18). Находится на левом берегу Иштанской протоки, между дер. Козюлино и Нагорный Иштан, в 13 км к юго-востоку от устья Томи. Открыто в А. Д. Гаманом и И. В. Рудковским в 1997 г. Но первые находки с урочища Чердашный Лог начали поступать с 1920-х гг. (И. М. Мягков). В дальнейшем коллекция подъемного материала пополнялась сборами В. И. Матющенко, Л. М. Плетневой и др. Памятник раскапывался в 1997, 2001, 2003 гг. И. В. Рудковским. Поселение многослойное, содержит материалы по неолиту, эпохе бронзы (самусьской культуре), раннему железному веку и Средне-

⁵ Рыбаков Д. Ю. Научный отчет о проведенной археологической разведке по объекту «Межвузовский кампус Томской области» на территории г. Томска в 2022 году. Том 1 (текстовая часть). Северск, 2023 // Архив ООО «Сибирская археология». № 155. С. 48–51, 54–56.

⁶ Попова Б. С. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории ЗАТО Северск Томской области в 2021 году. Северск, 2022 // Архив ООО «Сибирская археология». № 138.

вековью. Как такового ирменского культурного слоя нет, но керамика и предметы ирменской культуры найдены как свидетельство спорадических посещений⁷.

Таким образом, в Томском Приобье на настоящий момент известно два могильника, которые содержат погребения ирменской культуры: на Оби – Еловский курганный могильник II, на Томи – Коларовский курганный могильник. А вот материалы поселенческих памятников составляют основной массив информации для изучения эпохи поздней бронзы на рассматриваемой территории. Особенно стоит отметить поселение Чекист, так как именно этот памятник из-за слабой потревоженности его культурного слоя и огромного количества находок является опорным для дальнейших исследований особенностей ирменской культуры на территории Томского Приобья.

Добавим, что из-за обширного территориального распространения материалов ирменской культуры исследователи выделяют различные локальные варианты, характеризующиеся набором специфических черт. Подробное рассмотрение дискуссии о локальных вариантах ирменской культуры не входит в задачи данной статьи. Кратко остановимся лишь на историографии одного локального варианта – томского, который, по предположениям археологов, мог существовать на части территории Томского Приобья – в нижнем течении Томи.

О варианте карасукской (позже – ирменской) культуры, вероятно, существовавшем на рассматриваемой территории, впервые упомянул М. П. Грязнов (томский вариант карасукской культуры) [1956, с. 36–37]. Особо выделяли этот ареал также М. Н. Комарова [1952, с. 30, 45–46, 50], А. И. Мартынов [1964, с. 122–123, 132], Р. А. Ураев и М. Ф. Косарев [Ураев, Косарев, 1963, с. 50–62; Косарев, 1964, с. 173, 178; 1981, с. 171–173], В. И. Матющенко⁸, Д. Г. Савинов и В. В. Бобров [1978, с. 61–62], В. И. Молодин [1985, с. 138–139]. Н. Л. Членова [1973, с. 207–209], выделившая ирменскую культуру из состава культур карасукского типа и не обособлявшая томский вариант как локальный.

Необходимо подчеркнуть, что предыдущие исследователи лишь предполагали существование томского локального варианта – в основном по территориальному признаку и в значительно меньшей степени по внешним отличиям керамики. Для решения этой проблемы необходим дальнейший анализ материала ирменских памятников Томского Приобья и сравнение его результатов с материалами позднебронзовой эпохи сопредельных регионов.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что территория Томского Приобья имеет значительное количество памятников, содержащих материалы ирменской культуры. Ряд исследователей считает, что здесь существовал локальный вариант ирменской культуры. Проблема в том, что в рассматриваемом регионе уже более сорока лет не проводились целенаправленные исследования памятников ирменской культуры. Исключением является лишь поселение Чекист, материалы которого не опубликованы должным образом. Можно сказать, что томский локальный вариант выделен, по большей части, на основании регионального признака.

На данный момент вопрос о правомерности выделения томского локального варианта ирменской культуры остается открытым. Основная проблема заключается в вопросе наличия показательных культурных особенностей материалов позднебронзовых памятников Томского Приобья. Если томский вариант действительно можно выделить, то каковы границы его распространения? Ведь в рамках одного географического ареала – Томского Приобья, протекают два разных крупных водотока: с юго-запада течет Обь, с юго-востока – Томь. Так как древние миграции в большинстве своем происходили по речным системам, логично предположить, что материалы памятников ирменской культуры по берегам этих двух рек могут су-

⁷ Рудковский И. В. Полевой Отчет. Аварийно-спасательные работы на поселении Чердашный Лог в Томском районе Томской области в 2003 г. Северск, 2005 // Архив Музея г. Северска. № 35. С. 47.

⁸ Матющенко В. И. Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева летом 1954 года. Томск, 1954 // Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета. № 154. С. 3–6.

щественно отличаться не только с культурной, но и с экономической (особенности ведения хозяйства) точек зрения, потому что, вероятно, на север двигались разные группы ирменцев, принадлежавшие к разным локальным вариантам культуры. Насколько сильно будут совпадать географические границы Томского Приобья, принятые археологами, с границами культурного своеобразия ирменской культуры на этой же территории? На эти вопросы можно будет ответить только после тщательного изучения материалов Томского Приобья и обязательного их сравнения с материалами других локальных вариантов ирменской культуры с сопредельных территорий.

Список литературы

- Гриневиц К. Э.** Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева (том 98) и Томского государственного педагогического института. Томск, 1947. С. 139–148.
- Грязнов М. П.** К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 64. С. 26–37.
- Дульзон А. П.** Археологические памятники Томской области // Тр. Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5, № 24. С. 89–316.
- Ковалевский С. А.** Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 26 с.
- Комарова М. Н.** Томский могильник // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1952. № 24. С. 7–50.
- Косарев М. Ф.** О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии: Межвуз. сб. науч. тр. М.: Наука, 1964. С. 170–180.
- Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 256 с.
- Мартынов А. И.** Новый район карасукской культуры // СА. 1964. № 2. С. 119–137.
- Матвеев А. В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во ННГУ, 1993. 180 с.
- Матющенко В. И.** Из истории Сибири: сборник. Вып. 12. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). В 4 ч. Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. 194 с.
- Матющенко В. И.** Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. 64 с.
- Матющенко В. И.** Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 216 с.
- Молодин В. И.** Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 184 с.
- Мыльникова Л. Н., Васильев Е. А.** Керамический комплекс памятника Чекист (Томское Приобье): технология и морфология // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. С. 101–123.
- Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А.** Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. Т. 2. 208 с.
- Плетнева Л. М.** Томское Приобье в конце VIII – III в. до н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 142 с.
- Плетнева Л. М., Беликова О. Б.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 231 с.
- Рудковский С. И.** Археологические памятники урочища Потаповы лужки (материалы к Археологической карте г. Томска) // Тр. Томского областного краеведческого музея. Томск, 2013. Т. 18. С. 197–199.
- Рыбаков Д. Ю.** Томское Приобье в конце IV/III вв. до н. э. – IV в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 21 с.
- Савинов Д. Г., Бобров В. В.** Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири: Сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 1978. С. 41–62.

- Троицкая Т. Н.** Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 32–46.
- Ураев Р. А., Косарев М. Ф.** Памятник карасукской эпохи // Тр. Томского областного краеведческого музея. Томск: Том. кн. изд-во, 1963. Т. 6, вып. 2. С. 50–62.
- Членова Н. Л.** Ирменская культура и ее локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 207–209.

Список источников

- Гаман А. Д.** Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Аникин Камень – I в Томском районе Томской области в 1996 году. Северск, 2000 // Архив «Музей города Северска». Б/н. 146 с.
- Матющенко В. И.** Отчет о работе археологической экспедиции Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева летом 1954 года. Томск, 1954 // Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета. № 154.
- Плетнева Л. М.** Отчет о полевых исследованиях Томского отряда Археологической экспедиции Томского университета летом 1978 г. Томск, 1979 // Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета, № 777.
- Попова Б. С.** Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории ЗАТО Северск Томской области в 2021 году. Северск, 2022 // Архив ООО «Сибирская археология». № 138.
- Рудковский И. В.** Полевой Отчет. Аварийно-спасательные работы на поселении Чердашный Лог в Томском районе Томской области в 2003 г. Северск, 2005 // Архив Музея г. Северска. № 35.
- Рыбаков Д. Ю.** Научный отчет о проведенной археологической разведке по объекту «Межвузовский кампус Томской области» на территории г. Томска в 2022 году. Том 1 (текстовая часть). Северск, 2023 // Архив ООО «Сибирская археология». № 155.

References

- Chlenova N. L.** Irmenskaya kul'tura i ee lokal'nye varianty [Irmen culture and its local variants]. In: Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov [Origin of the aborigines of Siberia and their languages]. Tomsk, TSU Press, 1973, pp. 207–209. (in Russ.)
- Grinevich K. E.** Opyt klassifikatsii i datirovki basandaikoi keramiki [Experience of classification and dating of Basandaik ceramics]. In: Basandaika. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoi oblasti. Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. V. Kujbysheva (vol. 98) i Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [Basandaika. Collection of materials and research on the archeology of the Tomsk region. Proceedings of Tomsk State University. V. V. Kuibyshev (vol. 98) and Tomsk State Pedagogical Institute]. Tomsk, 1947, pp. 139–148. (in Russ.)
- Gryaznov M. P.** K voprosu o kul'turakh epokhi pozdnei bronzy v Sibiri [On the issue of Late Bronze Age cultures in Siberia]. In: Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury [Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture]. Moscow, AS USSR Publ., 1956, iss. 64, pp. 26–37. (in Russ.)
- Dulzon A. P.** Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoi oblasti [Archaeological sites of the Tomsk region]. In: Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk, 1956, vol. 5, no. 24, pp. 89–316. (in Russ.)
- Komarova M. N.** Tomskii mogil'nik [Tomsk burial ground]. In: Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR [Materials and research on the archeology of the USSR]. Moscow, AS USSR Publ., 1952, no. 24, pp. 7–50. (in Russ.)

- Kosarev M. F.** O proiskhozhdenii irmenskoj kul'tury [On the origin of the Irmen culture]. In: Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii: mezhvuzovskii sbornik nauchnyh trudov [Sites of the Stone and Bronze Ages of Eurasia: interuniversity collection of scientific works]. Moscow, Nauka, 1964, pp. 170–180. (in Russ.)
- Kosarev M. F.** Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow, Nauka, 1981, 256 p. (in Russ.)
- Kovalevsky S. A.** Irmenskie drevnosti yuga Zapadnoi Sibiri: istoriya izucheniya i issledovatel'skie kontseptsii [Irmen antiquities of the south of Western Siberia: history of study and research concepts]. Abstract of Thesis Cand. Hist. Sci. Barnaul, 2016, 26 p. (in Russ.)
- Martynov A. I.** Novyi raion karasuksoj kul'tury [New region of Karasuk culture]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archeology], 1964, no. 2, pp. 119–137. (in Russ.)
- Matveev A. V.** Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e [Irmen culture in the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk, NSU Press, 1993, 180 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** Iz istorii Sibiri: sbornik. Iss. 12. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyi vek). V 4 chastyakh. Ch. 4: Elovsko-irmenskaya kul'tura [From the history of Siberia: collection. Vol. 12. Ancient history of the population of the forest and forest-steppe Ob region (Neolithic and Bronze Age). In 4 parts. Part 4: Elovsko-Irmenskaya culture]. Tomsk, TSU Press, 1974, 194 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** Elovskii arkhologicheskii kompleks. Chast' pervaya. Elovskii I kurgannyi mogil'nik [Elovsky archaeological complex. Part one. Elovsky I burial mound]. Omsk, OmSU Press, 2001, 64 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** Elovskii arkhologicheskii kompleks. Chast' vtoraya. Elovskii II mogil'nik. Doirmenskie komplekсы [Elovsky archaeological complex. Part two. Elovsky II burial ground. Pre-Irmen complexes]. Omsk, OmSU Press, 2004, 216 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk, Nauka, 1985, 184 p. (in Russ.)
- Mylnikova L. N., Vasiliev E. A.** Keramicheskii kompleks pamyatnika Chekist (Tomskoe Priob'e): tekhnologiya i morfologiya [Ceramic complex of the Chekist site (Tomsk Ob region): technology and morphology]. In: Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovanii [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul, AltSU Press, 2016, pp. 101–123. (in Russ.)
- Ozheredov Yu. I., Yakovlev Ya. A.** Arkheologicheskaya karta Tomskoi oblasti [Archaeological map of the Tomsk region]. Tomsk, TSU Press, 1993, vol. 2, 208 p. (in Russ.)
- Pletneva L. M.** Tomskoe Priob'e v kontse VIII – III v. do n. e. [Tomsk Ob region at the end of the 8th – 3rd centuries BC]. Tomsk, NSU Press, 1977, 142 p. (in Russ.)
- Pletneva L. M., Belikova O. B.** Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n. e. [Sites of the Tomsk Ob region in the 5th – 8th centuries AD]. Tomsk, TSU Press, 1983, 231 p. (in Russ.)
- Rudkovsky S. I.** Arkheologicheskie pamyatniki urochishcha Potapovy luzhki (materialy k Arkheologicheskoi karte g. Tomsk) [Archaeological sites of the Potapov Meadows tract (materials for the Archaeological Map of Tomsk)]. In: Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk, 2013, vol. 18, pp. 197–199. (in Russ.)
- Rybakov D. Yu.** Tomskoe Priob'e v kontse IV/III vv. do n. e. – IV v. n. e. [Tomsk Ob region at the end of the 4th/3rd centuries. BC. – 4th century AD]. Abstract of Thesis Cand. Hist. Sci. Barnaul, 2015, 21 p. (in Russ.)
- Savinov D. G., Bobrov V. V.** Titovskii mogil'nik (k voprosu o pamyatnikakh epokhi pozdnei bronzy na yuge Zapadnoi Sibiri) [Titovsky burial ground (on the issue of sites of the Late Bronze Age in the south of Western Siberia)]. In: Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoi Sibiri [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Collection of scientific articles. Novosibirsk, Nauka, 1978, pp. 41–62. (in Russ.)

- Troitskaya T. N.** Karasukskaya epokha v Novosibirskom Priob'e [Karasuk era in the Novosibirsk Ob region]. In: Drevnyaya Sibir'. Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri [Ancient Siberia. Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk, 1974, pp. 32–46. (in Russ.)
- Uraev R. A., Kosarev M. F.** Pamyatnik karasukskoi epokhi [Site of the Karasuk era]. In: Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk, Tomsk Book Publ., 1963, vol. 6, iss. 2, pp. 50–62. (in Russ.)

List of Sources

- Gaman A. D.** Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh kurgannogo mogil'nika Anikin Kamen' – I v Tomskom raione Tomskoi oblasti v 1996 godu [Report on archaeological research of the burial mound Anikin Kamen' – I in the Tomsk district of the Tomsk region in 1996]. Seversk, 2000. In: Arkhiv "Muzei goroda Severska", 146 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** Otchet o rabote arkheologicheskoi ekspeditsii Muzeya istorii material'noi kul'tury pri Tomskom gosudarstvennom universitete im. V. V. Kuibysheva letom 1954 goda [Report on the work of the archaeological expedition of the Museum of the History of Material Culture at Tomsk State University. V. V. Kuibyshev in the summer of 1954]. Tomsk, 1954. In: Arkhiv Muzeya arheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 154. (in Russ.)
- Pletneva L. M.** Otchet o polevykh issledovaniyakh Tomskogo otryada Arkheologicheskoi ekspeditsii Tomskogo universiteta letom 1978 g [Report on field research of the Tomsk detachment of the Archaeological Expedition of Tomsk University in the summer of 1978]. Tomsk, 1979. In: Arkhiv Muzeya arheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 777. (in Russ.)
- Popova B. S.** Nauchnyi otchet o provedennoi arkheologicheskoi razvedke na territorii ZATO Seversk Tomskoi oblasti v 2021 godu [Scientific report on the archaeological exploration carried out on the territory of the ZATO Seversk, Tomsk region in 2021]. Seversk, 2022. In: Arkhiv OOO «Sibirskaya arkheologiya, no. 138. (in Russ.)
- Rudkovsky I. V.** Polevoi Otchet. Avariino-spatatel'nye raboty na poselenii Cherdashnyi Log v Tomskom raione Tomskoi oblasti v 2003 g [Field Report. Emergency rescue work in the settlement of Cherdashnyi Log in the Tomsk district of the Tomsk region in 2003]. Seversk, 2005. In: Arkhiv Muzeya g. Severska, no. 35. (in Russ.)
- Rybakov D. Yu.** Nauchnyi otchet o provedennoi arkheologicheskoi razvedke po ob'ektu "Mezhvuzovskii kampus Tomskoi oblasti" na territorii g. Tomsk v 2022 godu [Scientific report on the archaeological survey conducted at the site "Interuniversity Campus of the Tomsk Region" on the territory of Tomsk in 2022]. Vol. 1 (tekstovaya chast'). Seversk, 2023. In: Arkhiv OOO «Sibirskaya arkheologiya», no. 155. (in Russ.)

Информация об авторе

Богдана Станиславовна Попова, аспирант
RSCI Author ID 888809
SPIN 5686-5431

Information about the Authors

Bogdana S. Popova, Post-Graduate Student
RSCI Author ID 888809
SPIN 5686-5431

*Статья поступила в редакцию 29.11.2023;
одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 15.01.2024
The article was submitted on 29.11.2023;
approved after reviewing on 15.01.2024; accepted for publication on 15.01.2024*

Научная статья

УДК 904(511)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-117-128

Погребальные комплексы эпохи Шестнадцати варварских государств в Хэсйском коридоре: локальная и хронологическая специфика

Мария Андреевна Кудинова

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Аннотация

Представлены материалы погребальных комплексов эпохи Шестнадцати варварских государств в районе Хэсйского коридора на территории провинции Ганьсу, КНР. Наиболее важными памятниками являются могильники Синьдянтай, Цицзявань, Цзиньцилян и Динцзячжа. Установлено, что в этот период в целом сохраняются основные черты погребального обряда предыдущих эпох – Цао-Вэй и Западной Цзинь; вместе с тем наблюдается тенденция к дальнейшему упрощению погребальных конструкций, сокращению состава и снижению качества сопроводительного инвентаря: наибольшее распространение получают однокамерные гробницы, сопроводительный инвентарь представлен преимущественно керамической утварью. Изображения представителей различных этнических групп на настенных росписях свидетельствуют о мультиэтничном составе населения. Важным источником информации о духовной культуре жителей хэсйских оазисов служат эпиграфические и изобразительные материалы.

Ключевые слова

Хэсйский коридор, эпоха Шестнадцати варварских государств, Пять Лян, погребальный обряд, настенные погребальные росписи, межкультурные контакты, религиозный синкретизм

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>

Для цитирования

Кудинова М. А. Погребальные комплексы эпохи Шестнадцати варварских государств в Хэсйском коридоре: локальная и хронологическая специфика // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 117–128. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-117-128

Burial Complexes of the Sixteen Barbarian States Period in Hexi Corridor: Local and Chronological Specifics

Maria A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Abstract

Purpose. The objectives of the study are to present the most important burial complexes of the Sixteen Kingdoms period, known to date on the territory of the Hexi Corridor, to highlight the main characteristics of the funeral rite and accompanying grave goods and to trace their evolution, to identify data reflecting the processes of cross-cultural interactions in the northwestern regions China of the early Middle Ages.

Results. The most important archaeological sites are the Xindiantai, Qijiawan, Jinjiliang and Dingjiazha burial grounds. Single-chamber tombs were most widespread, the accompanying goods were represented mainly by ceramic vessels. Images of representatives of various ethnic groups on tomb murals indicate the multi-ethnic composition of

© Кудинова М. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 117–128
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 117–128

the population. An important source of information about the spiritual culture of the inhabitants of the Hexi oases are epigraphic (apotropaic inscriptions on ceramic vessels) and pictorial materials (murals of tomb M5 in Dingjiazha).

Conclusion. It has been established that during this period, in general, the main features of the funeral rite of previous epochs – Cao Wei and Western Jin – were preserved. At the same time, there was a tendency towards further simplification of tomb structures, a reduction in the composition and a decrease in the quality of the accompanying grave goods. Despite the active penetration of Buddhism into the region, manifestations of its influence on funeral rituals at that time were limited to isolated cases. The ideological basis of funeral rituals and funerary art were elements of Taoist religion and folk religious beliefs.

Keywords

Hexi Corridor, Sixteen Barbarian States, Five Liang, funeral rite, tomb murals, intercultural contacts, religious syncretism

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121/>

For citation

Kudinova M. A. Burial Complexes of the Sixteen Barbarian States Period in Hexi Corridor: Local and Chronological Specifics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 117–128. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-117-128

Введение

Эпоха Шестнадцати варварских государств (304–439) – это период политической раздробленности, когда на территории северных районов современного Китая существовало более 20 государств, основателями которых выступили представители различных этнических групп: помимо ханьцев это были так называемые «пять варварских племен» (у ху): *сюнну*, *цзе*, *сяньби*, *ди* и *цян*. Свое наименование данный исторический период получил по названию сочинения «Весны и Осени Шестнадцати государств», составленного в 501–522 гг., во время правления Северной Вэй, чиновником и ученым Цуй Хуном (478–525). Известные в настоящее время погребальные памятники этой эпохи в основном сконцентрированы в трех регионах: Ляоси (в западной части современной пров. Ляонин), Гуаньчжун (в центральной части пров. Шэньси) и на северо-западе Китая – в Хэсийском коридоре¹ и Турфане (пров. Ганьсу и Синьцзян-Уйгурский автономный район) [Вэй Чжэн и др., 2022, с. 25–32].

На территории северо-западных районов современной КНР в IV–V вв. то сосуществовали, то сменяли друг друга так называемые Пять Лян: государства Ранняя Лян (301–376), Поздняя Лян (386–401), Южная Лян (397–414), Западная Лян (400–421), Северная Лян (397–439). В 376–386 гг. это район находился под контролем государства Ранняя Цинь (351–395). Из них Ранняя Лян и Западная Лян были основаны ханьцами, Ранняя Цинь и Поздняя Лян – *ди*, Южная Лян – *туфа-сяньби*, Северная Лян – поздними *сюнну*.

Долгое время материальная культура Шестнадцати варварских государств не получала должного внимания со стороны исследователей, однако в последние годы в связи с интенсификацией хозяйственного освоения северо-запада Китая были обнаружены и раскопаны новые памятники этого периода, что привело к повышению интереса к изучению этого исторического периода в целом. Задачи данной публикации – представить важнейшие погребальные комплексы указанного периода, известные к настоящему времени на территории Хэсийского коридора, дать их краткое описание, выделить основные характеристики погребального обряда и сопроводительного инвентаря и проследить их эволюцию, вычленив данные, отражающие процессы межкультурных взаимодействий в северо-западных регионах Китая периода раннего Средневековья.

¹ Хэсийский (Ганьсуский) коридор – проход в западной части пров. Ганьсу между нагорьями Наньшань на юге и Бэйшань на севере протяженностью около 1 000 км, соединяющий центральные районы Китая с Синьцзяном.

Основные памятники

Погребения, датируемые периодом Шестнадцати варварских государств, представлены на могильниках Синьдянтай (погр. 60M1) и Цицзявань (не менее 34 погребений) в Дуньхуане, Динцзячжа (погребения M1 и M5) в Цзюцюане, Цзиньцзилян в Юймэне (24 погребения). Многие из этих комплексов были датированы с точностью до года благодаря обнаруженным внутри эпиграфическим надписям. Кроме того, в 1975 г. на территории пос. Цзиньша в районе Лянчжоу городского округа Увэй была найдена каменная стела с эпитафией Лян Шу и его супруги, датированная 376 г. (т. е. периодом правления Ранней Цинь), по-видимому, происходившая из разрушенного погребения [Чжун Чанфа, Нин Дусюэ, 1981].

Могильное поле Фоемяо – Синьдянтай, общая площадь которого достигает почти 100 кв. км, – один из крупнейших погребальных памятников эпох Хань – Тан в районе Дуньхуана. Полевые работы начались здесь еще в 1944–1945 гг. Первое погребение периода Шестнадцати варварских государств было найдено и раскопано в 1960 г. на памятнике Синьдянтай. Этот комплекс, получивший порядковый номер 60M1, – вырезанная в толще грунта гробница, состоящая из квадратной в плане погребальной камеры с потолком в форме усеченной пирамиды, входного тамбура и длинного наклонного дромоса с вертикальной воздухоходной шахтой («небесным колодцем»). Над погребением возвышалась земляная насыпь. Погребение было ограблено, но часть сопроводительного инвентаря сохранилась, в том числе керамические сосуды и светильники, железные ножницы, медные монеты, детали украшений, выполненные из золота, бронзы и слюды. Надпись на одном из керамических сосудов позволила датировать комплекс 369 г. Кроме того, из текста известно имя погребенной: это была некая Фань Синьжун, представительница знатного дуньхуанского рода, жена военачальника Ранней Лян Чжан Хуна. Имя ее супруга упоминается в исторических сочинениях «История Цзинь» («Цзинь шу») и «Дополненные “Весны и Осени Шестнадцати государств”» («Шилю го чуньцю цзибу»), откуда известно, что Чжан Хун погиб в 351 г. во время похода, предпринятого Ранней Лян против основателя Ранней Цинь Фу Цзяня. Вероятно, поэтому Фань Синьжун, пережившая мужа на 18 лет, была похоронена отдельно от него. Могила Фань Синьжун входила в состав небольшого семейного кладбища: на огороженном галечной кладкой квадратном участке находились в общей сложности пять погребений, ориентированных по оси восток – запад, все они сходны по конструкции и составу сопроводительного инвентаря и могут быть датированы в пределах Западной Цзинь (265–301) – Ранней Лян (301–376) [Ма Шичжан, Сунь Гочжан, 1974, с. 191, 193, 198–199; Чжунго каогусюэ, 2018, с. 135–138].

Два погребения эпохи Шестнадцати варварских государств были обнаружены и раскопаны в 1977 г. на территории крупного могильника близ дер. Динцзячжа на территории пос. Гоюань района Сучжоу в городском округе Цзюцюань. Обе могилы были разграблены еще в древности. Погребение M1 – сложенный из кирпича однокамерный кирпичный склеп с длинным наклонным дромосом. На поверхности сохранились остатки ограждения. В могиле были захоронены два человека. Сохранившийся сопроводительный инвентарь включает преимущественно керамические сосуды, а также фрагмент железного зеркала, медные монеты, девять деревянных фигурок воинов и др. Особую значимость имеет фрагмент стелы с заголовком эпитафии: 镇军梁府君之墓表 Чжэньцзюнь лян фу цзюньчжи мубяо «Эпитафия командующего войском и начальника области Лян» [У Жэнсян, 1979, с. 2–3, 10–11]. Погребение M5 – большая двухкамерная кирпичная гробница, ориентированная по линии восток – запад. Стены и потолок передней камеры, а также западная стена задней камеры были оштукатурены и расписаны. На поверхности над могилой имелась земляная насыпь, вокруг сохранилась каменная кладка, служившая оградой семейного кладбища (внутри ограждения располагалось еще одно погребение меньшего размера). В могиле были захоронены три человека: мужчина и две женщины. Дошедший до нас сопроводительный инвентарь насчитывает лишь 83 предмета (керамические сосуды, железные зеркала, бронзовая шпилька, фрагменты бронзового и золотого украшений, медные монеты и др.), однако настенные росписи

сохранились довольно хорошо [Цзюцюань Шилого му бихуа, 1989, с. 1–4]. В погребении не было найдено датирующих надписей, поэтому относительно времени создания комплекса существует дискуссия: часть исследователей относит его к периоду от Поздней до Северной Лян [У Жэнсян, 1979, с. 10–11], другие – ко времени Ранней Лян [Вэй Чжэн, 2019, с. 18–27].

В 1985 г. крупный могильник периодов Западной Цзинь – Шестнадцати варварских государств Цицзявань был раскопан на территории пос. Цили в уезде Дуньхуан. На памятнике исследовано 117 погребений, из которых не менее 34 относится к периоду Шестнадцати варварских государств, для 12 из них благодаря эпиграфическим материалам имеются точные даты в диапазоне от 321 до 420 г. Таким образом, здесь представлены погребения времени правления Ранней Лян, Ранней Цинь, Поздней Лян, Северной Лян и Западной Лян. Конструктивно погребения этого периода схожи: вырезанные в грунте однокамерные гробницы с входным тамбуром и наклонным дромосом. Часть из них входит в состав огороженных семейных кладбищ. Размеры исследованных могил и форма погребальных камер не одинаковы. Длина дромоса составляла от 5 до 15 м. Погребальные камеры – квадратные или прямоугольные в плане, минимальные размеры камеры 2,1 × 0,7 м (M202), максимальные около 3 × 3 м (M355, M356). В могилах захоронено от одного до четырех человек. Сопроводительный инвентарь включает преимущественно керамические сосуды, а также металлические зеркала, украшения и орудия труда [Дай Чуньян, Чжан Лун, 1994, с. 8–20, 146–156].

В 2009 г. могильник эпохи Шестнадцати варварских государств Цзиньцзилян был исследован близ дер. Байтулянциунь в волости Цинцюань городского округа Юймэнь. Здесь раскопано 24 погребения, все были ограблены. Конструкция всех комплексов похожа: это погребения с длинным наклонным дромосом, входным тамбуром и одной или двумя камерами, на поверхности над ними сооружалась земляная насыпь. На памятнике 14 погребений представляют собой однокамерные склепы, вырезанные в толще грунта, в трех из них поверхность пола вымощена кирпичом; еще десять – кирпичные гробницы: шесть однокамерных и четыре более крупные, с двумя камерами. Все могилы расположены упорядоченно, их ориентация совпадает (вдоль линии восток – запад), но наземные ограждения отсутствуют. Тем не менее можно выделить несколько обособленных групп из трех-пяти погребений, которые, вероятно, образуют семейные кладбища. В трех могилах погребенные были захоронены в деревянных гробах, на одном из которых изображены Фуси и Нюйва, на другом – карта созвездий, на третьем имелась надпись, содержащая имя погребенного и дату захоронения. Еще в двух гробницах имелись погребальные ложа; в одной могиле – особая крышка-кожух, накрывавшая труп. В остальных случаях погребальная утварь крайне плохой сохранности и не поддается реконструкции или же полностью отсутствует. Сопроводительный инвентарь представлен в основном керамическими сосудами. В трех погребениях найдены датирующие надписи, в которых указаны 357 г. (в погр. M21), 360 и 362 г. (в погр. M5), 365 г. (в погр. M17), т. е. все они относятся к периоду правления Ранней Лян. Кроме того, в надписях из могил M5, M10, M17 и M21 упомянута фамилия Чжао, таким образом, как минимум четыре группы погребений на могильнике принадлежат представителям рода Чжао [У Хун, Ван Юньань, 2011].

Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь

На материалах исследованных погребальных комплексов выделяются два основных типа могильных конструкций: 1) вырезанные в толще грунта гробницы; 2) гробницы, сложенные из кирпича. Погребения обоих типов характеризуются наличием длинного наклонного дромоса и небольшого входного тамбура. Над входом, как правило, находится сложенный из камня или кирпича экран *чжаоби* (*чжаоцян*). Грунтовые катакомбные погребения всегда однокамерные. Кирпичные гробницы могли иметь одну или две (переднюю и заднюю) камеры (рис. 1). Для всех погребений характерна ориентация по линии восток – запад. На поверхности над могилами сооружались земляные насыпи.

В то же время наблюдаются территориальные различия: в районе Дуньхуана на могильниках Синьдяньтай и Цицзявань имеются только вырезанные в грунте гробницы; в Юймэне представлены погребения всех видов; в Цзюцюане в настоящее время известны лишь две кирпичные гробницы, одна из них (М5 в Динцзячжа) – с настенными росписями. В Дуньхуане и Цзюцюане был распространен обычай сооружать семейные кладбища, включавшие от двух до пяти погребений внутри ограды, сложенной из камня. Ограждение в плане имело форму квадрата со стороной около 40 м, ориентированного, как правило, четко по сторонам света, вход располагался с северной или южной стороны. Перед входом имелся проход, ограниченный с двух сторон каменной кладкой, – своего рода аналог «аллеи духов» (*шэньдао*), но без каменных скульптур. На могильнике Цзиньцзилян в Юймэне также выделяются группы из трех-пяти погребений, соответствующие семейным кладбищам, однако наземные конструкции не выявлены.

Наиболее распространены парные, по-видимому, супружеские погребения; встречаются совместные захоронения 3–4 человек, возможно, мужчины с несколькими женами / наложницами или родителей с ребенком. Одиночные захоронения сравнительно редки. Тела погребенных укладывали на погребальное ложе в виде невысокой платформы, сложенной из кирпича, на спину, с вытянутыми конечностями, головой на восток или на запад, сверху накрывали деревянной крышкой-кожухом. Деревянные гробы использовались редко, лишь в нескольких погребениях (М1 в Динцзячжа, М3, М5 и М10 на могильнике Цзиньцзилян в Юймэне), некоторые из них имели лаковое покрытие и были украшены астральными узорами, изображениями Фуси и Ньюйва.

Большинство могил были ограблены, поэтому погребальная утварь и сопроводительный инвентарь сохранились не полностью. Наиболее многочисленной категорией находок являются керамические сосуды различных форм (горшки, кувшины, блюда, пиалы, чаши), а также светильники, модели очагов и зернохранилищ. Распространены бронзовые и железные зеркала, личные украшения, медные монеты.

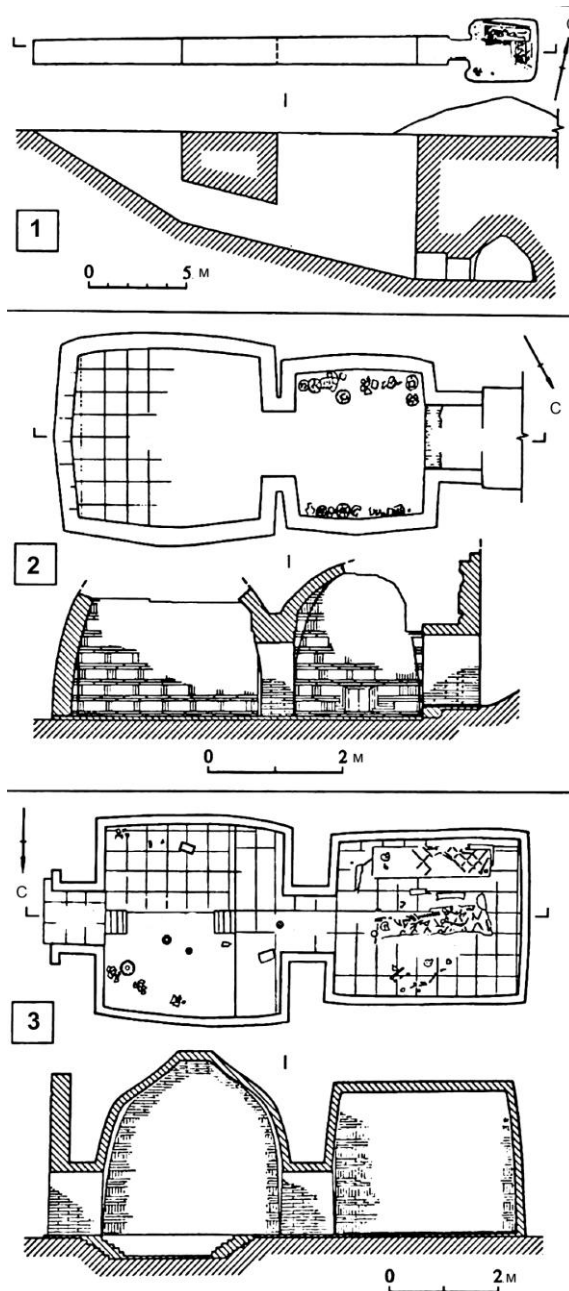

Рис. 1. Погребения эпохи Шестнадцати варварских государств на территории Хэсийского коридора (планы и разрезы): 1 – Синьдяньтай, погр. 60M1; 2 – Цзиньцзилян, погр. М6; 3 – Динцзячжа, погр. М5. По: [Чжунго каогусюэ, 2018, с. 137, рис. 2-22]

Fig. 1. Tombs of the Hexi Corridor of the Sixteen Barbarian States period on the territory of the Hexi Corridor (plans and sections): 1 – Xindiantai, 60M1; 2 – Jinjiliang, M6; 3 – Dingjiazha, M5. As per: [Chinese Archaeology, 2018, p. 137, fig. 2-22]

Специфическим видом сопроводительного инвентаря, представленным на территории Хэсйского коридора исключительно в дуньхуанских погребениях, являются «охраняющие могилу сосуды» (*чжэньмупин, чжэньмугуань*) – миниатюрные керамические сосуды горшководной формы, высотой около 5–10 см, как правило, парные – один из них устанавливался в области головы покойного, другой – в области стоп. Внутрь помещали муку, зерна злаков, фрагменты слюды, иногда – свинцовые антропоморфные фигурки. На поверхность сосудов часто наносились надписи апотропеического характера, выполненные киноварными чернилами или тушью (рис. 2). Они могли включать от нескольких до десятков иероглифов. Содержание текстов было стандартным: дата (девиз правления, год, месяц и день), место рождения и полное имя покойного, перечисление помещенных в сосуд продуктов и предметов, предназначенных для использования в загробном мире, пожелания благополучия и защиты от злых сил в посмертном существовании. Завершались заклинания устойчивой формулой: *急急如律令* *цицици жулюйлин* «приказ подлежит незамедлительному исполнению», что придавало им сходство с текстами официальных документов, по-видимому, адресованных чиновникам потустороннего мира. Именно эти надписи позволяют точно датировать могильные комплексы [Дай Чуньян, Чжан Лун, 1994, с. 16–19]. В случае сопогребения двух и более человек, которые могли совершаться с разницей в несколько лет или даже десятилетий, могла быть найдена лишь надпись, содержащая дату одного захоронения, не обязательно последнего по времени, или же несколько надписей, соответствующих времени начала и окончания формирования погребального комплекса. Помимо сосудов с явно даосскими инскрипциями, в погр. М310 в Цицзявань, датированном 398 г., найдены фрагменты керамической чаши с надписью-заклинанием буддийского характера [Там же, с. 20, 179–180]. Кроме того, в период Шестнадцати государств на территории региона Хэси постепенно распространяется обычай помещать в погребения каменные или керамические стелы с эпитафиями покойных, которые также содержат сведения, позволяющие надежно датировать и атрибутировать памятники.

Хронологические различия в конструкциях погребений и составе сопроводительного инвентаря могут быть прослежены на материалах могильника Цицзявань. Здесь наблюдаются тенденции к постепенному уменьшению размеров погребений и упрощению их конструкции, сокращению ассортимента погребального инвентаря, уменьшению размеров керамических сосудов и примитивизации технологии их производства: становятся менее выраженными функциональные части сосудов, усиливается асимметрия форм, происходит упрощение орнаментальной схемы, возрастает число неорнаментированных сосудов, снижается температура обжига, появляются необожженные глиняные сосуды. И лишь в погребениях начала V в., т. е. периода правления Западной Лян, столица которой находилась в Дуньхуане, сопроводительный инвентарь вновь становится более богатым и разнообразным [Дай Чуньян, Чжан Лун, 1994, с. 161–162, 165–170].

Рис. 2. «Охраняющие могилу сосуды» из погребений могильника Цицзявань: 1 – М321:23; 2 – М312:5. По: [Дай Чуньян, Чжан Лун, 1994, вкл. 39–40]

Fig. 2. “Tomb-securing jars” (*zhenmuping*) from the tombs of the Qijiawan burial ground: 1 – M321:23; 2 – M312:5. As per: [Dai Chunyang, Zhang Long, 1994, pl. 39–40]

Изобразительные материалы

Наиболее яркие изобразительные материалы происходят из погр. 5 в Динцзяча. Полихромные настенные росписи полностью покрывают потолок и стены в передней камере, а также верхнюю часть западной стены (той, что напротив входа) в задней камере этой гробницы². В центре сводчатого потолка передней камеры изображен цветок лотоса. Поверхность купола и стен разделена параллельными горизонтальными линиями на пять ярусов. Самый верхний, первый ярус оставлен без изображений. Второй ярус, по-видимому, представляет собой картины небесного мира. На всех четырех стенах на самом верху нарисованы драконьи морды, окруженные облаками. На восточной стене изображен Властитель Востока Дун-ван-гун, рядом – солнце в виде красного круга и солнечный ворон (рис. 3, 1). Напротив него, на западной стене – Владычица Запада Си-ван-му в сопровождении служанки и мифических животных – девятихвостой лисицы и трехглавого ворона (рис. 3, 2), ниже нарисованы синяя птица и волшебная небесная лошадь. На северной стене – небесная лошадь в облаках. На южной стене – белый олень и крылатый бессмертный, летящие в облаках, а под ними – сценка на сюжет о том, как легендарный основатель династии Шан Чэн Тан отпускал пойманных в сети птиц (см., например: [Юань Кэ, 1987, с. 223]). Границей между небесным миром и миром людей служат изображения горных вершин, которые можно считать одним из ранних примеров пейзажной живописи в истории китайского изобразительного искусства [Цзюцюань Шилого му бихуа, 1989, с. 20].

Сцены земной жизни представлены на третьем и четвертом ярусах. На третьем ярусе западной стены, прямо напротив входа в гробницу, помещен, предположительно, портрет «хозяина» могилы, в окружении слуг наблюдающего выступление танцоров, акробатов и музыкантов (рис. 3, 3). Рядом, на северной стене, нарисована подготовленная для него повозка. Четвертый ярус на западной стене занимает изображение процессии из нескольких экипажей. Остальное пространство заполнено композициями, связанными с хозяйственной деятельностью: обработка полей, сбор урожая, приготовление еды, изображения домашних животных и т. д. Пятый, самый нижний, уровень практически пустой, на восточной, северной и южной стенах изображены лишь черепахи. На западной стене задней камеры нарисованы несколько шкатулок, опяхала, лук и колчан со стрелами, мотки нитей и рулоны ткани. Вероятно, это были изображения предметов первой необходимости, расположенные в непосредственном доступе для душ погребенных, чьи тела находились в этом же помещении.

Среди настенных росписей выделяется композиция, помещенная на четвертый ярус в центральной части южной стены. Здесь нарисовано большое раскидистое дерево с пышной кроной, в ветвях которого укрылись несколько птиц и существо, напоминающее обезьяну. Под деревом расположена платформа, на которой находится обнаженная женщина с мотыгой или тяпкой (рис. 4). Трактовка этой сцены в настоящее время остается дискуссионной. Считается доказанным, что дерево – это символ божества земли *шэ* (см.: [Вэй Чжэн, 2019, с. 27]). Наиболее убедительное, на наш взгляд, толкование всей композиции предложила профессор Университета Санта-Клары (Калифорния, США) Х. Клайдсдейл³. Исследовательница связала эту сцену с практиковавшимся в случае длительной засухи обрядом вызывания дождя, в ходе которого под палящим солнцем у дерева, посвященного божеству земли *шэ*, оставляли обнаженную женщину. Свидетельством существования подобного обычая может служить

² Описания росписей даются по: [У Жэнсян, 1979, с. 7–10, 15–17, вкл. 1–3; Цзюцюань Шилого му бихуа, 1989].

³ Профессор Х. Клайдсдейл неоднократно излагала свою гипотезу в публичных выступлениях, см., например, запись открытой лекции в Институте Конфуция Мичиганского университета: Н. Clydesdale. A Mysterious Tomb Painting Uncloaks an Ancient Practice. 30.11.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=knDYtBEQu4c> (дата обращения 01.03.2024), однако нам не удалось найти ее печатных работ, посвященных этому вопросу.

Рис. 3. Настенные росписи из погр. М5 в Динцзячжа: 1 – Дун-ван-гун; 2 – Си-ван-му; 3 – музыканты, выступающие перед «хозяином гробницы». По: [Цзюцюань шилюгу му бихуа, 1989]

Fig. 3. Dingjiazha tomb M5 murals: 1 – Dong-wang-gong; 2 – Xi-wang-mu; 3 – musicians performing for the “tomb occupant”. As per: [Wall Paintings of the Sixteen Kingdoms Tomb at Jiuquan, 1989]

короткий рассказ «Моление о дожде» («Ци юй») из не дошедшего до нас сборника «Описание Янь⁴» («Янь чжи») писателя и чиновника Гао Люя (?–502), включенный в составленную в X в. антологию «Императорское обозрение годов Тайпин» («Тайпин юйлань»): 太平十五年，自春不雨，至于五月。有司奏右部王荀妻产妖，傍人莫觉，俄而失之，乃暴荀妻于社，大雨普洽。 Тайпин шиу нянь, цзы чунь бу юй, чжиюй у юэ. Юсы цзоу юбу Ван Сюнь ци чань яо, панжэнь мо цзюэ, ээр ши чжи, най пу Сюнь ци юй шэ, да юй пуця. «В 15-й год правления под девизом тайпин⁵ с весны и до 5-го месяца не было дождей. Чиновники доложили, что жена Ван Сюня из налогового ведомства родила беса⁶. По неосторожности окружающих

⁴ Имеется в виду государство Северная Янь, существовавшее в 409–436 гг. на северо-востоке Китая.

⁵ 423 г.

⁶ В оригинале использован иероглиф 妖 яо – нечистая сила, призрак, привидение, оборотень, чудовище.

вскоре его упустили. Тогда жену Сюня выставили обнаженной под открытым небом у дерева *шэ*, после чего повсюду начался сильный ливень»⁷. По-видимому, существо, рожденное женщиной, и было причиной засухи. Вероятнее всего, это был демон *ханьба* или *ханьяо*, который мог изображаться похожим на обезьяну, например, в более поздней энциклопедии «Собрание иллюстраций Трех начал» («Саньцай тухуэй»), составленной ученым и литератором Ван Ци в 1607 г. Кроме того, из сборника сунского географа и писателя Чжу Юя «Из бесед в Пинчжоу» («Пинчжоу кэтань»), составленного в 1119 г., известно, что демонами засухи *ханьба* становились уродливые дети, убитые своими матерями (см.: [Алимов, 2009, с. 407–408]).

По нашему мнению, подобная интерпретация полностью вписывается в общий изобразительный контекст. Выше на этой же стене помещена сцена из жизни легендарного правителя Чэн Тана, который, согласно преданию, принимал непосредственное участие в проведении ритуала вызывания дождя в Тутовом лесу (см.: [Юань Кэ, 1987, с. 226–227]). Кроме того, расположенные вокруг росписи изображают различные земледельческие работы, для которых залогом успеха служили благоприятные погодные условия, в том числе достаточное количество осадков. В особенности это должно было быть актуально для района Хэсийского коридора с его чрезвычайно засушливым климатом.

Рис. 4. Композиция с деревом *шэ* из росписи погр. М5 в Динцзячжа. Деталь.

По: [Цзюцюань шилюго му бихуа, 1989]

Fig. 4. Dingjiazha tomb M5 *she* tree mural. Detail.

As per: [Wall Paintings of the Sixteen Kingdoms Tomb at Jiuquan, 1989]

⁷ Цит. по: Ци юй [Моление о дожде] // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/text.pl?node=362678&if=en&repar=gb> (дата обращения 01.03.2024).

Рис. 5. Изображения представителей разных этнических групп на росписях погр. М5 в Динцзячжа: 1 – женщина-ди; 2 – согдиец (?). По: [Цзюцюань Шилого му бихуа, 1989]

Fig. 5. Images of representatives of different ethnic groups on the murals of the tomb M5 in Dingjiazha: 1 – Di woman; 2 – Sogdian (?). As per: [Wall Paintings of the Sixteen Kingdoms Tomb at Jiuquan, 1989]

Помимо разнообразных фольклорно-мифологических сюжетов обращают на себя внимание многочисленные изображения людей явно неханьского облика, задействованных в сценах хозяйственной деятельности. Судя по чертам их лиц, особенностям причесок и костюма, здесь изображены представители разных этнических групп, населявших район Хэсийского коридора в период правления Пяти Лян: *цяны*, *ди* (рис. 5, 1), возможно, согдийцы или другие выходцы из Центральной Азии, обобщенно именуемые *ху* (рис. 5, 2) [Гао Жун и др., 2018, с. 189, 195–201]. Вероятно, к иностранцам-ху могли также принадлежать артисты, развлекающие «хозяина гробницы», на что указывают изображения музыкальных инструментов, заимствованных их государствах Западного края (см. рис. 3, 3) [Цзюцюань Шилого му бихуа, 1989, с. 11].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что погребения эпохи Шестнадцати варварских государств, изученные на территории Хэсийского коридора, в целом сохраняют основные черты предыдущих периодов Цао-Вэй и Западной Цзинь (см.: [Гирченко, 2022]); сохраняется тренд на постепенное упрощение могильных конструкций и сокращение ассортимента и количества единиц сопроводительного инвентаря. Несмотря на крайнюю политическую нестабильность и этническое разнообразие жителей региона погребальные комплексы характеризуются сходством с памятниками Центральной равнины и в целом наследуют ханьским традициям. О полиэтничности населения свидетельствуют лишь изображения представителей разных национальностей (ханьцев, *цянов*, *ди*, согдийцев и, возможно, других переселенцев из Западного края) на настенных погребальных росписях.

Физико-географические особенности региона, представляющего собой пустынную область с рядом обособленных оазисов, обусловили существование значительных различий между памятниками разных районов внутри Хэсийского коридора. Локальная специфика проявляется и в конструкциях погребений, и в составе сопроводительного инвентаря.

Эпиграфические и изобразительные материалы содержат большой объем информации о духовной культуре населения Хэси в период Шестнадцати варварских государств. Несмотря на активное проникновение в регион буддизма, проявления его влияния на погребальную обрядность в то время ограничивались единичными случаями (изображение цветка лотоса погр. М5 в Динцзячжа, апотропейная надпись буддийского характера на сосуде из погр. М310

в Цицзявань). Мировоззренческую основу погребальной обрядности и погребального искусства составляли элементы даосского учения и народные религиозные верования.

Список литературы

- Алимов И. А.** Сборник Чжу Юя (1075? – после 1119) «Из бесед в Пинчжоу» – важный источник сведений о сунском Китае // Восточная Азия: вещи, история коллекций, тексты: Сборник МАЭ. Т. 55. СПб.: Наука, 2009. С. 353–412.
- Гирченко Е. А.** Могильные комплексы периода Вэй и Западной Цзинь в округе Цзюцюань // Великий Шелковый путь: традиции и современность: Сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. 14–15 ноября 2022 г., г. Новосибирск, посвящ. 90-летнему юбилею профессора М. В. Крюкова. Новосибирск, 2022. С. 25.
- Юань Кэ.** Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1987. 527 с.
- Вэй Чжэн.** Цзяньгутун: вэй цзинь наньбэйчао тусян юй лиши [Разве не одно и то же? Изображения и история Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий]. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2019. 358 с. (на кит. яз.)
- Вэй Чжэн, Синь Лун, Нин Янь.** Миньцзу цзяожун шиесядэ шилуго муцзан [Погребения Шестнадцати государств с точки зрения межэтнических переплетений] // Чжуньюань вэньу. 2022. № 4. С. 24–37. (на кит. яз.)
- Гао Жун, Цзя Сяоцзюнь, Пу Чжуньюань.** Ханьхуа юй хухуа: хань тан шици Хэсидэ миньцзу жунхэ [Китаизация и варваризация: национальная интеграция в Хэси в периоды Хань – Тан]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2018. 381 с. (на кит. яз.)
- Дай Чуньян, Чжан Лун.** Дуньхуан Цицзявань – сицзинь шилуго муцзан фацзюэ баогао [Цицзявань в Дуньхуане: Отчет о раскопках погребений эпохи западной Цзинь и Шестнадцати варварских государств]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1994. 204 с., 48 ил. (на кит. яз.)
- Ма Шичжан, Сунь Гочжан.** Дуньхуан цзинь му [Цзиньские погребения в Дуньхуане] // Каогу. 1974. № 3. С. 191–199, вкл. 7. (на кит. яз.)
- У Жэньсян.** Цзюцюань, Цзяюйгуань цзинь мудэ фацзюэ [Раскопки цзиньских погребений в Цзюцюане и Цзяюйгуане] // Вэньу. 1979. № 6. С. 1–17, вкл. 1–3. (на кит. яз.)
- У Хун, Ван Юньань.** Ганьсу Юймэнь Цзиньцилян шилуго муцзан фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках погребений эпохи Шестнадцати варварских государств в Цзиньцилян, Юймэнь, Ганьсу] // Вэньу. 2011. № 2. С. 26–39. (на кит. яз.)
- Цзюцюань шилуго му бихуа [Настенные росписи погребения эпохи Шестнадцати варварских государств в Цзюцюане]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1989. 103 с. (на кит. яз.)
- Чжун Чанфа, Нин Дусюэ.** Увэй Цзиньша гуншэ чуту Цянь Цинь цзяньюань шиэр нянь мубяо [Эпитафия 12-го года правления под девизом цзяньюань Ранней Цинь, найденная в коммуне Цзиньша в Увэе] // Вэньу. 1981. № 2. С. 8. (на кит. яз.)
- Чжунго каогусюэ. Саньго лян цзинь наньбэйчао цзюань / Ян Хун, Чжу Яньши чжубянь [Китайская археология. Троецарствие, две Цзинь, Северные и Южные династии / Гл. ред. Ян Хун, Чжу Яньши]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2018. 668 с. (на кит. яз.)

References

- Alimov I. A.** Sbornik Chzhu Yuya (1075? – после 1119) “Iz besed v Pinchzhou” – vazhnyi istochnik svedenii o sunskom Kitae [The collection “Pingzhou Table Talks” by Zhu Yu (1075? – after 1119) – an important source of the information about Song China]. In: Vostochnaya Aziya: veshchi, istoriya kollektcii, teksty: Sbornik MAE [East Asia: things, history of collections, texts: MAE Collection. Vol. 55]. St. Petersburg, Nauka, 2009, pp. 353–412. (in Russ.)
- Chinese Archaeology. The Three-Kingdoms to the Southern and Northern Dynasties Periods. Beijing, China Social Sciences Press, 2018, 688 p. (in Chin.)
- Dai Chunyang, Zhang Long.** Qijianwan at Dunhuang – Report on the Excavation of the Tombs of Western Jin Dynasty and Sixteen States Period. Beijing, Cultural Relics Publishing House, 1994, 204 p., 48 pl. (in Chin.)

- Gao Rong, Jia Xiaojun, Pu Zhongyuan.** Hanhua yu huhua: han tang shiqi Hexide minzu ronghe [Sinicization and Barbarization: the ethnic integration in Hexi during the Han and Tang Dynasties]. Beijing, China Social Sciences Press, 2018, 381 p. (in Chin.)
- Girchenko E. A.** Mogil'nye komplekсы perioda Wei i Zapadnoi Tszin' v okruge Tszyutsyuan' [Burial complexes of the Wei and Western Jin period in Jiuquan District]. In: The Great Silk Road: Tradition and Modernity: Collections of reports theses of the International science-practical conference, dedicated to the 90th anniversary prof. Mikhail V. Kryukov, held on November 14–15, 2022 at Novosibirsk State University, Russia. Novosibirsk, 2022, p. 25. (in Russ.)
- Ma Shizhang, Sun Guozhang.** Dunhuang jin mu [Jin Tombs in Dunhuang]. *Kaogu [Archaeology]*, 1974, no. 3, pp. 191–199, pl. 7. (in Chin.)
- Wall Paintings of the Sixteen Kingdoms Tomb at Jiuquan. Beijing, Cultural Relics Publishing House, 1989, 103 p. (in Chin.)
- Wei Zheng, Xin Long, Ning Yan.** Minzu jiaorong shiye xiade Shiliuguo muzang [Tombs of the Sixteen Kingdoms from the Perspective of Ethnic Blending]. *Zhongyuan wenwu [Cultural Relics of Central China]*, 2022, no. 4, pp. 24–37. (in Chin.)
- Wu Hong, Wang Yong'an.** Excavation of the Sixteen Kingdoms Tombs in Jinjiliang, Yumen, Gansu. *Wenwu [Cultural Relics]*, 2011, no. 2, pp. 26–39. (in Chin.)
- Wu Rengxiang.** Jiuquan, Jiayuguan jin mude fajue [Excavations of Jin Tombs in Jiuquan and Jiayuguan]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 1979, no. 6, pp. 1–17, pl. 1–3. (in Chin.)
- Yuan Ke.** Mify Drevnego Kitaya [Myths of Ancient China]. Moscow, Nauka, 1987, 527 p. (in Russ.)
- Zhong Changfa, Ning Duxue.** Wuwei Jinsha gongshe chutu Qian Qin jianyuan shier nian mubiao [A Stele with an Epitaph of the twelfth year of Jianyuan era of the Former Qin Dynasty unearthed at Jinsha Commune in Wuwei]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 1981, no. 2, p. 8. (in Chin.)

Информация об авторе

Мария Андреевна Кудинова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57204361448
WoS Researcher ID IUN-1771-2023
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

Information about the Author

Maria A. Kudinova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57204361448
WoS Researcher ID IUN-1771-2023
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

*Статья поступила в редакцию 26.02.2024;
одобрена после рецензирования 13.03.2024; принята к публикации 15.03.2024
The article was submitted on 26.02.2024;
approved after reviewing on 13.03.2024; accepted for publication on 15.03.2024*

Научная статья

УДК 902.21/904.59

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-129-142

Использование фаланг лошади населением чияликской культуры по материалам селища Ябалаклы-1 (Южный Урал)

Евгений Владимирович Русланов¹
Екатерина Александровна Ахметова²
Антон Владимирович Кисагулов³

¹ Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Уфа, Россия

² Башкирский государственный художественный музей им. М. В. Нестерова
Уфа, Россия

³ Институт экологии растений и животных
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

¹ butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

² kryklya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8135-813X>

³ akis9119@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8653-8359>

Аннотация

Представлены данные, полученные в ходе проведенного трасологического анализа комплекса орудий из кости лошади, вероятно, связанных с кожевенным производством. Они были обнаружены в ходе раскопок 2023 г. селища эпохи позднего Средневековья Ябалаклы-1 в среднем течении р. Дема (Южный Урал). Исследованию было подвергнуто 7 целых изделий из кости. В результате выделена и подробно охарактеризована группа орудий – шлифованные вторые фаланги лошади. Определены общие и специфические черты изготовления каждого изделия, их функциональная принадлежность и особенности использования. Изучение артефактов проводилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9 и цифрового микроскопа Andonstar AD208 с экраном 8,5 дюймов. Представленные в работе результаты отражают возможности комплексного подхода к исследованию вторых фаланг лошади, включающего в себя типологический, технологический, трасологический методы.

Ключевые слова

Южный Урал, река Дема, позднее Средневековье, чияликская культура, костяные орудия, трасология

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование»

Для цитирования

Русланов Е. В., Ахметова Е. А., Кисагулов А. В. Использование фаланг лошади населением чияликской культуры по материалам селища Ябалаклы-1 (Южный Урал) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 129–142. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-129-142

© Русланов Е. В., Ахметова Е. А., Кисагулов А. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 129–142
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 129–142

The Use of the Horse Phalanx by the Chiyalik Culture Population Based on the Materials of the Settlement of Yabalakly-1 (South Urals)

Evgeny V. Ruslanov¹, Ekaterina A. Akhmetova², Anton V. Kisagulov³

¹ Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

² Bashkir State Art Museum named after M. V. Nesterov
Ufa, Russian Federation

³ Institute of Plant and Animal Ecology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation

¹ butleger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

² kryklya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8135-813X>

³ akis9119@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8653-8359>

Abstract

The paper presents data obtained during the tracological analysis of the tools complex made of horse bone, probably related to the leather industry. They were discovered during the excavations of the late Medieval settlement of Yabalakly-1 in the middle reaches of the Dema River (Southern Urals) in 2023. 7 intact bone products were examined. As a result, a group of polished second phalanges of the horse was identified and described in detail. The general and specific features of the manufacture of each product, their functional affiliation and features of use were determined. The artifacts were studied using an MBS-9 binocular microscope and an Andonstar AD208 digital microscope with an 8.5-inch screen. The results presented in the work reflect the possibilities of an integrated approach to the study of the second phalanges of a horse, including typological, technological, and tracological methods.

Keywords

Southern Urals, Dema River, late Middle Ages, Chiyalik culture, bone tools, tracology

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant no. 23-78-10057 “Dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity to becoming part of Russia (4th century BC – 16th century): interdisciplinary archaeological research”

For citation

Ruslanov E. V., Akhmetova E. A., Kisagulov A. V. The Use of the Horse Phalanx by the Chiyalik Culture Population Based on the Materials of the Settlement of Yabalakly-1 (South Urals). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 129–142. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-129-142

Введение

С древнейших времен кости и рога диких, а позже и домашних животных служили сырьем для изготовления различных изделий, которые применялись в разных сферах жизнедеятельности [Петерс, 1986; Вус, Loronte, 2007; Stemp et al., 2016], в том числе и в кожевенном деле [Яворская, 2018]. Значительную часть всего комплекса археологических материалов, накопленных в ходе исследований чияликских памятников Южного Урала, составляют артефакты, изготовленные из кости, рога. Однако до последнего времени этой группе археологического материала не уделялось должного внимания. В лучшем случае предметы из остеологических материалов учитывались при публикации археологических комплексов [Гузбеков и др., 2022]. При этом исследователи, как правило, ограничивались описанием и первичной интерпретацией функционального назначения изделий [Мазитов, 2023; 2024].

Однако, как показывают примеры систематизации и комплексного анализа этой группы артефактов из раскопок других памятников Средневековья [Флерова, 2001; Smirnova, 2005; Сергеева, 2011], предметы из скелетных материалов могут выступать как дополнительный источник, обеспечивающий получение новой информации о ремесле, быте, социальном статусе и духовной культуре оставившего их населения, как это было сделано для болгарских

памятников домонгольского и золотоордынского времени [Закирова, 1988, с. 220, 221; 2013, с. 176, 177, 180; Руденко, 2005]. В литературе довольно часто можно встретить информацию по астрагалам с зашлифованной плоскостью (таранным костям) МРС или КРС [Усачук, 1996; Березин, Березина, 2009; Мыльников, Мыльникова, 2011; Федорук, Вальков, 2015; Кирюшин и др., 2022], упоминания же по вторым фалангам лошади в литературе встречаются крайне редко. Отсутствие специальных работ, посвященных предметам из кости и рога с памятников чияликской археологической культуры, определяет актуальность настоящего исследования.

В предлагаемой статье представлены результаты анализа орудий, изготовленных из костей лошади, обнаруженных в ходе раскопок 2023 г. комплексной Золотоордынской археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН селища эпохи позднего Средневековья Ябалаклы-1. Памятник находится в 1,17 км к северу от северной окраины с. Ябалаклы Чишминского района Республики Башкортостан на левом обрывистом берегу р. Дема. Памятник расположен на подтреугольном мысу, образованном современным руслом реки и старичным озером Дога-куле. Площадка памятника ровная, высотой 2–3 м над урезом воды, покрыта луговой растительностью. К северу площадка селища резко понижается на 1,5–2 м. Это связано с тем, что в ходе меандрирования русло р. Дема поменяло свое положение, сместившись к востоку и оставив после себя старичное озеро Дога-куле. Площадь памятника по результатам исследований 2023 г. составляет около 5,4 га. Полученный археологический материал (фрагменты корчаг, кашинная посуда, стремяна, стрелы, бронзовое зеркало, части чугунных котлов) позволяет датировать время существования памятника в пределах XIV в. и отнести к кругу синхронных селищ чияликской культуры Горновского археологического микрорайона [Русланов, 2022; 2023] (рис. 1).

Материалы и методы

Остеологическая коллекция представлена 6 908 экземплярами, из них 390 костей лошади (5 %). Нами отмечены 7 вторых фаланг лошади со следами обработки. Помимо костей лошади найдены 2 таранных кости мелкого рогатого скота со следами обработки (искусственное отверстие и стертость одной из сторон кости), таранная кость крупного рогатого скота с нанесенной на одну из сторон крестообразной штриховкой, а также клык собаки с заполированным корнем зуба (вероятно, подвеска). Данная работа посвящена обработанным костям лошади, остатки других видов животных требуют дальнейших исследований. Четыре фаланги от передней конечности, три от задней. У одной из костей виден шов прирастания проксимального эпифиза. Возраст данной особи составлял около 1 года. Остальные фаланги принадлежат взрослым особям старше 1 года. Не представляется возможным сказать, есть ли среди представленных костей парные фаланги от одной особи. Сравнение размеров обработанных человеком фаланг с прочими вторыми фалангами лошадей из культурного слоя памятника не показало каких-либо значимых различий. Это свидетельствует об отсутствии избирательности костей в процессе изготовления изделий. Для достоверных статистических результатов требуется дальнейшее изучение материала. Для изучения костяных орудий использовалась методика трасологического анализа С. А. Семенова [1957]. Поверхность артефактов была изучена с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9, в результате выявлено наличие следов от работы на задней стороне фаланг, определены их характерные особенности. Для фотофиксации следов использовался цифровой микроскоп Andonstar AD208 с экраном 8,5 дюймов. Кости хорошей сохранности, с неповрежденной надкостницей, были подвергнуты сухой очистке и очистке раствором этанол / вода ватными тампонами. Перед проведением исследований под микроскопом поверхность кости обезжиривалась ватными тампонами с ацетоном.

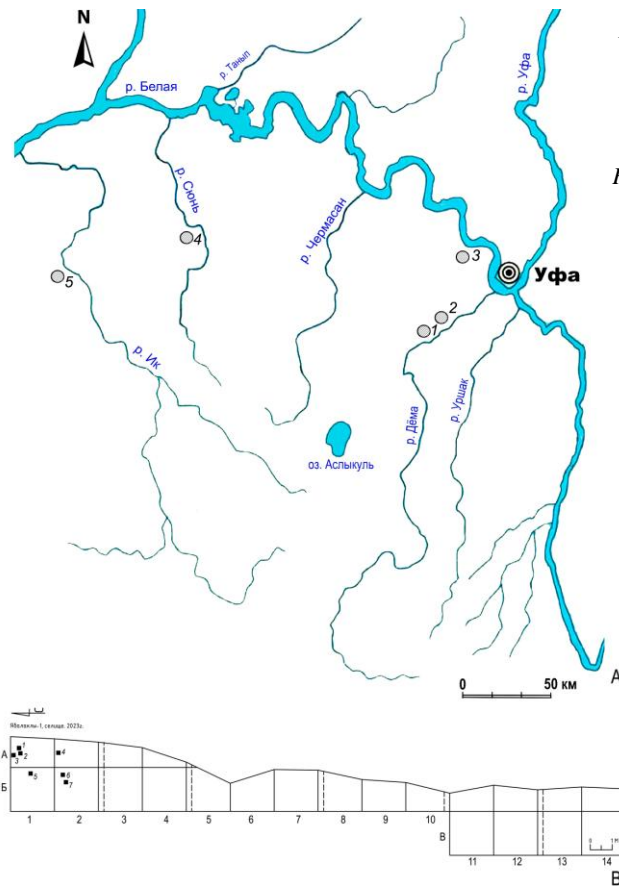

Рис. 1. А – селища чияликской археологической культуры с определенными до вида костями животных:
1 – Ябалаклы-1; 2 – Горново; 3 – Подымалово-1;
4 – Чиялик; 5 – Меллятамак-VI;

В – план раскопа, отмечены места находок

Fig. 1. A – Settlements of the Chiyalik archaeological culture with pre-defined animal bones:

1 – Yabalakly-1; 2 – Gornovo; 3 – Podymalovo-1;
4 – Chiyalik; 5 – Mellyatamak-VI;

B – the excavation plan, the places of finds are marked

Результаты. Изделие № 1 (рис. 2, 1). Местонахождение: кв. А1, горизонт 5, хозяйственная яма № 1. Имеет размеры $5 \times 5,4 \times 2,6$ см. Вторая фаланга (венечная кость) лошади. Повреждения кости с правой стороны головки. Поверхность кости испещрена следами от жизнедеятельности растений и микроорганизмов. Волярная (плантарная) поверхность фаланги плоская, сформирована путем срезания. Губчатое вещество головки фаланги обрезано. Разгибательный отросток фаланги подрезан. Рабочая поверхность плоская, без зазубрин. Основная область зоны износа на рабочей поверхности орудия – задняя часть фаланги. Заполировка занимает всю поверхность, слегка заглаживает рельеф на рабочем участке и проникает почти во все углубления микрорельефа и губчатого вещества, мягко сглаживает острые углы негативов срезов. На лицевой стороне кости также фиксируется блеск, но неравномерный, преимущественно на выступающих участках. Граница зон заполировки и непо потревоженных участков поверхности выделяется четко. Область заполировки занимает всю заднюю поверхность и немного заходит на боковые стороны кости. Переход от матового фона неизношенной зоны к участкам неразвитой заполировки заметен на блике. Блеск заполировки жирный, яркий, виден без микроскопа, сильно сглаживает заломы кости и губчатое вещество. Заметно ярче матовой поверхности непо потревоженной кости.

Изделие № 2 (рис. 2, 2). Местонахождение: кв. А1, горизонт 10, хозяйственная яма № 1. Размеры орудия $4,1 \times 4,8 \times 2,9$ см. Вторая фаланга (венечная кость) лошади. Хорошей сохранности. Плотная и равномерная поверхность. На поверхности четко фиксируются следы, которые образовались при обработке и изготовлении данного инструмента. Сгибательный отросток фаланги срезан до равной площадки. Подрезаны боковые части фаланги, а также срезана задняя сторона фаланги. Поверхность задней части фаланги плоская. Срезы сделаны с заломы, небрежно, остались вертикальные следы от режущего инструмента. На головке

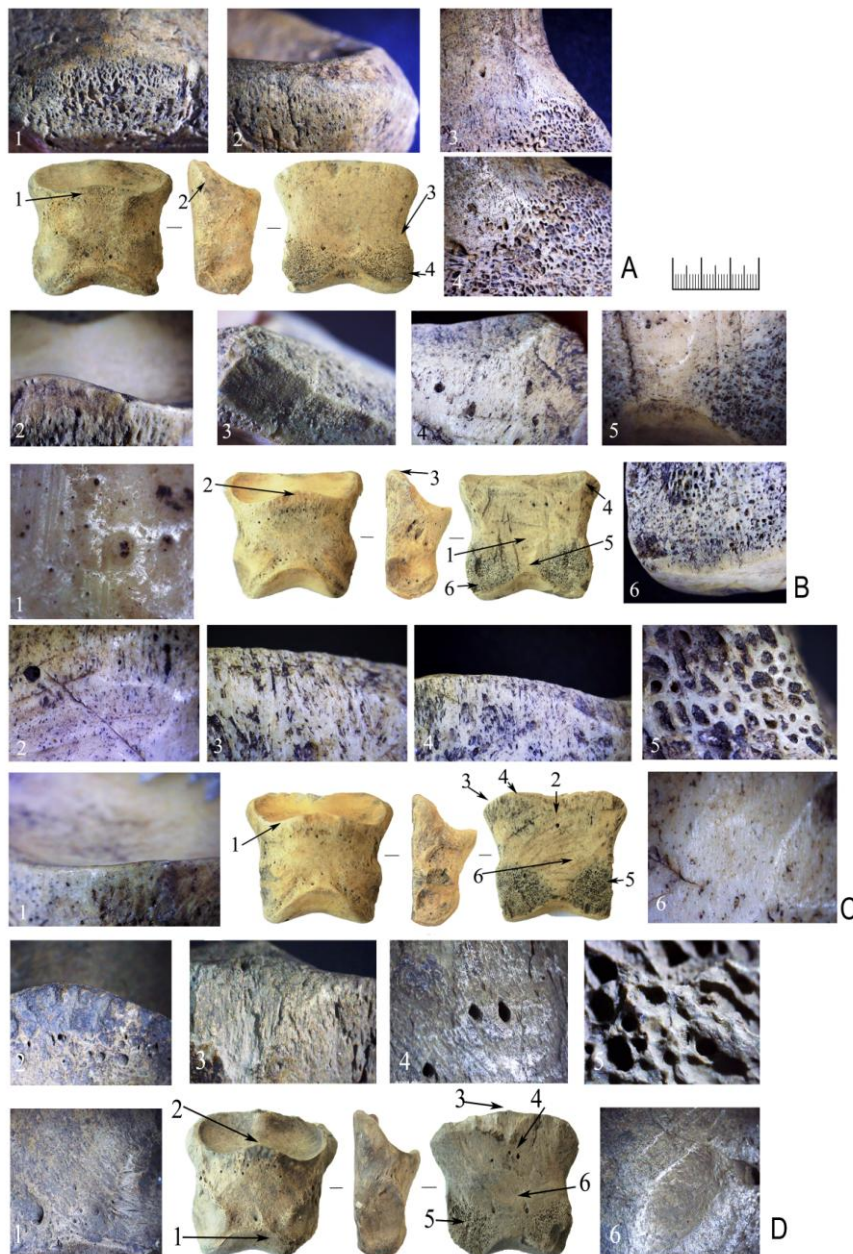

Рис. 2. Селище Ябалаклы-1. Костяные орудия № 1–4.
 A – изделие 1; B – изделие 2; C – изделие 3; D – изделие 4. Увеличение ×20
 Fig. 2. Settlements of Yabalakly-1. Bone tools № 1–4.
 A – product 1; B – product 2; C – product 3; D – product 4. Magnification ×20

средней фаланги также отмечаются негативы от срезов или соскабливания суставной поверхности. Рабочая поверхность уплощенная, неровная, с неровными и гранями, сохранившимися от формирования плоскости, и слегка вогнутая в центре. Основная область зоны износа на рабочей поверхности орудия – задняя часть фаланги. Заполировка слегка заглаживает рельеф на рабочем участке, не проникает в углубления микрорельефа и губчатого вещества, мягко сглаживает острые углы негативов срезов. На лицевой стороне кости блеск виден только на острых гранях срезов и кромках фаланги. Граница зон заполировки и непо потревоженных участков поверхности выделяется четко. Область не заходит на боковые стороны

кости. Переход от матового фона неизношенной зоны к участкам неразвитой заполировки хорошо виден. Блеск заполировки жирный, яркий, виден без микроскопа, практически не заходит в углубления микрорельефа и в губчатое вещество. Заметно ярче матовой поверхности непотроженной кости, возможно, это связано с длительностью использования в качестве орудия.

Изделие № 3 (рис. 2, 3). Местонахождение: кв. А1, горизонт 9, хозяйственная яма № 1. Размеры орудия $4,4 \times 5 \times 3$ см. Вторая фаланга (венечная кость) лошади хорошей сохранности. Плотная и равномерная поверхность. На поверхности четко фиксируются следы, которые образовались при обработке и изготовлении данного инструмента. Подрезаны боковые части фаланги, а также срезана задняя сторона фаланги. Поверхность задней части фаланги плоская. Срезы сделаны с заломами, небрежно, остались диагональные негативы срезов от режущего предмета. Грани негативов, слегка стертые, закруглены и заполированы. На головке средней фаланги также отмечается негатив от среза суставной поверхности. Рабочая поверхность уплощенная, неровная, с неровными и гранями, сохранившимися от формирования плоскости. Слегка вогнутая в центре. Основная область зоны износа на рабочей поверхности орудия – задняя часть фаланги. Заполировка слегка заглаживает рельеф на рабочем участке, не проникает в углубления микрорельефа, мягко сглаживает острые углы негативов срезов. На лицевой стороне кости блеск отсутствует. Граница зон заполировки и непотроженных участков поверхности выделяется четко. Область не заходит на боковые стороны кости. Губчатое вещество практически не участвовало в работе и лишь слегка выкрошено. Блеск заполировки жирный, яркий, виден без микроскопа, практически не заходит в углубления микрорельефа и в губчатое вещество, возможно, данный факт связан с длительностью использования в качестве орудия.

Изделие № 4 (рис. 2, 4). Местонахождение: кв. А2, горизонт 2. Размеры орудия $4,4 \times 5,1 \times 2,8$ см. Вторая фаланга (венечная кость) лошади хорошей сохранности. Поверхность равномерно плотная. Кость темно-коричневая, сероватая с вертикальной трещиной на сгибательной поверхности. Также на сгибательной поверхности наблюдаются утраты и выкрошенности поверхности, образовавшиеся в процессе залегания в почве. Утрачена правая часть поверхности головки. При предварительной подготовке кости срезана только выступающая часть головки на задней части фаланги, убрано губчатое вещество, поэтому задняя поверхность слегка выпуклая. Больше следов подработки нет. На головке средней фаланги также отмечаются негативы от соскабливания суставной поверхности. Рабочая поверхность уплощенная, неровная, слегка выпуклая. Основная область зоны износа на рабочей поверхности орудия – задняя часть фаланги. Заполировка слегка заглаживает рельеф на рабочем участке, не проникает в углубления микрорельефа, мягко сглаживает острые углы негативов срезов. На лицевой стороне кости заполированные участки небольшие, располагаются по центру и на выступающих частях. Граница зон заполировки и непотроженных участков поверхности выделяется четко. Область не заходит на боковые стороны кости. Губчатое вещество слегка выкрошено и с небольшим участком заполировки по правому краю. Блеск заполировки жирный, яркий, виден без микроскопа.

Изделие № 5 (рис. 3, 1). Местонахождение: кв. Б1, горизонт 2. Размеры орудия $4,1 \times 4,8 \times 3,1$ см. Вторая фаланга (венечная кость) лошади плохой сохранности. Утрата фрагмента на разгибательном отростке (раскопчные разрушения). Кость пористая, поверхность кости частично осыпалась. В связи с этим следы, образовавшиеся при изготовлении, плохо фиксируются. Поверхность задней части фаланги плоская. Срезаны выступающие части головки на задней стороне фаланги. На головке средней фаланги также отмечается негатив от среза суставной поверхности. Рабочая поверхность уплощенная, неровная, с неровными и гранями, сохранившимися от формирования плоскости. Слегка вогнутая в центре. Основная область зоны износа на рабочей поверхности орудия задней поверхности фаланги. Также частично заполировку видно на срезанном губчатом веществе и на кромке сгибательной поверхности. Граница зон заполировки и непотроженных участков поверхности выделяется

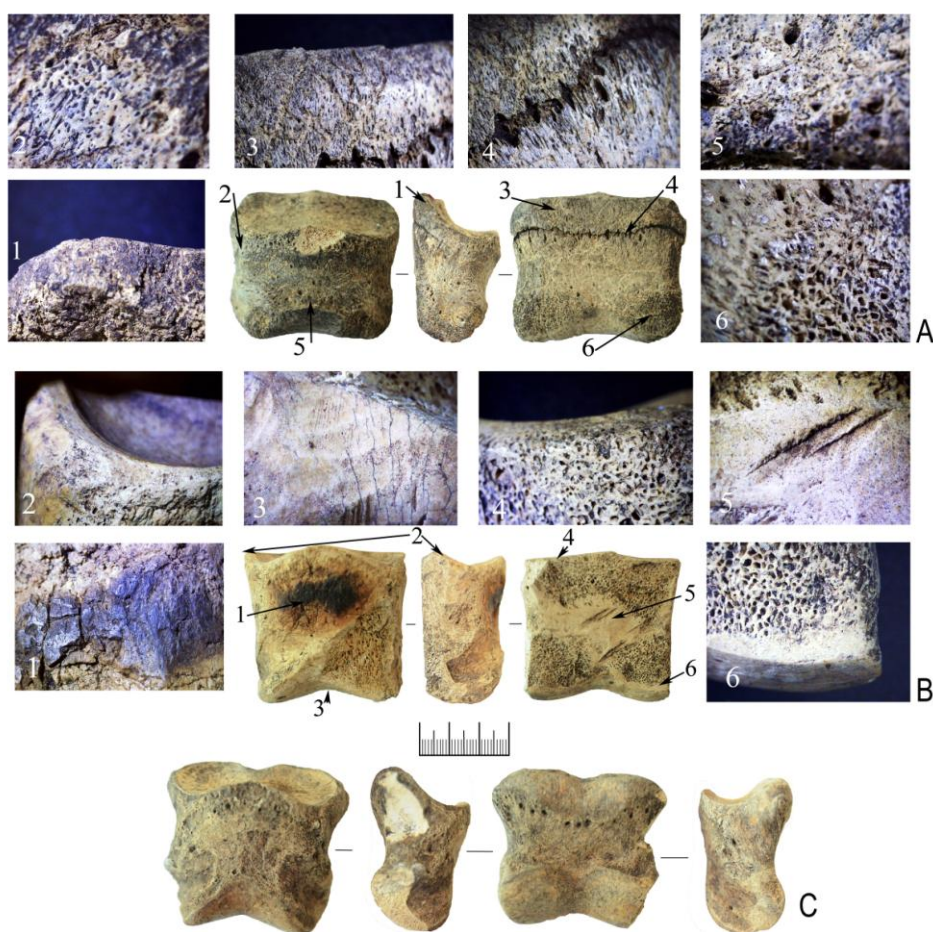

Рис. 3. Селище Ябалаклы-1. Костяные орудия № 5–7.
 А – изделие 1; В – изделие 2; С – изделие 3. Увеличение $\times 20$
 Fig. 3. Settlements of Yabalakly-1. Bone tools № 5–7.
 А – product 1; В – product 2; С – product 3. Magnification $\times 20$

четко. Блеск заполировки жирный, яркий, виден без микроскопа, практически не заходит в углубления микрорельефа и в губчатое вещество. Область не заходит на боковые стороны кости. Губчатое вещество выкрошено, но местами еще сохранились фрагменты с рабочей поверхностью.

Изделие № 6 (рис. 3, 2). Местонахождение: кв. Б2, горизонт 2. Размеры орудия $4,7 \times 4,5 \times 2,7$ см. Вторая фаланга (венечная кость) лошади. Повреждения кости с правой стороны головки, утрата части компактной ткани и губчатого вещества. Фиксируется 2 среза на сгибательной поверхности, подрезана поверхность по бокам разгибательного отростка. Боковые стороны также подработаны несколькими срезами. Поверхность задней части фаланги плоская. Обнажено губчатое вещество на верхней и нижней частях плоскости. Срезы сделаны с заломы, небрежно, остались диагональные следы с заломы от режущего инструмента. На головке средней фаланги также отмечаются негативы от срезов или соскабливания суставной поверхности. Основная область зоны износа на рабочей поверхности орудия – задняя часть фаланги. Заполировка занимает всю поверхность, слегка заглаживает рельеф на рабочем участке и проникает почти во все углубления микрорельефа и губчатого вещества, мягко сглаживает острые углы негативов срезов. На лицевой стороне кости также фиксируется блеск, но неравномерный, преимущественно на выступающих участках. Граница зон заполировки и неполированных участков поверхности выделяется четко. Область заполировки

занимает всю заднюю поверхность и немного заходит на боковые стороны кости. Переход от матового фона неизношенной зоны к участкам неразвитой заполировки заметен на блике. Блеск заполировки жирный, яркий, виден без микроскопа, сильно сглаживает заломы кости и губчатое вещество. Заметно ярче матовой поверхности непотревоженной кости. Предположительно, предмет подправляли в ходе использования: поверхность со следами износа ярче по центру рабочего участка.

Изделие № 7 (рис. 3, 3). Местонахождение: кв. Б2, горизонт 2. Размеры орудия $5 \times 5,4 \times 3,3$ см. Вторая фаланга лошади. Фаланга повреждена в процессе раскопок. Несколько сколов поверхности кости с левой стороны. Фаланга не обрабатывалась и является естественной костью без обработки и без следов использования. Использовалась в качестве примера естественной поверхности при исследовании вышеперечисленных фаланг. Венечная кость второй фаланги (*os phalangis secundae*) находится между путовой, копытовидной и челночной костями и при правильном положении первой фаланги имеет одинаковое с ней направление.

Обсуждение

Визуальное исследование поверхности, а также исследование, проведенное с помощью микроскопа, позволяет наметить в общих чертах схему технологии их изготовления и уточнить в ряде случаев функциональное назначение орудий. Наличие ряда однотипных предметов дает нам возможность проследить технологические этапы их изготовления и использования в качестве инструментов для обработки мягких материалов. На основании изученной литературы и консультаций с коллегами¹ мы предполагаем, что подготовка и использование орудий проходило следующим образом: обработка исходной кости, выведение рабочей поверхности, использование всей подготовленной плоскости [Усачук, 1996; Вальков и др., 2000; Панковский, 2000; Munzel, Conard, 2004; Руденко, 2005; Березин, Березина, 2009; Stemp et al., 2016; Скакун и др., 2017; Яворская, 2018; Вальков, 2019; Тузбеков и др., 2022].

На стадии подготовки фаланги подрабатывались с плантарной поверхности, снимались выступы и бугорки, поверхность выравнивалась для работы, вероятно, металлическими инструментами – срезы четкие и гладкие. На нескольких фалангах, как было указано в описаниях, имеются плоскостные технологические срезы и на боковых поверхностях [Бородовский, 1989; Munzel, Conard, 2004, fig. 5, 6; Buc, Loponte, 2007]. Как правило, компактную ткань на верхней части плоскости не убирали. Данные технологические следы видны на всех исследуемых орудиях (исключая природную кость, естественно).

Рабочая поверхность располагалась по всей плоскости задней части фаланги и частично заходила на боковые поверхности. При работе с кожаными материалами на поверхности инструментов образуется жирная проникающая заполировка, видимая невооруженным глазом [Жоробкова, Шаровская, 2001; Грушин, Вальков, 2014; Молчанов, Андреева, 2016]. Поскольку на рабочей поверхности фаланг, а также на кромках присутствовала только заполировка, без четких линейных следов, рискнем предположить, что орудия не использовались при начальной сгонке волоса (описание данных следов с фотографиями можно найти во многих работах исследователей кожевенного производства, см., например: [Бородовский, 1989; 1997, с. 120; 2008; Килейников, 2009, с. 99]).

Подобные изменения на поверхности кости исследователи интерпретируют как следы, образовавшиеся вследствие работы по мягким материалам (вероятно, по коже).

Выводы

Анализируя ябалаклинскую коллекцию костяных орудий на вторых фалангах, мы приходим к выводу, что у чияликского населения имелись орудия, использовавшиеся, вероятно, в кожевенном производстве. Часть орудий изготавливались из костей домашних животных

¹ Авторы признательны за консультации канд. ист. наук, старшему научному сотруднику сектора археологии и природных реконструкций Тюменского НЦ СО РАН (Тюмень) С. Н. Скочиной и старшему инженеру лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (Кемерово) И. А. Валькову.

(в данном случае вторые фаланги лошади). Подобные орудия, кроме Ябалаклов-1, встречаются на селище Подымалово-1. Трудовые операции, связанные с кожевенным производством, производились, по всей видимости, вблизи построек, так как большинство находок сконцентрировано в хозяйственных ямах. Видимо, кожевенное дело играло роль подсобного домашнего производства и не требовало каких-либо специальных навыков по изготовлению орудий труда. Подводя итоги, отметим, что аналогии рассмотренным материалам прослеживаются на широких просторах Северной Евразии в разных культурах от эпохи энеолита до позднего Средневековья. Однако вторые фаланги лошади с селища Ябалаклы-1 обладают определенной спецификой, выделяющей их из предметов с синхронных памятников (селище Подымалово-1). Полученные материалы расширяют наши представления о хозяйственной деятельности населения чияликской культуры Южного Урала. Однако предложенная историко-культурная интерпретация артефактов является предметом дискуссии и требует дальнейшего обсуждения.

При продолжении работ на селище Ябалаклы-1 и поступлении новых материалов из синхронных памятников можно будет вернуться к работе с предложенными гипотезами использования фаланг лошади с помощью экспериментальных исследований. На данный момент их функциональная интерпретация сводится к использованию в качестве комбинированных орудий, применяемых в операциях по обработке мягких материалов (возможно, кожи).

Список литературы

- Березин А. Ю., Березина Н. С.** Результаты изучения остеологического материала стоянки-мастерской Шолма I (по итогам раскопок 2007 г.) // Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности: Сб. науч. ст., посвящ. 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 113–128.
- Бородовский А. П.** Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя (информационные материалы). Свердловск: Изд-во Ин-та истории и археологии, 1989. С. 23–25.
- Бородовский А. П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- Бородовский А. П.** Методика исследования древнего косторезного производства. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. 102 с.
- Вальков И. А.** Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии // Вестник Кемеров. гос. ун-та. № 21 (3). 2019. С. 574–584.
- Вальков И. А., Папин Д. В., Федорук А. С.** Костяные изделия развитого и позднего бронзового века с поселения Жарково-3 (степной Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 73–85. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-73-85
- Грушин С. П., Вальков И. А.** Особенности изготовления и использования костяных орудий в кожевенном деле населения елунинской культуры // Изв. АлтГУ. 2014. С. 68–73.
- Закирова И. А.** Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 220–243.
- Закирова И. А.** Косторезное ремесло // Великий Болгар. Москва; Казань: Феория, 2013. С. 176–181.
- Килейников В. В.** Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. С. 96–113.
- Кирюшин К. Ю., Косинцев П. А., Макаревич Ш., Толпеко И. В.** Использование фаланг быков населением Северной Кулунды в энеолите (по материалам поселения Новоильинка-VI) // Вестник Ом. ун-та. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 173–185.

- Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А.** Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим данным) // Археологические вести. 2001. № 8. С. 88–98.
- Мазитов Д. Р.** Костяные изделия с раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2023. С. 168–170.
- Мазитов Д. Р.** Костяные изделия с раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье // LVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Уфа: Самрау, 2024. С. 255–258.
- Молчанов И. В., Андреева О. С.** Диагностика следов изнашивания костяных орудий труда по экспериментально-трасологическим данным // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74). С. 114–118.
- Мыльников В. П., Мыльникова Л. Н.** Костяной инвентарь с поселения Линево-1 переходного от бронзы к железу времени // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5. С. 183–195.
- Панковский В. Б.** Подходы к изучению специализации и организационных форм косторезного и кожевенного производств в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 95–97.
- Петерс Б. Г.** Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 185 с.
- Руденко К. А.** Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха Средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Изд-во Казан. ин-та археологии, 2005. С. 67–97.
- Русланов Е. В.** Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267.
- Русланов Е. В.** Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 118–130. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130
- Семенов С. А.** Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
- Скакун Н. Н., Плиссон Х., Галимова М. Ш., Жилин М. Г., Эредиа Х., Павлик А., Терехина В. В., Савченко С. Н., Ахметгалеева Н. Б., Матева Б., Мартинез Фернандес Г., Афонсо Марреро Х. А., Хоу Я. М.** Значение экспериментально-трасологических исследований для изучения древних костяных изделий // Археология Евразийских степей. Каменный век и начало эпохи металла. 2017. № 2. С. 301–316.
- Сергеева М. С.** Косторізна справа у Стародавньому Києві. Киев: КНТ, 2011. 256 с.
- Тузбеков А. И., Григорьева И. М., Рослякова Н. В.** Результаты археозоологического исследования остеологического материала из раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье (2019) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 3. С. 37–50.
- Усачук А. Н.** Трасологический анализ костяных изделий срубного поселения Красный Яр на Дону // Донно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и материалы конф. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1996. С. 69–73.
- Федорук А. С., Вальков И. А.** Орудия кожевенного производства поселения Жарково-3 // Изв. АлтГУ. 2015. № 4-2. С. 229–234.
- Флерова В. Е.** Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв. СПб.: Алетей, 2001. 254 с.
- Яворская Л. В.** Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 68–73.

- Buc N., Loponte D.** Bone Tool Types and Microwear Patterns: Some Examples from the Pampa Region, South America // *Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies*. *Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies* / Eds. C. Gates St-Pierre, R. B. Walker. British Archaeological Reports. 2007. Vol. 1622. P. 143–157.
- Munzel S. C., Conard N. J.** Change and Continuity in Subsistence during the Middle and Upper Palaeolithic in the Ach Valley of Swabia (South-west Germany) // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2004. No. 14. P. 225–243.
- Smirnova L.** Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An Industry in Transition. Oxford: BAR International Series 1369, 2005, 334 p.
- Stemp W. J., Watson A. S., Evans A. A.** Topical review: Surface analysis of stone and bone tools // *Surface Topography: Metrology and Properties*. 2016. Vol. 4. P. 1–25

References

- Berezin A. Yu., Berezina N. S.** Rezul'taty izucheniya osteologicheskogo materiala stoyanki-masterskoi Sholma I (po itogam raskopok 2007 g.). [Results of the study of osteological material from the Sholma I workshop site (based on the results of excavations in 2007)]. In: *Srednee Povolzh'e i Ural: chelovek i priroda v drevnosti. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 75-letiyu d.i.n. Evgeniya Petrovicha Kazakova* [Middle Volga region and the Urals: man and nature in ancient times. Collection of scientific articles dedicated to the 75th anniversary of Doctor of History Evgeniy Petrovich Kazakova]. Kazan, Fen AN RT Publ., 2009, pp. 113–128. (in Russ.)
- Borodovsky A. P.** Priznaki razmyagcheniya iskhodnogo syr'ya pri izgotovlenii kostyanykh i rogovykh predmetov v epokhu metallov [Signs of softening of raw materials in the manufacture of bone and horn objects in the age of metals]. In: *Tekhnicheskii i social'nyi progress v epokhu pervobytnoobshhinnogo stroya (informatsionnye materialy)* [Technical and social progress in the era of primitive communal system (information materials)]. Sverdlovsk, Institute of History and Archaeology Publ., 1989, pp. 23–25. (in Russ.)
- Borodovsky A. P.** Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n. e. – pervaya polovina II tys. n. e.) [Ancient bone-cutting in the south of Western Siberia (the second half of the 2nd millennium BC – the first half of the 2nd millennium AD)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1997, 224 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P.** Metodika issledovaniya drevnego kostoreznogo proizvodstva [Research methodology of ancient bone-cutting production]. Novosibirsk, NSU Press, 2008, 102 p. (in Russ.)
- Buc N., Loponte D.** Bone Tool Types and Microwear Patterns: Some Examples from the Pampa Region, South America. *Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies*. Eds. C. Gates St-Pierre, R. B. Walker. British Archaeological Reports, 2007, vol. 1622, pp. 143–157.
- Fedoruk A. S., Valkov I. A.** Orudiya kozhevennogo proizvodstva poseleniya Zharkovo-3 [Tannery tools from the Zharkovo-3 settlement]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University], 2015, no. 4-2, pp. 229–234. (in Russ.)
- Flerova V. E.** Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vv. [Carved bone of south-eastern Europe 9th – 12th centuries]. St. Petersburg, Aleteiya, 2001, 254 p. (in Russ.)
- Grushin S. P., Valkov I. A.** Osobennosti izgotovleniya i ispol'zovaniya kostyanykh orudii v kozhevennom dele naseleniya eluninskoi kul'tury [Peculiarities of the manufacture and use of bone tools in tanning by the population of the Elunin culture]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo Universiteta* [News of Altai State University], 2014, pp. 68–73. (in Russ.)
- Kileynikov V. V.** Obrabotka shkur i vydelka kozhi u naseleniya epokhi bronzy v lesostepnom Podon'e [Processing of hides and leather dressing among the population of the Bronze Age in the forest-steppe region]. *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi* [Archeology of the

- Eastern European forest steppe]. Voronezh, Voronezh State Uni. Press, 2009. pp. 96–113. (in Russ.)
- Kiryushin K. Yu., Kosintsev P. A., Makarevich Sh., Tolpeko I. V.** Ispol'zovanie falang bykov naseleniem Severnoi Kulundy v eneolite (po materialam poseleniya Novoil'inka-VI). [The use of bull phalanxes by the population of Northern Kulunda in the Eneolithic (based on materials from the Novoilinka-VI settlement)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"], 2022, vol. 9, no. 4 (36), pp. 173–185. (in Russ.)
- Korobkova G. F., Sharovskaya T. A.** Kostyanye orudiya kamennogo veka (diagnostika sledov iznashivaniya po arkheologicheskim dannym) [Bone tools of the Stone Age (diagnosis of signs of wear based on archaeological data)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2001, no. 8, pp. 88–98. (in Russ.)
- Mazitov D. R.** Kostyanye izdeliya s raskopok selishcha Podymalovo-1 v Bashkirskom Priural'e. [Bone artifacts from excavations of the settlement of Podymalovo-1 in the Bashkir Urals]. In: LV Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii [LV Ural-Volga region archaeological conference of students and young scientists. Materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Izhevsk, 2023, pp. 168–170. (in Russ.)
- Mazitov D. R.** Kostyanye izdeliya s raskopok selishcha Podymalovo-1 v Bashkirskom Priural'e [Bone products from the excavations of the Podymalovo-1 settlement in the Bashkir Urals]. In: LVI Ural-Volga Archaeological Conference of Students and Young Scientists [LVI Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh]. Ufa, Samrau Publ., 2024, pp. 255–258. (in Russ.)
- Molchanov I. V., Andreeva O. S.** Diagnostika sledov iznashivaniya kostyanykh orudii truda po eksperimental'no-trasologicheskim dannym. [Diagnostics of wear traces of bone tools using experimental and traceological data]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2016, no. 12 (74), pp. 114–118. (in Russ.)
- Munzel S. C., Conard N. J.** Change and Continuity in Subsistence during the Middle and Upper Palaeolithic in the Ach Valley of Swabia (South-west Germany). *International Journal of Osteoarchaeology*, 2004, no. 14, pp. 225–243.
- Mylnikov V. P., Mylnikova L. N.** Kostyanoi inventar' s poseleniya Linevo-1 perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni. [Bone implements from the Linevo-1 settlement of the transitional period from bronze to iron times]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, iss. 5, pp. 183–195. (in Russ.)
- Peters B. G.** Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Bone carving in the ancient states of the Northern Black Sea region] Moscow, Nauka, 1986, 185 p. (in Russ.)
- Rudenko K. A.** Bulgarskie izdeliya iz kosti i roga [Bulgar products made of bone and horn]. In: Drevnosti Povolzh'ya: epokha srednevekov'ya (issledovaniya kul'turnogo naslediya Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy). [Antiquities of the Volga region: the Middle Ages (studies of the cultural heritage of Volga Bulgaria and the Golden Horde)]. Kazan, Kazan Institute of Archaeology Publ., 2005, pp. 67–97. (in Russ.)
- Ruslanov E. V.** Gornovskii arkheologicheskii kompleks zolotoordynskogo vremeni v Predural'e: k 60-letiyu nauchnogo izucheniya. [Gornovsky archaeological complex of the Golden Horde period in the Urals: to the 60th anniversary of scientific study]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], 2022, no. 6, pp. 253–267. (in Russ.)

- Ruslanov E. V.** The Yabalakly-1 Settlement: New Materials on the Chiyalik Culture of the Southern Urals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 118–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130
- Semenov S. A.** Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty). [Primitive technology (experience of studying the most ancient tools and products based on traces of work)]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, 240 p. (in Russ.)
- Sergeeva M. S.** Kistorizna sprava u Starodavn'omu Kievi [Bone-cutting business in ancient Kyiv]. Kiev, KNT, 2011, 256 p. (in Ukr.)
- Skakun N. N., Plisson H., Galimova M. Sh., Zhilin M. G., Heredia H., Pavlik A., Terekhina V. V., Savchenko S. N., Akhmetgaleeva N. B., Mateva B., Martinez Fernandez G., Afonso Marrero H. A., Hou Ya. M.** Znachenie eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy dlya izucheniya drevnikh kostyanykh izdelii [The importance of experimental traceological studies for the study of ancient bone products]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 2017, no. 2, pp. 301–316. (in Russ.)
- Smirnova L.** Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An Industry in Transition. Oxford, BAR International Series 1369, 2005, 334 p.
- Stemp W. J., Watson A. S., Evans A. A.** Topical review: Surface analysis of stone and bone tools. *Surface Topography: Metrology and Properties*, 2016, vol. 4, pp. 1–25.
- Tuzbekov A. I., Grigorieva I. M., Roslyakova N. V.** Rezul'taty arkheozoologicheskogo issledovaniya osteologicheskogo materiala iz raskopok selishcha Podymalovo-1 v Bashkirskom Priural'e (2019) [Results of an archaeozoological study of osteological material from excavations at the settlement of Podymalovo-1 in the Bashkir Urals (2019)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]*, 2022, no. 3, pp. 37–50. (in Russ.)
- Valkov I. A.** Osobennosti trasologicheskogo analiza artefaktov iz kosti v arkheologii. [Features of traceological analysis of bone artifacts in archeology] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2019, no. 21 (3), pp. 574–584. (in Russ.)
- Valkov I. A., Papin D. V., Fedoruk A. S.** Bone Artifacts of the Middle and Late Bronze Age from the Settlement Zharkovo-3 (Steppe Altai). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 73–85. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-73-85
- Usachuk A. N.** Trasologicheskii analiz kostyanykh izdelii srubnogo poseleniya Krasnyi Yar na Donu [Traceological analysis of bone products from the log-frame settlement of Krasnyi Yar on the Don]. In: Donno-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi: Tezisy dokladov i materialy konferentsii [Don-Donetsk region in the system of Bronze Age antiquities of the Eastern European steppe and forest-steppe: Abstracts of reports and conference materials]. Voronezh, Voronezh State Uni. Press, 1996, pp. 69–73. (in Russ.)
- Yavorskaya L. V.** Produktsiya skotovodstva v zolotoordynskom Madzhare: myasnye produkty i remeslennyye proizvodstva [Livestock products in the Golden Horde Majar: meat products and handicrafts]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei [Archeology of the Eurasian steppes]*, 2018, no. 5, pp. 68–73. (in Russ.)
- Zakirova I. A.** Kostoreznoe delo Bolgara [Bolgar bone carving]. In: Gorod Bolgar: ocherki remeslennoi deyatelnosti [City of Bolgar: essays on craft activities]. Moscow, 1988, pp. 220–243. (in Russ.)
- Zakirova I. A.** Kostoreznoe remeslo [Bone carving craft]. In: Velikii Bolgar [Great Bolgar], Moscow, Kazan, Feoriya Publ., 2013, pp. 176–181. (in Russ.)

Информация об авторах

Евгений Владимирович Русланов, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57211030333

WoS Researcher ID HGT-7013-2022

RSCI Author ID 788431; SPIN 2633-0719

Екатерина Александровна Ахметова, художник-реставратор

RSCI Author ID 1098261; SPIN 7001-5897

Антон Владимирович Кисагулов, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57200101823

WoS Researcher ID ABF-1804-2020

RSCI Author ID 1091354; SPIN 1854-8221

Information about the Authors

Evgeny V. Ruslanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57211030333

WoS Researcher ID HGT-7013-2022

RSCI Author ID 788431; SPIN 2633-0719

Ekaterina A. Akhmetova, Art Restorer

RSCI Author ID 1098261; SPIN 7001-5897

Anton V. Kisagulov, Junior Researcher

Scopus Author ID 57200101823

WoS Researcher ID ABF-1804-2020

RSCI Author ID 1091354; SPIN 1854-8221

Вклад авторов:

Е. В. Русланов – сбор и анализ материала, систематизация результатов, подготовка текста статьи.

Е. А. Ахметова – проведение трасологического анализа, систематизация результатов, описание технологического процесса работы с костяными изделиями.

А. В. Кисагулов – проведение археозоологического определения остеологической коллекции.

Contribution of the Authors:

Evgeny V. Ruslanov – collection and analysis of material, systematization of results, preparation of the article.

Ekaterina A. Akhmetova – conducting a trasological analysis, systematization of the results, description of the technological process of working with bone products.

Anton V. Kisagulov – conducting an archaeozological determination of the osteological collection.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2023;
одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 13.02.2024
The article was submitted on 12.12.2023;
approved after reviewing on 10.02.2024; accepted for publication on 13.02.2024*

Научная статья

УДК 397+398

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-143-155

Дерево в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века)

Венарий Алексеевич Бурнаков

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
venariy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Аннотация

Впервые представлена характеристика дерева и его образа в мировоззренческом комплексе и ритуальной практике хакасов, связанной с похоронами человека. Вводятся в научный оборот архивные этнографические материалы. Целью является определение места и функции дерева и производных от него предметов в похоронной обрядности хакасов. Автор приходит к выводу о том, что в традиционном мировоззрении и обрядности хакасов дерево и его образ занимали важное место и наделялись обширной символикой, главным образом связанной с идеей перехода человека в потусторонний мир.

Ключевые слова

хакасы, традиционная культура, верования, дерево, образ, символ, похоронная обрядность, апотропей

Благодарности

Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм»

Для цитирования

Бурнаков В. А. Дерево в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 143–155. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-143-155

Tree in the Khakass Traditional Funeral Rites (Late 19th – Mid 20th Century)

Venariy A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
venariy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Abstract

Purpose. The sacralization of the tree and its involvement in ritual practice is one of the significant and widespread phenomena represented in the traditional culture of many peoples, including the Khakass. The life cycle of a person among this people ends with a funeral rite. The Khakass traditional funeral rite reflects the archaic ideas of people about the other world. Burial rituals were basically aimed at changing the semiotic status of a person and marked his transition from earthly life to otherness. Special importance in this process is given to the tree and its image.

Results. The purpose of the article is to determine the place and function of the tree and its derivatives in the funeral rites of the Khakass. The chronological framework of the work is limited to the framework of the late 19th – 20th centuries. The choice of such time limits is determined by the state of the source base on the research topic. Ethnographic

© Бурнаков В. А., 2024

and folklore materials, both published and introduced into scientific circulation, served as a source base. Among folklore sources, heroic tales (*alyptyg nymakhtar*) are widely used, excerpts from which are presented for the first time in the author's translation in Russian. Leading in the study is the principle of historicism, when any cultural phenomenon is considered in development and considering a specific situation. The research methodology is based on historical and ethnographic methods: remnants (relic) and semantic analysis.

Conclusion. As a result of the research, the author concludes that the tree and its image were given great importance in the Khakass traditional funeral rite. The specified plant had a wide semantic field, which included the idea of it as: an afterlife means of transportation – a boat / raft, a “world tree”, the sacred path of the human soul, the dwelling of the deceased, an apotropaic object, etc. In the traditional culture of the people under consideration, two main types of human burials have been identified: underground and aerial. In both cases, an integral ritual element of the funeral is a tree in its various manifestations and combinations.

Keywords

Khakass, traditional culture, beliefs, folklore, tree, image, symbol, funeral rites, coffin, burial, apotropee

Acknowledgements

The study was carried out under project no. FWZG-2022-0001 “Ethnocultural diversity and social processes in Siberia and the Far East in the 17th – 21st centuries. Research on the changing roles of traditional cultures, social institutions and environmental paradigms”

For citation

Burnakov V. A. Tree in the Khakass Traditional Funeral Rites (Late 19th – Mid 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 143–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-143-155

Введение

Похоронная обрядность и связанный с ней мировоззренческий комплекс занимают чрезвычайно важное место в традиционной культуре хакасов, поскольку эта сфера является неотъемлемой составляющей жизненного цикла каждого человека. В традиционных представлениях похороны знаменуют собой переход из жизни земной к инобытию. В народе верят, что умерший должен пройти далекий и трудный путь на тот свет. Большое значение в этом процессе отводится дереву и его образу. В хакасской этнографии тема, связанная с ролью дерева в похоронной обрядности, прежде не становилась предметом специального исследования. Целью статьи является определение места и функции дерева и производных от него предметов в похоронной обрядности хакасов.

Результаты исследования. Гроб из дерева

В погребально-поминальной сфере хакасов дерево представлено многопланово и разнообразно. Одним из неотъемлемых элементов традиционного похоронного процесса этого народа является использование гроба – ключевого ритуального изделия из дерева. Как известно, он предназначен для погребения тела умершего человека в земле или ином месте. Этот погребальный предмет, как правило, представляет собой продолговатый деревянный контейнер, изготовленный точно по длине и пропорциям тела покойного. Данный факт послужил причиной того, что в хакасском языке для обозначения гроба помимо общераспространенного слова *хомды* употребляются еще и такие номинации, как: *kizi taxnaiy* – букв. ‘деревянный футляр человека’ или *kizi idizi* – букв. ‘посудина человека’ (РХС, 2011, с. 150). Устоявшееся традиционное суждение о гробе как об обязательном для каждого человека ритуальном изделии, в котором он окажется по окончании своей земной жизни, и его связи с деревом было запечатлено в эпическом творчестве народа:

Хомдаа чатпачаң даа полза чи.
Сында ѓскер ағастар
Сарғалбачаң даа ползалар чи
(Хубан Арығ, 1995, с. 177).

‘[Если бы в тот] гроб не ложиться, [как бы хорошо] тогда было.
[На высоких] хребтах растущие деревья
[Если бы] не желтели, [как бы хорошо] тогда было’¹

¹ Перевод наш. – В. Б.

Вместе с тем в традиционном сознании хакасов всегда подспудно присутствует суеверный страх в отношении этого предмета, так как он напрямую связан со смертью. Люди, как правило, боялись даже случайного соприкосновения с ним. Всё это нашло отражение в следующей народной загадке: «В дерево, которое долбил дятел, я не войду, хотя и замерзну (гроб)» [Катанов, 1907, с. 368].

В XVIII–XIX вв. зажиточные хакасы в качестве гробов часто использовали красиво украшенные сундуки русского производства (ирбитские) со скобами, оковками, железными и бронзовыми шарнирными ручками. По мере необходимости их распиливали и удлиняли досками по росту покойного [Каратанов, 1884, с. 629; Скобелев, 2009, с. 240]. В народе образ сундука-гроба нередко встречался в бытовой речи и афористических выражениях, например: *іцем тирген сундугым хомдым полгай хачан-да* – ‘мой сундук, подаренный матерью, когда-нибудь станет моим гробом’ (ХРИЭС, 1999, с. 188). Упоминание о соответствующей погребальной практике имеется также и в хакасских народных песнях – *тахпах’ах* (ХНТ, 1980, с. 34).

По материалам Усмановой, в отдельных хакасских селениях – *аал’ах* (в их числе Усть-Киндирла) – аналогом гроба выступал сплетенный из тальника короб [Усманова, 1980, с. 112–113]. При этом в погребальной практике всё же чаще употреблялся и до сих пор активно используется гроб, сделанный из тёсаных досок. Помимо уже упомянутого термина *хомды*, в народе его иногда называют еще *элем хогыр* – ‘гроб, сколоченный из досок’ (РХС, 2011, с. 151).

До середины XX столетия среди хакасов широкое распространение имела практика захоронения в выдолбленных из цельного дерева колодах – *туйух хомды* (ХРИЭС, 1999, с. 188). В связи с этим представляется уместным привести воспоминания стариков-хакасов об этой старинной традиции:

Хоронили в колодах, которые делали только из лиственницы. Колоды назывались хомды. В колоду подстилали подушечку и траву богородскую или березовые листья (это зимой) (Улчугачева Мария Михайловна, 1913 г. р., дер. Кагаево, Орджоникидзевский р-н, Хакасия);

Раньше, говорят, хоронили в колодах (лиственных). Внизу колоды в середине делали дырку, чтобы стекало, когда гнить будет (я так думаю)... В колоду клали богородскую траву, под голову – подушечку, которую набивали или богородской травой или листьями березового веника (Кокова Наталья Сергеевна, 1900 г. р., с. Трошкино) (АМАЭС ТГУ, № 677-4 а, л. 1, 27).

Гробы в виде колод чаще делали из таких видов деревьев, как лиственница, береза, тополь. Выбор дерева определялся прежде всего родовой обусловленностью. В традиционной культуре хакасов каждый *сёёк* (род) имел свой почитаемый вид дерева, который отождествлялся с понятиями «родовая душа», «предок рода», «покровитель рода» и др. [Усманова, 1980, с. 103–113; Бутанаев, 2003, с. 40–41]². Как показывает представленный материал, именно в гробу, сделанном из родового дерева, и требовалось похоронить сородича. Вместе с тем в обрядовой практике допустимым считалось погребать покойников в колодах из обозначенных растений. Лиственница, береза и тополь считались общенародными сакральными деревьями и потому вне зависимости от родовой принадлежности могли использоваться в соответствующих ритуальных целях. Другим немаловажным фактором было то, что размеры этих деревьев позволяли изготовить из них соответствующие ритуальные предметы.

Погребение в земле

В традиционной культуре многих народов в процессе ингумации гроб, особенно в виде колоды, нередко олицетворяет собой транспортное средство, в том числе и лодку [Анучин, 1890, с. 173; Криничная, 2011, с. 124–126]. Подобные воззрения были свойственны и хакасам. В их религиозно-мифологических представлениях погребение умершего в земле отнюдь

² См. также: АМАЭС ТГУ, № 818-2, л. 4.

не исключало возможности того, что по пути в загробный мир он встретится с водной преградой. В традиционном миропонимании народа *суз* (вода / река) является той субстанцией, которая имеет прямую связь с инобытием. Она выступает универсальным символом границы между посюсторонним и потусторонним мирами. Согласно верованиям хакасов, мир мертвых располагается в нижнем течении реки либо в далекой земле, располагающейся на севере или западе и имеющей водную преграду. Потому для шамана либо души умершего человека часто требовались ритуальная лодка или плот для того, чтобы переправиться в загробное царство [Бутанаев, 2006, с. 155–156; Бурнаков, 2008, с. 607–617]. Потому не случайно хакасы нередко придавали гробу-долбленке вид лодки. В народе по этому поводу говорили: *хара тиректи киме сомалып ойчалар* – ‘выдалбливают черный тополь, придав ему вид лодки’ (ХРИЭС, 1999, с. 117).

Вместе с тем в традиционном сознании народа изоморфизм гроба не ограничивается лишь этим представлением. Он, особенно представленный в виде колоды, является непосредственным воплощением самого дерева. К примеру, при погребении покойника в колоду часто говорили: *хатыг агастың өзені пол парды* – ‘стал сердцевинной твердого дерева’ (РХС, 2011, с. 684). Добавим, что хакасы процесс изготовления гроба обозначали выражением «делать покойнику дерево» [Катанов, 1907, с. 353]. Очевидно, что в воззрениях народа гроб в виде колоды ассоциировался не только с родовым деревом. В своей глубинной основе он являлся воплощением мирового древа. Полагали, что по нему умерший напрямую отправлялся в мир мертвых. Н. А. Криничная замечает: «Колода в мифологических представлениях связана с дорогой / судьбой, продольной либо поперечной, этой же колодиной и перегороденной / пресеченной» [2011, с. 125]. Идея пути-дороги на тот свет выявляется в благопожеланиях покойному при погребении гроба в землю [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 344, 356].

Среди кызыльцев – одной из этнических групп хакасов – бытовала традиция устанавливать в головной части могилы палку, ранее служившую в качестве замера при изготовлении гроба. По всей видимости, изначально для этого использовалась лишь осиновая палка. В дальнейшем это правило перестало строго соблюдаться. Было допустимым заменять ее соответствующими предметами из других видов деревьев. При этом, несмотря на видовое разнообразие указанных растений, от которых происходили эти предметы, все они одинаково назывались «осиной» (АМАЭС ТГУ, № 818-2, л. 31).

Обратим внимание на то, что и среди других групп хакасов была распространена практика установления в головной части могилы специальных деревянных предметов – березовых развилин, палок, колышков и столбиков. При этом они не погружались на полную глубину могилы, а фиксировались в земле лишь таким образом, чтобы не упали. Обозначенные ритуальные предметы возвышались над поверхностью земли примерно на 1–1,5 м и выполняли функцию временного обиталища души умершего. Вместе с тем, вероятно, они являлись еще и олицетворением мирового древа, по которому душа умершего переходила в загробный мир. Таким образом, эти деревянные изделия являлись ритуально-символическим предметом, помогавшим душе покойного найти прямой путь на тот свет.

В мировоззрении хакасов дерево семантически связано с жилищем, так как основным материалом для его изготовления служила именно древесина. В мифологическом сознании рассматриваемые объекты нередко сливаются в едином образе «дерева-дома». Данное явление широко представлено в хакасском фольклоре (Кильчичаков, 1946, с. 96; Сугчул Мирген, 2018, с. 226)³. Образ «дерева-дома» получил воплощение и в похоронной обрядности этого народа. У хакасов проявлением глубокой заботы и внимания к умершему являлось сооружение надмогильного деревянного строения, имитирующего жилище человека. В народе оно называлось *частыңмай* / *киртпе* или *иб* и имело вид небольшого домика с двускатной крышей. При этом со стороны, где располагалась голова покойного, обязательно вырезалось небольшое окошко – *кірген көзінек* – букв. ‘входящее окно’. Полагали, что душа погребенного

³ См. также: [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 309, 310, 327, 328].

человека через него могла покидать свое пристанище. Помимо этого, через указанный проём родственники подносили душе поминальную пищу. В верованиях народа эта ритуальная постройка воспринималась в качестве последнего пристанища – земного дома умершего человека, в котором он должен пребывать определенное время после своей кончины (АМАЭС ТГУ, № 680-8 а, л. 17; № 682, л. 65; № 818-2, л. 17).

Обратим внимание на еще один аспект традиционного мировоззрения и обрядовой практики хакасов, в которых обнаруживается теснейшая связь образов дерева и умершего человека. Таковой является практика создания кенотафов – *сома* (ХРИЭС, 1999, с. 117). В науке под кенотафом принято понимать символическую могилу, не являющегося местом реального погребения покойного. Он, как правило, создается для увековечивания памяти человека, скончавшегося в другом месте. В ситуации, когда смерть настигла человека вне дома и все приготовления для его погребения были уже готовы, но неожиданно за телом приехали родственники, делали ложное захоронение. Для этого срубали березку по росту умершего. К ней подвязывали какую-либо часть одежды умершего и хоронили в могиле со словами: «Займи его место!» [Бутанаев, 2014, с. 118]. В данном случае дерево однозначно выступало в качестве двойника и символического заменителя покойника.

В культуре хакасов предание земле умершего человека не было единственной формой похоронной практики. В культуре рассматриваемого народа также бытовал совершенно иной способ ритуального обращения с телом умершего человека, а именно – воздушное захоронение.

Воздушное погребение

Одним из известных традиционных обрядов, бытовавших у хакасов в XIX в. и даже в более позднее время, было воздушное погребение. Наибольшее распространение оно получило среди таких этнолокальных групп, как бельтыры (хак. *пилтірлер*) и койбалы (хак. *хойбаллар*), хотя встречалось и среди каргинцев, хобыйцев и других этнических общностей. Самые ранние сведения об этой обрядовой практике были зафиксированы еще в XVIII в. известным исследователем П. С. Палласом [1788, с. 498]. Ученый обратил внимание на то, что местные жители старались тщательно скрывать не только локацию, но и всю информацию о подобных захоронениях от посторонних. Данная установка была обусловлена не только сакральностью соответствующего культового места для верующих, но еще и тем, что Русская православная церковь проявляла крайнюю непримиримость и враждебность по отношению к любым проявлениям язычества сибирских народов, в том числе и среди хакасов. Обратим внимание на то, что П. С. Паллас в своей работе предоставил детальное описание гроба и способ его фиксации к дереву [Там же, с. 498–499]. Исследователь обратил внимание на факт того, что у других групп хакасов, главным образом у койбал и кызыльцев, традиция воздушного погребения постепенно исчезает из обихода. Он констатировал, что соответствующим способом у них продолжают хоронить лишь детей [Там же, с. 526–527].

Несколько десятилетий спустя аналогичные данные о воздушном захоронении хакасов были опубликованы Г. И. Спасским [1818, с. 18]. При этом историк внес некоторое дополнение к сведениям предшественника об этом явлении. Помимо уже описанного П. С. Палласом погребения на дереве, он выделил еще один способ надземного захоронения, а именно – размещение гроба на настиле, располагающемся на вкопанных в землю столбах. Добавим, что исследователь предоставил наиболее развернутое описание рассматриваемого ритуального предмета и сопроводительного инвентаря захороненной женщины [Там же].

В монографии И. С. Пестова «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири» [1833, с. 84] также встречаются сведения о практиковавшихся среди хакасов обрядах погребения на деревьях. Он одним из первых обратил внимание на видовое разнообразие растений (лиственница и кедр), на которых размещались гробы с телами умерших. К сожалению, И. С. Пестов не пояснил факт того, чем был вызван конкретный выбор вида дерева для ука-

занных ритуальных действий. Кроме этого, он отметил у хакасов процесс трансформации похорон – переход к ингумации и использование каменных плит при оформлении могил [Пестов, 1833, с. 84–85].

Упоминания о рассматриваемом религиозном феномене встречается и в работе финского этнографа и лингвиста М. А. Кастрена [1999, с. 210]. В исследовании Н. Ф. Катанова приводятся сведения, касающиеся «небесного» погребения женщины с ребенком на специальном помосте. Он находился в лесу и был водружен на четыре столба. Сам гроб представлял собой подобие ящика [Катанов, 1907, с. 342].

В этнографических материалах И. Д. Каратанова, датируемых второй половиной XIX в., обнаруживаются уникальные данные, касающиеся воздушного захоронения шаманов. Заметим, что он дает описание двух видов шаманских погребений: 1) на настиле, установленном на вершине горы; 2) оборачивание тела в войлок и подвязывание веревками непосредственно к стволу дерева. При этом тело покойного крепилось в вертикальном положении, головой вверх [Каратанов, 1884, с. 630–631]. Добавим, что в прошлом соответствующим способом погребали не только шаманов, но и обычных людей. Описание этой практики обнаруживается в хакасском фольклоре. В нем встречаются повествования о том, что древесные погребения путем привязывания тела покойного к стволу дерева практиковались в отношении не только сакральных лиц, но и простых людей [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 220].

В архивных этнографических материалах С. Е. Малова, относящихся к первой половине XX столетия, также встречается упоминание о захоронении хакасами своих детей на деревьях:

Лет сто тому назад детей хоронили так: завязывали ребенка в кошму, затем в бересту и привязывали к дереву или укладывали в бересте в дупло <...> Бельтиры детей привязывают на деревьях в бересте (СПбФ АРАН, ф. 1079, оп. 1, д. 274, л. 5, 9).

В 1970-е гг. в Хакасии осуществляла свою работу этнографическая экспедиция Томского государственного университета под руководством Э. Л. Львовой и М. С. Усмановой. В результате проведенных научных изысканий был собран обширный уникальный материал по традиционной культуре хакасов. Удалось записать сведения и о «древесных» похоронах (АМАЭС ТГУ, № 681-3, л. 6).

Свидетельства о небесном погребении у хакасов неоднократно фиксировались В. Я. Бутанаевым в ходе его этнографо-лингвистических исследований на территории Саяно-Алтая в 1970–1990-х гг. Следует отметить, что именно он – первый из исследователей, кто записал и ввел в научный оборот хакасские названия ритуального настила – *сартах* / *тасхах*. В его фундаментальном этнолингвистическом труде «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» (ХРИЭС, 1999, с. 109, 138) приведены устойчивые выражения, имеющие отношение к данной теме, например: *јурде јуреен кизіні сартахха салцаңнар* – ‘в старину умерших людей хоронили на настилах – *сартах*’, *јуреен кизіні пилтірлер сартахха сыгарын, хыс салцаң* – ‘бельтиры умершего человека хоронили, подняв на настил – *сартах*’; *Төртебе тагда тасхахтан хам кизіні чыыптырлар* – ‘на горе Тортебе, соорудив настил, похоронили шамана’ (ХРИЭС, 1999, с. 109, 138).

Итак, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов получили распространение два основных типа воздушного захоронения. Все они так или иначе были связаны с деревом либо с производными от него предметами – столбами, досками и пр. Первый из них представлял собой погребение умерших в гробу, который помещался на крупные ветви / суки дерева и фиксировался к его стволу посредством веревок. Отметим тот факт, что выбор самого ритуального растения был не случаен. Каждый хакасский *сөөк* (род) имел свою родовую «породу» дерева, которое воспринимал в качестве тотемного объекта. Именно на таком дереве и было принято хоронить покойных сородичей. В дальнейшем, в связи с трансформацией похоронной традиции, практика погребений на деревьях до середины XX в. сохранялась лишь в отношении младенцев и малолетних детей. Взрослых стали хоронить исключительно в земле. Воздушное погребение, как полагали, было направлено

на быструю реинкарнацию души умершего ребенка. В связи с этим в народе говорили: «Если так похоронить грудного ребёнка, то душа его поднимется к Кудаю (Богу) легко, легко и спустится сюда!» [Катанов, 1907, с. 342].

Вторым типом воздушного погребения было так называемое небесное захоронение в гробу на настиле – *сартах / тасхах*, расположенном на четырех столбах, вкопанных в землю. Отметим, что в религиозно-мифологических представлениях столб воспринимался в качестве естественной оси, соединяющей земную и небесную сферы. Одновременно с этим он выполнял функцию границы между миром живых и миром мертвых. Добавим, что при воздушных похоронах шаманов и других лиц помимо размещения на помосте практиковалось еще и оборачивание их тел войлоком и привязывание веревками к стволу дерева. Причем это делалось строго в вертикальном положении головой вверх. Из чего можно сделать вывод о том, что в религиозно-мифологическом сознании дерево выполняло функцию универсального медиатора, своего рода загробного пути по которому душа покойника, расставшись с телом, могла свободно и быстро вознестись на небо либо опуститься в подземный мир.

Ритуальная практика воздушных погребений не могла не отразиться в хакасском фольклоре. Так, в материалах Н. Ф. Катанова встречается повествование о том, как герой погребает на лиственнице своих умерших родителей [1907, с. 326–327]. В сказании «Похта Крис» (1975, с. 19–20) героиня Погана Арыг помещает тело погибшего брата на тополь / кедр. В богатырском сказании «Ах Хан» одноименного героя хоронят на верхушке священной березы с золотыми листьями. В других произведениях тела погибших богатырей водружают на вершине лиственницы [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 54]. Примечательно, что в эпических произведениях хакасов дается описание того, что воздушный способ захоронения активно практикуют и враги-завоеватели. При этом подобные действия они совершают лишь по отношению к наиболее уязвимой части представителей поработаемого автохтонного населения и, конечно же, делают это без должного уважения к ним и с особой жестокостью (Күмүс..., 1958, с. 286; Албынчі, 1951, с. 22).

В культуре хакасов выделяется еще один пласт представлений, имеющих отношение к ритуальному комплексу «дерево – могила». Деревья, выросшие на местах подземных захоронений, – это чрезвычайно архаичный и распространенный образ, который широко представлен в устном народном творчестве. Он восходит к сюжетам о том, что из плоти умерших / погибших людей вырастают деревья. Так, например, в одном из вариантов легенды о горе *Читы хыс* – ‘Семь дев’ приведено повествование об утонувших семи девушках, которые после смерти превратились в семь лиственниц, растущих на одноименной горе. А в сказании о горе *Хыспанах* на могиле умершей девушки вырастает береза – воплощение ее души [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 61, 65]. В повествовании о горе *Энчилей* герой-шаман завещает похоронить большой палец его правой руки отдельно от тела. На месте захоронения конечности вырастает березовая роща [Там же, с. 74]. Подобный же сюжет встречается и в другом фольклорном произведении – «Пуга Мёке». Из большого пальца руки охотника вырастают березы, предвещающие хорошую жизнь его потомкам [Катанов, 1907, с. 498–499]. В сказании «Многострадальный белый конь» указанный персонаж, спасая от врагов двух детей, временно зарывает их в землю. На месте их погребения вырастают две березы – их символические двойники (Многострадальный белый конь, 2013, с. 117). Приведенные примеры могут свидетельствовать о том, что религиозно-мифологическому сознанию хакасов была присуща глубокая вера в то, что душа умершего может переселяться либо реинкарнироваться в дерево, выросшее на могиле.

Вместе с тем роль дерева в похоронной обрядности хакасов не ограничивается лишь рассмотренными функциями. Оно и производные от него предметы – полено, палка, ветви – часто служили еще и в качестве магических оберегов.

Дерево-апотропей

В похоронной обрядности хакасов на начальных ее этапах красной линией проходит идея полного отчуждения умершего от живых. В верованиях народа покойник, даже временно находясь среди живых людей, представлял для них большую опасность. Полагали, что тело человека в момент его кончины полностью поглощается смертью – невидимой деструктивной потусторонней силой. Вследствие чего были убеждены, что мертвец, находясь в доме, непрерывно источает из себя смертоносные флюиды, распространяемые на всё окружающее его пространство. Потому люди, опасаясь его вредоносного воздействия, стремились дистанцироваться от него, а также нейтрализовать потенциальную угрозу. Для этого применяли различные магические способы защиты. Особая роль в этом процессе отводилась дереву и изделиям из него.

Одним из самых распространенных апотропеев в народе считалась береза. Ветви, палки, полена и прочие предметы, полученные от этого дерева, активно применялись в охранительной магии. Так, в народе широко бытовала ритуальная охранительная практика – *хазың саларга* – букв. ‘власть березу’. Она выражалась в том, что когда в селении кто-либо умирал, то односельчане у дверей своего дома или у порога клали (ставили) березовые полена или палки. Часто ею же подпирали двери жилища. Данный оберег должен был находиться на обозначенном месте в течение сорока дней, пока душа умершего окончательно не покинет земной мир. Кроме того, человек, посещающий дом, в котором находился покойник, в защитных целях обязательно брал с собой березовую веточку либо палку [Абдина, 1994, с. 4; Бутанаев, 2014, с. 125]⁴.

Деревянные палки либо ветки колючих растений также использовались в качестве защитного магического инструмента во время похорон. В процессе завершающего тоекратного обхода указанными предметами трижды ударяли по могильному холму. Очевидно, данное действие было направлено на окончательное отделение умершего от живых. При этом оно было призвано не только устранить возможный вред живым людям с его стороны, но и не допускать его возвращения домой⁵.

Следует добавить, что в качестве оберега часто употреблялась и черемуховая палка / ветвь. Ее, как правило, брали с собой на кладбище во время поминок женщины, имеющие грудных детей [Бутанаев, 2014, с. 110]. Защитную функцию часто выполняла также тальниковая палка. Ее пользовались вдовы женщины. Они старались не расставаться с ней на протяжении длительного времени. Держали при себе даже во время сна. Воспринимали ее как надежного спутника-охранителя. В народе этот предмет нередко называли *ах аргыс* – ‘белый товарищ’ (АМАЭС ТГУ, № 682, л. 45, 55).

Заключение

Итак, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционной похоронной обрядности хакасов дерево и его образ занимали важное место. Рассматриваемое растение выполняло в этой сфере множество функций. В результате оно обладает обширным семиотическим полем. Непосредственное участие дерева как важнейшего элемента погребального ритуала выявляется с самого первого его этапа – изготовления гроба для покойного. Несмотря на всё многообразие его форм (ящик, сундук, короб или колода), он всегда изготавливался из дерева. Образ этого обрядового предмета в зависимости от контекста нес различную семантическую нагрузку, начиная от восприятия его в качестве средства передвижения и заканчивая осмыслением его в качестве мирового древа, по которому пролегает путь в иной мир. Заметим, что символика мирового древа в различных проявлениях и вариациях неоднократно дублируется на всем протяжении похоронного процесса, будь то сам гроб

⁴ См. также: АМАЭС ТГУ, № 818-2, л. 9, 16, 17, 27, 31.

⁵ Там же, л. 32.

или всевозможные надмогильные палки, рогатины, столбы и пр. В религиозно-мифологическом сознании и сам человек напрямую отождествляется с деревом. Данные воззрения нашли отражение в практике создания кенотафов, где вместо человека захоранивали отрезок березы.

Включенность дерева в погребальную обрядность выражается и в создании надмогильных домиков (*частыңмай, киртпе, иб*), которым отводилась роль загробного жилища умершего, временного обиталища его души. Подобные сооружения, безусловно, связаны с традиционными представлениями о небытии как зеркальном отражении людского бытия, и в их основе лежит идея «дерева-дома».

В традиционной культуре хакасов представлено два основных формата погребений людей: подземный и воздушный. В обоих случаях неотъемлемым ритуальным элементом похорон выступает дерево в самых разных его проявлениях и комбинациях. Место захоронения человека выступает тем пространством, где возможен контакт между сферой потустороннего и посюстороннего, и дерево выступает ключевым структурообразующим элементом в нем. Оно одновременно разделяет и объединяет мир живых и мир мертвых. Дерево, исходя из его биологического цикла, выступает зримым символом жизни и смерти: условно умирая осенью, оно возрождается весной. Это растение, будучи противопоставленным смерти, одновременно выступает и ее неизменным спутником. В традиционном сознании деревья продолжают жизнь покойных, это может происходить путем переселения души человека либо его частицы в дерево, что ярко отразилось в устном народном творчестве. Данные представления, возможно, являются еще и психологическим компенсирующим механизмом, позволяющим облегчить боль от потери близкого и любимого человека. Дерево, на котором был захоронен человек или же выросшее на могиле, позволяло родственникам умершего и его потомкам «повстречаться» с ним «вживую».

Отметим еще одну ключевую роль дерева – как сакрального объекта, наделенного всевозможными магическими свойствами. Согласно мифологической логике, частица какого-либо предмета априори несет в себе весь его потенциал. Это в полной мере применимо и к производным от дерева предметам – палкам, веткам и пр., которые в похоронно-поминальной обрядности выполняли апотропеическую функцию.

Таким образом, в традиционной похоронной обрядности хакасов процесс символизации дерева и его отдельных компонентов был чрезвычайно обширен и многообразен.

Список литературы

- Абдина Е. А.** Хара пазын хыйын түссе (Погребальный обряд хакасов). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1994. 8 с. (на хак. яз.)
- Анучин Д. А.** Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда // Тр. Императорского Московского археологического общества. М.: Тип. и словолит. О. О. Гербек, 1890. Т. 14. С. 81–226.
- Бурнаков В. А.** Путешествие в «мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 607–617.
- Бутанаев В. Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
- Бутанаев В. Я.** Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан: Журналист, 2014. 316 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мы родом из Хонгорая. Абакан: Журналист, 2010. 240 с.
- Каратанов И. Д.** Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. 20, вып. 6. С. 618–645.
- Кастрен М. А.** Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.

- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
- Криничная Н. А.** «Пень да колода»: слово, образ, символ // Русская речь. 2011. № 1. С. 119–127.
- Паллас П. С.** Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Имп. АН, 1788. Ч. 3. 624 с.
- Пестов И. С.** Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М.: Университет. тип., 1833. 297 с.
- Скобелев С. Г.** Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем Средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 231–250.
- Спаский Г. И.** Народы, кочующие вверху реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 1–25.
- Усманова М. С.** Хакасы. Погребальная обрядность // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 112–113.

Список источников и словарей

- Албынчі (алыптыг ныхмах) // Алыптыг ныхмахтар (Богатырские сказания). Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98. (на хак. яз.)
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 678-3 «Этнографическая экспедиция в Хакасию. Шарыповский район Красноярского края и Ширинский район ХАО летом 1973 год (август-сентябрь). Тетрадь № 3». 48 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 680-8 а «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль 1974 г. Тетрадь № 8». 40 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 681-3 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. 25 февраля 1975 г.». 24 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 682 «Этнографическая экспедиция Усмановой М. С. Лето 1976 г.». 78 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 818-2 «Копии дневников экспедиции М. С. Усмановой к хакасам». 34 л.
- Кильчичаков М. Е.** Пили ала хара чабагалыг Пил Тарааннаар (О богатыре Пил Тараане, ездящем на жеребенке с темно-пестрой спиной) // Хакасский фольклор. Абакан: Хак. обл. издат, 1946. С. 73–102. (на хак. яз.)
- Күмүс ханаттыг көк пора аттыг Күн Төңіс // Алтын Арыг. Алыптыг ныхмах (Богатырские сказания). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 223–317. (на хак. яз.)
- Многострадальный белый конь // Сказания и легенды хакасов. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2013. С. 101–125.
- Похта Крис // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1975. С. 16–33.
- РХС – **Бутанаев В. Я.** Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). Петропавловск: Полиграфия, 2011. 940 с.

- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1079, оп. 1, д. 274 Архив АН СССР. Фонд Малов С. Е. «Турецкая этнография. Похороны. Лекция и заметки к ней». 1930-е гг. 32 л.
- Сугчул Мирген // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик). Абакан: Журналист, 2018. С. 211–257.
- ХНТ – Хакасские народные тахпахи. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1980. 131 с.
- ХРИЭС – Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Изд-во «Хакасия», 1999. 236 с.
- Хубан Арыҕ. Алыптыҕ ныхах. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. 192 с.

References

- Abdina E. A.** Khara pazyn hyiyn tyusse (Chernuyu golovu na bok opustiv). (Pogrebal'ny obryad khakasov) [Black head tilted to the side (Funeral rite of the Khakas)]. Abakan, Khakass Book Publ., 1994, 8 p. (in Khakass)
- Anuchin D. A.** Sani, lad'ya i koni, kak prinadlezhnosti pokhoronnogo obryada [Sleigh, boat and horses as accessories of the funeral rite]. In: Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva [Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society]. Moscow, O. O. Gerbek Publ., 1890, vol. 14, pp. 81–226. (in Russ.)
- Burnakov V. A.** Puteshestvie v “mir mertvykh”: misteriya khakasskogo shamana Makara Tomozakova [Journey to the “world of the dead”: the mystery of the Khakass shaman Makar Tomozakov]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 2008, vol. 22, pp. 607–617. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 236 p. (in Khakass, in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism of Sayano-Altai Turks]. Abakan, KhSU Press, 2003, 260 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanizm Khongoraya [Traditional shamanism of Khongorai]. Abakan, KhSU Press, 2006, 253 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [World of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan, KhSU Press, 2008, 376 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** My rodом iz Khongoraia. Khakasskie mify, legendy i predaniya [We are from Hongoray. Khakass myths, legends and traditions]. Abakan, Zhurnalist Publ., 2010, 240 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya [Everyday life and holidays of the Khongoray Turks]. Abakan, Zhurnalist Publ., 2014, 316 p. (in Russ.)
- Karatanov I. D.** Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [The bulletin of the Imperial Russian Geographical Society], 1884, vol. 20, no. 6, pp. 618–645. (in Russ.)
- Kastren M. A.** Puteshestvie v Sibir' (1845–1849) [Journey to Siberia (1845–1849)]. Tyumen, Yu. Mandriki Publ., 1999, 352 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. St. Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)
- Krinichnaya N. A.** “Pen' da koloda”: slovo, obraz, simvol [“Stump and deck”: word, image, symbol]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2011, no. 1, pp. 119–127. (in Russ.)

- Pallas P. S.** Puteshestvie po raznym mestam Rossijskogo gosudarstva [Journey to different places of the Russian state]. St. Petersburg, Imp. AS, 1788, vol. 3, 624 p. (in Russ.)
- Pestov I. S.** Zapiski ob Eniseiskoi gubernii Vostochnoi Sibiri [Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia]. Moscow, Uni. Press, 1833, 297 p. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Predmetnoe sodержanie russkikh vliyanii na material'nyu kul'turu korenogo naseleniya yuga Prieniseiskogo kraja v pozdnem Srednevekov'e – nachale Novogo vremeni (po dannym arkheologii) [The subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the south of the Yenisei region in the late Middle Ages – the beginning of the new time (according to archeology)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2009, vol. 8, no. 3, pp. 231–250. (in Russ.)
- Spassky G. I.** Narody, kochuyushchie vverkh reki Enisei [The people nomadic at the top Yenisei River]. *Sibirskii vestnik [The bulletin of Siberian]*, 1818, vol. 2, pp. 26–56. (in Russ.)
- Usmanova M. S.** Khakasy. Pogrebal'naya obryadnost' [Khakass. Funeral rituals]. In: *Semeinaya obryadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniya [Family rituals of the peoples of Siberia. Comparative experience]*. Moscow, 1980, pp. 112–113. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Albynzhi (Alyptyg nymakh). [Albynzhi (Khakass heroic legend)]. Abakan, Khakass Regional State Publ., 1951, pp. 13–98. (in Khakass)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 677-4a “Ethnographic expedition TSU in Khakasia”. Summer of 1973. Notebook 4, 41 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 678-3 “Ethnographic expedition in Khakasia. Sharypovskiy district of the Krasnoyarsk Territory and the Shirinskiy district of the KhAO in the summer of 1973 (August-September)”. Notebook 3, 48 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 680-8a “Ethnographic expedition TSU in Khakasia”. July 1974. Notebook 8, 40 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 681-3 “Ethnographic expedition TSU in Khakasia”. February 25, 1975, 24 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 682 “Materials of the ethnographic expedition of M. S. Usmanova. Khakasia”, 78 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 818-2 “Copies of expedition diaries of Tomsk State University”, august 1977. Field diary, 34 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Russko-hakasskiy slovar' (okolo 15 tys. slov) [Russian-Khakass dictionary (about 15 thousand words)]. Petropavlovsk, Poligrafiya, 2011, 940 p. (in Russ., in Khakass)
- Khakasskie narodnye takhpakhi [Khakass folk takhpakhs]. Abakan, Abakan, Khakass Branch of Krasnoyarsk Book Publ., 1980, 131 p. (in Russ.)
- Khuban Aryg. Alyptyg nymakh [Khuban Aryg. Khakass heroic legend]. Abakan, Khakass Book Publ., 1995, 192 p. (in Khakass)
- Kilchichakov M. E.** O bogatyre Pil Taraane, ezdyashhem na zherebenke s temno-pestroi spinoi [Heroic Tale of Pil Taraan]. In: *Khakasskii fol'klor [Khakass Folklore]*. Abakan, Khakass Oblast National Publ., 1946, pp. 73–102. (in Khakass)
- Kyумыs khanattyg kok pora attyg Kyun Tonis [Kyun Tonis on a dark gray horse with silver wings]. In: *Altyn Aryg. Alyptyg nymakh [Altyn Aryg. Khakass heroic legend]*. Abakan, Khakass Book Publ., 1958, pp. 223–317 (in Khakass)
- Mnogostradal'nyi belyi kon' [Long-suffering white horse]. In: *Skazaniya i legendy khakasov [Tales and legends of the Khakass]*. Abakan, Dom literatorov Khakasii, 2013, pp. 101–125. (in Russ.)

- Pokhta Kris [Pohta Chris]. In: Zolotaya chasha. Khakasskie narodnye skazki i predaniya [The Golden Cup. Khakass folk tales and legends]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Book Publ., 1975, pp. 16–33. (in Russ.)
- St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1079, op. 1, d. 274 “Archive of the Academy of Sciences of the USSR. Fund Malov S. E. Turkish ethnography. Funeral. Lecture and notes to it”, 1930, 32 p. (in Russ.)
- Sugchul Mirgen [Sugchul Mirgen]. In: Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi. Sobrany V. V. Radlovym. Ch. 2: Podnarechiya abakanskie (sagaikoe, koibal'skoe, kachinskoe), kyzyl'skoe i chulymskoe (kyuerik) [Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungar steppe. Collected by V. V. Radlov. Part 2: Abakan sub-dialects (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulym (Kuerik)]. Abakan, Zhurnalist Publ., 2018, pp. 211–257 (in Khakass, in Russ.)

Информация об авторе

Венарий Алексеевич Бурнаков, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 18041639600
WoS Researcher ID Q-2858-2016
RSCI Author ID 282642

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 18041639600
WoS Researcher ID Q-2858-2016
RSCI Author ID 282642

*Статья поступила в редакцию 28.06.2023;
одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 15.01.2024
The article was submitted on 28.06.2023;
approved after reviewing on 05.12.2023; accepted for publication on 15.01.2024*

Научная статья

УДК 39:314.7

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-156-167

Коренные тюркоязычные народы и урбанизация Южной Сибири (XX – начало XXI века)

Василий Владимирович Николаев

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nikolaevv06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>

Аннотация

Обобщены результаты исследований по истории формирования городского населения среди коренных народов Южной Сибири (алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев, шорцев). Новизну работы определяют комплексная характеристика процессов урбанизации, выделение ее этапов, темпов, причин и основных факторов. Источниковой базой исследования были материалы Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010, 2020 гг.) переписей населения. Выделены три этапа урбанизации коренных народов макрорегиона. На начальном этапе урбанизации административный и образовательный факторы играли определяющую роль. Промышленное освоение региона в середине XX в. обусловило интенсификацию урбанизации на следующем этапе. На последнем этапе определяющую роль имеют образовательные стратегии. Особенности формирования городского населения у коренных народов Южной Сибири являются: асинхронность урбанизации; ориентированность миграций аборигенов на ближайшие города и поселки городского типа; незавершенность урбанизации не только по качественным, но и по количественным характеристикам. За исключением шорцев и кумандинцев (по данным на 2002 г.), коренные народы региона остаются слабо- и среднеурбанизированными.

Ключевые слова

алтайцы, кумандинцы, теленгиты, телеуты, тубалары, тувинцы, тувинцы-тоджинцы, хакасы, челканцы, шорцы, Южная Сибирь, урбанизация, миграция

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм»

Для цитирования

Николаев В. В. Коренные тюркоязычные народы и урбанизация Южной Сибири (XX – начало XXI века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 156–167. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-156-167

Indigenous Turkic-Speaking Peoples and the Urbanization of Southern Siberia (20th – Early 21st Century)

Vasily V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nikolaevv06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-2961>

Abstract

Purpose. This article integrates studies relating to the history of urban communities of the Southern Siberian indigenous peoples (Altaians, Chelkans, Khakasses, Kumandins, Shors, Telengits, Teleuts, Tozhu Tuvans, Tubalars, Tuvans). A multidisciplinary approach to urbanization processes was used; their stages, rates, causes, and principal characteristics

© Николаев В. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 156–167

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 156–167

were analyzed. The database consists of our own field findings, published results of sociological studies, and those of All-Union and All-Russian population censuses.

Results. During the 19th century, the prerequisites for the urbanization of the indigenous Turkic-speaking peoples of Southern Siberia were laid. There are three stages of urbanization of the indigenous peoples of Southern Siberia: 1) up to the middle of the twentieth century; 2) the 1950s–1980s (for the Shorians it is 1930s–1980s); 3) from the 1990s to the present. At the first stage of urbanization representatives of the indigenous population of the region moved to the city mainly in order to improve the level of education and within the framework of the policy of forming national personnel. At the next stage, during the period of industrial development of the eastern regions, there was an intensification of urbanization among a number of peoples (Shors, Teleutes and Kumandins) who lived near industrial centers. Industrial development was accompanied, among other things, by the transfer of rural settlements to urban ones, as well as the absorption of villages during the expansion of urban boundaries; since the 1990s, the reverse process began. At the last stage, educational strategies play a decisive role. The liquidation of unpromising villages in the middle of the 20th century affected primarily small populations, contributing to the growth of migration to cities. Cities are beginning to attract representatives of indigenous small-numbered peoples (Telengites, Tubalars, Chelkans and since the 2010s Tuvinians-Todzhins), whose territory of traditional residence is located at a considerable distance from large settlements. The share of townspeople among Altaians, Tuvinians and Khakas during the 20th century grew gradually, which was associated with a relatively less intensive industrial development of their territories of residence.

Conclusion. The peculiarities of urban population formation among the indigenous peoples of Southern Siberia are: asynchrony of urbanization; orientation of Aboriginal migrations to the nearest cities and urban-type settlements; incompleteness of urbanization not only in terms of qualitative, but also quantitative characteristics. With the exception of the Shors and Kumandins, the rest of the indigenous peoples of the region remain poorly and medium-urbanized.

Keywords

Altaians, Chelkans, Khakasses, Kumandins, Shors, Telengites, Teleutes, Tozhu Tuvans, Tubalars, Tuvans, Southern Siberia, urbanization, migration

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the research project of IAET SB RAS no. FWZG2022-0001 “Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17th – 21st centuries”

For citation

Nikolaev V. V. Indigenous Turkic-Speaking Peoples and the Urbanization of Southern Siberia (20th – Early 21st Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 156–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-156-167

Введение

Последние десятилетия характеризуются нарастающими темпами модернизации, глобализации, а также урбанизации, в которые вовлекаются самые отдаленные и труднодоступные территории, где проживают преимущественно сообщества, еще сохраняющие в той или иной степени традиционный уклад. Сокращение территорий компактного проживания коренного населения, их перемещение в крупные населенные пункты – в районные центры и города – осталось за пределами внимания этнографов, традиционно интересующихся сельскими сообществами, а также демографов и историков, игнорирующих в своих исследованиях небольшие по численности аборигенные сообщества Сибири и Дальнего Востока.

Впервые интерес к урбанизации коренных народов Сибири был обозначен в работах историков конца XIX – начала XX в. Рассматривая историю сибирских городов и структуру их населения, И. В. Турчанинов, Г. И. Потанин и др. обращали внимание на этнический состав городских поселений [ССЭ, 1929, с. 717–724].

В статье 1977 г. О. Р. Будина и М. Н. Шмелева отмечали: «Город и городское население в целом были включены в сферу этнографических исследований в основном со второй половины 1960-х гг. Одним из интересных аспектов городской этнографии продолжает оставаться изучение особенностей формирования городского населения» [Будина, Шмелева, 1977, с. 26]. М. Г. Рабинович и М. Н. Шмелева [1981] одними из первых разработали проект программы этнографического изучения городов. Качественными показателями урбанизации, по мнению исследователей, является уровень образования и социальной мобильности. Промышленное освоение, широко развернувшееся на востоке страны с 1950-х гг. и затронувшее территории традиционного проживания коренного населения, сопровождалось развертыванием разноплановых научных обследований, включая исследования коренных сообществ в контексте происходящих социально-экономических трансформаций, в том числе процессов урбанизации [Про-

грамма..., 1987]. На протяжении конца 1970-х – начала 1990-х гг. на территории расселения коренных народов Севера проводились масштабные этносоциологические обследования, в том числе урбанизационных процессов: нанайцев, нивхов, эвенков, эвенов и якутов, хантов, манси и ненцев и др. (см.: [БАМ..., 1979; Бойко, 1973; Бойко, 1977; Мархинин, Удалова, 1993] и др.). Коренные народы Южной Сибири не стали объектом исследования как в силу более раннего (например, Кемеровская обл.), так и сравнительно слабого (например, совр. Республика Алтай) промышленного освоения территорий их традиционного проживания. Уже в этих первых исследованиях по коренным народам Сибири и Дальнего Востока урбанизация понималась широко, не только как процесс перемещения людей из сельской местности в город, но и как распространение городского образа жизни за пределами города. Отмечался противоречивый характер урбанизации в среде коренных народов: с одной стороны, она была связана с ростом значения городов в их жизни, а с другой – обостряла социально-экономические и этнокультурные проблемы.

В рамках оформившейся к началу XXI в. субдисциплины антропологии города развиваются разнонаправленные исследования, касающиеся как историко-этнографической проблематики, так и проблем идентичности и социокультурного развития городских сообществ, миграционных и этнодемографических процессов и др. [Пивнева, 2017; Стась, 2017; 2020]. Интересы современных исследователей ограничиваются 1990–2010-ми гг. [Боргоякова, Гусейнова, 2021; Бреславский, 2019; Кан, 2016; Каташев, 2010; Кривоногов, 2011; Лавряшина и др., 2014; Тиникова, 2018]. Комплексные сравнительные исследования, раскрывающие сущность урбанизационных процессов коренных народов Южной Сибири, отсутствуют, что определяет новизну и актуальность данной работы.

Целью настоящего исследования стало определение этапов, уровня и темпов урбанизации коренных тюркоязычных народов Южной Сибири (алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев и шорцев) в течение XX – начале XXI в., а также причин и последствий их миграции в город. Источниковой базой исследования были материалы Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения.

Методологической базой исследования стала концепция урбанизационного перехода [Сенявский, 2003]. Методика исследования была разработана под руководством В. И. Бойко, апробирована в ходе реализации целевой комплексной программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера» и включала интервьюирование, социологические опросы, обработку значительного массива статистической информации. В работе будут использованы определения: слабоурбанизированный (т. е. менее 25 % горожан), среднеурбанизированный (от 25 до 50 %) и высокоурбанизированный (более 50 %). Урбанизация определяется Ю. Л. Пивоваровым как «исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных центрах и ареалах преимущественного социально-экономического развития» [Пивоваров, 1999, с. 16]. В рамках данной работы в центре внимания будут количественные параметры урбанизации коренных народов Южной Сибири. Дальнейшее рассмотрение качественных параметров является перспективой исследования.

Результаты исследования

Современные сибирские города возникли в ходе расширения на восток российского политического и торгово-промышленного влияния. В 1897 г. горожане Сибири составляли 327 860 чел. – 9,2 % от всего населения. Самыми крупными были города Томск (52 210 чел.) и Иркутск (51 473 чел.). В городах Бийского и Кузнецкого округов Томской губернии проживало 163 «коренных тюрка», т. е. представителей коренного тюркоязычного населения, а в городах Ачинского и Минусинского округов Красноярской губернии – 237 «коренных тюрков» [Патканов, 1911, с. 130, 322]. По мнению В. И. Исупова, в это время обозначилась новая тенденция: «протоурбанизация», характеризовавшаяся появлением экономических, транспортных

и иных функций у сибирских городов [Исупов, 2018, с. 12]. Русские преобладали среди городских жителей, составляя 87,9 % от их общей численности [ССЭ, 1929, с. 702, 703].

Предпосылками урбанизации коренных народов Южной Сибири являлись: формирование городских поселений в пределах территорий их традиционного расселения, адаптивность традиционных культур, в первую очередь оседлых этнических сообществ, сопряженное с более интенсивными межкультурными контактами, а также процессы социальной трансформации под влиянием практик прозелитизма Русской православной церкви. Однако рост числа горожан среди коренных тюркоязычных жителей Южной Сибири до начала XX в. оставался незначительным. Напротив, особенности хозяйственной деятельности кочевых сообществ региона являлись сдерживающим фактором урбанизации, но не определяющим. В настоящее время среди слабоурбанизированных народов есть как кочевые, так и оседлые.

В 1920-е гг. с установлением советской власти в Южной Сибири процессы социальной трансформации продолжились в условиях формирующейся советской модели патернализма. В этот период значимыми оказались в первую очередь практики этнотерриториального районирования. Рост числа горожан из числа коренных народов в этот период определялся изменением статуса поселений в ходе образования национальных административных структур, в частности: Ойратской АО в 1922 г. (с 1948 г. – Горно-Алтайская АО), Горно-Шорского национального района в 1926 г., Хакаской АО в 1930 г., Тувинской АО в 1944 г. Их столицы получали статус города: Усть-Абаканское (совр. Абакан) в 1931 г., Улала (совр. Горно-Алтайск) в 1928 г. В городах-столицах этих автономий расширялся слой жителей из числа коренных народов – алтайцев, хакасов, шорцев и тувинцев. В этот период проводилась политика «коренизации» управленческого аппарата, формирования национальных кадров в культурно-просветительской и образовательных сферах [Баранцева, 2009, с. 27]. Подобные практики способствовали притяжению в города учащейся молодежи. В результате в 1926 г. в ходе Всесоюзной переписи населения в городе (в основном в Улале) проживали 1 089 алтайцев (2,7 % от общей численности), 492 хакаса (1,1 %) и 83 шорца (0,7 %) (см. таблицу). Присутствие представителей других тюркоязычных народов региона в городах было незначительным или совсем не было зафиксировано.

К следующей переписи 1939 г. ситуация кардинально изменилась, численность горожан выросла в несколько раз: алтайцы – 4 244 чел. (8,9 %), хакасы – 6 669 чел. (12,6 %), шорцы – 1 813 чел. (11,2 %). Остальные народы учитывались в составе алтайцев до 2002 г. Если урбанизация алтайцев и хакасов во многом определялась обозначенными выше факторами, то телеуты и шорцы с 1930-х гг. испытывали заметное влияние индустриального развития Кузбасса, сопровождавшееся резким увеличением числа городских поселений. Городские локации появлялись в границах расселения телеутов и шорцев: острог Кузнецк Сибирский был основан в 1618 г. (в 1931 г. преобразован в г. Новокузнецк), а в начале XX в. в Кузнецком уезде (Кемеровской обл. с 1948 г.) уже было известно 4 города, к концу 1930-х гг. – 12. В 1939 г. более половины населения региона проживало в городах [Исупов, 2018, с. 16]. Форсированное экономическое развитие региона оценивалось историками как квазиурбанизация [Исупов, 2012, с. 468], при этом коренное население оставалось преимущественно сельским, хотя часть их поселений располагалась вблизи новых городов. Постепенное расширение городских локаций приводило к поглощению телеутских и шорских сельских поселений, а их жители становились горожанами.

Масштабный характер индустриализация приобрела в послевоенные годы, обусловив второй этап урбанизации коренного населения Южной Сибири. Учитывая, что численность коренного населения была «совершенно недостаточной» для решения задач индустриального развития восточных регионов, было принято решение о «принудительном переселении и “укрупнении”» в совхозы [Слезкин, 2008, с. 383, 385]. Основные мероприятия были проведены в 1950–1960-е гг., когда происходило преобразование колхозов в совхозы, население перемещалось из «неперспективных» деревень в крупные сёла, происходил упадок традиционного хозяйства

Динамика показателей урбанизации коренных народов Южной Сибири
по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей (1926–2010 гг.)*
Dynamics of indicators of urbanization of the indigenous peoples of Southern Siberia
according to the All-Union and All-Russian censuses (1926–2010)

Коренные народы Южной Сибири		Год переписи населения										
		1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020		
Алтайцы	всего, чел.	40 600	47 867	45 270	55 812	60 015	70 777	67 239	67 380	70 485		
	в том числе городское	чел. %	1 089 2,7	4 244 8,9	4 805 10,6	8 229 14,7	10 928 18,2	13 630 19,3	13 897 20,7	16 027 23,8	18 973 26,9	
Кумандинцы	всего, чел.	6 335	3 114	2 892	2 456		
	в том числе городское	чел. %	8 0,1	1 704 54,7	1 400 48,4	1 042 42,4		
Теленгиты	всего, чел.	3 415	2 399	3 712	2 916		
	в том числе городское	чел. %	0 0	115 4,8	300 8,1	543 18,6		
Телеуты	всего, чел.	1 898	2 650	2 643	2 241		
	в том числе городское	чел. %	7 0,4	1 142 43,1	1 198 45,3	974 43,5		
Тубалары	всего, чел.	12	1 565	1 965	3 675		
	в том числе городское	чел. %	0 0	150 9,6	357 18,2	896 24,4		

Коренные народы Южной Сибири		Год переписи населения										
		1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020		
Тувинцы	всего, чел.	100 145	139 388	166 082	206 629	243 442	262 076	288 106		
	в том числе чел.	8 988	23 879	37 327	65 983	107 850	129 031	151 768		
	городское %	9,0	17,1	22,5	31,9	44,3	49,2	52,7		
Тувинцы-тоджинцы	всего, чел.	4 442	1 858	7 293		
	в том числе чел.	7	4	121		
	городское %	0,2	0,2	1,7		
Хакасы	всего, чел.	45 608	52 771	56 584	66 725	70 776	80 328	75 622	72 959	61 365		
	в том числе чел.	492	6 669	10 738	17 142	24 850	34 736	32 743	31 572	23 172		
	городское %	1,1	12,6	19,0	25,7	35,1	43,2	43,3	43,3	37,8		
Челканцы	всего, чел.	855	1 181	1 314		
	в том числе чел.	135	231	344		
	городское %	15,8	19,6	26,2		
Шорцы	всего, чел.	12 601	16 265	15 274	16 494	16 033	16 652	13 975	12 888	10 581		
	в том числе чел.	83	1 813	6 455	8 430	10 626	12 293	9 939	9 353	7 236		
	городское %	0,7	11,2	42,3	51,1	66,3	73,8	71,1	72,6	68,4		

* Сост. по: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?cf=6 (дата обращения 06.07.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vrn_popul (дата обращения: 06.07.2023). Численность алтайцев и тувинцев в 2010 и 2020 гг. указана без учета в их составе теленгитов, губаларов, челканцев и тувинцев-тоджинцев соответственно.

вследствие промышленного освоения. Это способствовало переезду молодежи в близлежащие города и административные столицы (см., например: [Баева, Макошев, 1994, с. 12]). Помимо Кемеровской области относительно активно развивалась промышленность в Алтайском крае, в частности в г. Бийске, притягивавшем кумандинцев, и позднее в г. Заринске, поглотившем телеутскую дер. Крутая.

Рост абсолютных и относительных показателей урбанизации у алтайцев, тувинцев и хакасов отчасти был связан с индустриальным освоением, сопровождавшимся искусственным преобразованием крупных сельских поселений близ месторождений полезных ископаемых в поселки городского типа (пгт). Строительство промышленных объектов в отдаленных уголках Южной Сибири сопровождалось развитием транспортной инфраструктуры. Как следствие, города становились «ближе», привлекая более высоким уровнем жизни. В то же время качественно менялись условия жизни в селе, косвенно подталкивая коренных жителей к переезду в город. Так, информированность сельских хакасов о городе, по данным на начало XXI в., формировалась как за счет собственного опыта проживания в городе в период получения образования или работы, так и из общения с близкими родственниками [Кривоногов, 2011, с. 22].

Наиболее интенсивно развивалась промышленность в Кемеровской области, следствием чего стал рост численности горожан среди шорцев, достигнув в 1959 г. 6 455 чел. (42,3 %) и продолжая расти в последующие десятилетия. По данным анкетного опроса, в 1960–1970-е гг. значительная часть кумандинцев перебралась в город [Николаев, Назаров, 2021, с. 151]. Рост численности горожан среди алтайцев, тувинцев и хакасов был плавным (см. таблицу). Рабочая и учебная миграции во второй половине XX в. стали ведущими факторами урбанизации. Урбанизация коренного населения заметно отличалась от общерегиональных трендов. Демографы отмечали, что основной рост миграции сельских жителей в города на территории Западной Сибири пришелся на 1959–1963 гг.¹

Юридическое закрепление статуса коренных малочисленных народов, сопровождавшееся комплексом законодательных мер, обозначавших перспективы преференций для малых этнических сообществ, обусловили начало следующего этапа урбанизации с 1990-х гг. Появление и перспектива расширения государственной поддержки коренных народов способствовали резким изменениям их численности в последние десятилетия. В этот период этнический фактор (смена этнической идентичности) стал определяющим в изменении численности коренного населения, в том числе городского (подробнее об этом см.: [Богоявленский, 2012]). Это было связано с более интенсивными темпами ассимиляции в городах и наличием сравнительно большого количества потомков от смешанных браков с флюктуирующей идентичностью. В эти годы заметно расширяется география расселения автохтонов. Освоившись в первом поколении в ближайших к традиционным территориям проживания городах, во втором поколении они мигрируют за пределы административных границ того или иного региона. Одновременно происходило изменение административных статусов населенных пунктов. Часть поселков городского типа потеряла свой статус, став сельскими поселениями; расширялись границы городских поселений. Вследствие всех вышеперечисленных обстоятельств статистические данные от переписи к переписи существенно колебались. Упоминаемые в исследованиях [Кан, 2016, с. 57] причины миграции из села в город (высокая безработица, низкое качество образовательных и медицинских услуг, слабое развитие сферы досуга и отдыха и в целом стихийный характер переезда из села в город) скорее имеют частный, второстепенный характер.

В ходе проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. впервые с 1926 г. ряд народов учитывался самостоятельно. По данным на 2002 г., урбанизационный переход совершили шорцы (9 939 чел., или 71,1 %) и кумандинцы (1 704 чел., или 54,7 %). Во многом в силу перераспределения территорий между городскими и сельскими муниципалитетами в 2010 г. численность горожан среди кумандинцев резко сократилась до 1 400 чел. (48,4 %), а у шорцев су-

¹ См.: Смирнов-Черкезов А. Переселенцы и экономисты // Демоскоп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/05.pdf> (дата обращения 27.05.2023).

шественно колебались показатели: снижение абсолютных данных (9 353 чел.) в условиях роста относительных (72,6 %). Привлечение материалов переписи 2020 г. позволяет говорить об устойчивости тренда сокращения численности горожан – кумандинцев и шорцев, в основном вследствие ассимиляции. Возвращение некоторых бывших городских жителей в сельскую местность у кумандинцев и шорцев не оказывает значительного влияния на итоговые показатели. Данные переписей 2002 и 2010 гг. по телеутам позволяют утверждать, что интенсивная урбанизация для них была характерна в прошлые десятилетия, а данные за 2020 г. обозначают перспективы будущего сокращения численности горожан, как у их соседей – кумандинцев и шорцев. Абсолютные и относительные показатели горожан – алтайцев, тувинцев и хакасов в эти годы менялись незначительно. Лишь у хакасов фиксируется сокращение численности городского населения вследствие преобразования целого ряда городских поселений в сельские на протяжении 2000–2010-х гг. (пгт Жемчужный, Коммунар, Копьево, Приисковский, Туим, Шира).

Теленгиты, тубалары и челканцы только вступили на путь урбанизации, к 2020 г. достигнув следующих показателей: 543 чел. (18,6 %), 896 чел. (24,4 %) и 344 чел. (26,2 %) соответственно проживало в городах. Теленгиты в 2000–2010 гг. прошли наиболее интенсивный этап урбанизации. Самым слабоурбанизированным коренным народом не только Южной Сибири, но и в целом Сибири и Дальнего Востока являются тувинцы-тоджинцы: в 2020 г. – 121 чел. (1,7 %), в 2010 г. – 4 чел. (0,2 %) являлось горожанами. В то же время темпы урбанизации тувинцев-тоджинцев высокие. За межпереписной период абсолютные показатели увеличились более чем в 30 раз, а относительные – в 8. Данные народы проживали в отдалении от городов, где была слабо развита инфраструктура и не было значимых промышленных объектов. Рост числа горожан у них определяется учебной миграцией молодежи. Среди высокоурбанизированных народов (например, кумандинцев) в большей степени распространено перемещение в город представителей старшего поколения к родственникам. В целом наличие родственников в городе является важным условием адаптации вновь прибывших.

Заключение

Таким образом, в течение XIX в. закладывались предпосылки урбанизации коренных тюркоязычных народов Южной Сибири. Выделяются три этапа урбанизации коренных народов Южной Сибири: до середины XX в., 1950–1980-е гг. (для шорцев 1930–1980-е гг.), с 1990-х гг. по настоящее время. На первом этапе урбанизации представители коренного населения региона перемещались в город в основном в целях повышения уровня образования и в рамках политики формирования национальных кадров. На следующем этапе в период индустриального развития восточных регионов происходила интенсификация урбанизации у ряда народов (шорцы, телеуты и кумандинцы), проживавших вблизи промышленных центров. Промышленное освоение сопровождалось в том числе переводом сельских населенных пунктов в городские, а также поглощением деревень в ходе расширения городских границ; с 1990-х гг. начался обратный процесс. На последнем этапе определяющую роль играют образовательные стратегии. Ликвидация неперспективных сёл в середине XX в. затронула в первую очередь небольшие по численности народы, способствуя росту миграции в города. Города начинают притягивать представителей коренных малочисленных народов (теленгиты, тубалары, челканцы и с 2010-х гг. тувинцы-тоджинцы), территория традиционного проживания которых находится на значительном удалении от крупных населенных пунктов. Доля горожан у алтайцев, тувинцев и хакасов в течение XX в. росла постепенно, что было связано со сравнительно менее интенсивным промышленным освоением территорий их проживания. Мигранты первого поколения были ориентированы на близлежащие города или столицы своих регионов.

Для большинства коренных тюркоязычных народов региона процесс урбанизации не завершен. Они остаются слабо- и среднеурбанизированными народами. У кумандинцев, телеутов и шорцев в последние десятилетия вследствие ассимиляции началось сокращение абсолютных и относительных показателей урбанизации, что позволяет говорить о завершенности данного процесса в плане количественных характеристик.

Список литературы

- Баева Л. Н., Макошев А. П.** Экономическая и социальная география Республики Алтай. Горно-Алтайск: Юг-Сюмер, 1994. 120 с.
- БАМ и народы Севера. Новосибирск: Наука, 1979. 176 с.
- Баранцева Н. А.** Хакасы: особенности этносоциальных процессов в контексте формирования государственности в 1920-е гг. // Изв. АлтГУ. 2009. № 4–3. С. 23–28.
- Богоявленский Д. Д.** Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп. 2012. № 531–532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php> (дата обращения 18.05.2023).
- Бойко В. И.** Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1973. 211 с.
- Бойко В. И.** Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1977. 278 с.
- Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В.** Двухязычие и языковые установки жителей республик Южной Сибири в условиях урбанизации // Сибирский филологический форум. 2021. № 4. С. 4–19. DOI 10.25146/2587-7844-2021-16-4-88
- Бреславский А. С.** Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. 2019. № 1. С. 58–67. DOI 10.7256/2310-8673.2019.1.29217
- Будина О. Р., Шмелева М. Н.** Этнографическое изучение города в СССР // СЭ. 1977. № 6. С. 23–34.
- Исупов В. А.** Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. С. 464–468.
- Исупов В. А.** Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.
- Кан В. С.** Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72.
- Каташев М. С.** Особенности демографического развития Республики Алтай в 1990–2015 годы // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ, 2010. С. 131–141.
- Кривоногов В. П.** Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2011. 249 с.
- Лавряшина М. Б., Поддубиков В. В., Ульянова М. В., Дружинин В. Г., Осипов К. И.** Особенности демографического развития сообществ коренных малочисленных этносов высокоурбанизированных территорий (на примере Кемеровской области, РФ) // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. Кемерово: Практика, 2014. С. 225–236.
- Мархинин В. В., Удалова И. В.** Этнос в ситуации выбора будущего. По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Новосибирск: Наука, 1993. 205 с.
- Николаев В. В., Назаров И. И.** Урбанизация коренного населения Алтая в XX – начале XXI века (на примере кумандинцев города Бийска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 3: Археология и этнография. С. 149–162. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-149-162
- Патканов С.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. 431 с
- Пивнева Е. А.** Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 225–239.
- Пивоваров Ю. Л.** Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. М.: ВЛАДОС, 1999. 231 с.
- Программа координации исследований «Взаимодействие научно-технического и социального прогресса: общее и особенное (гуманитарный аспект)». Новосибирск: Б. и., 1987. 268 с.

- Рабинович М. Г., Шмелева М. Н.** К этнографическому изучению города // СЭ. 1981. № 3. С. 29–34.
- Сенявский А. С.** Урбанизация России в XX веке. М.: Наука, 2003. 286 с.
- ССЭ – Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. Т. 1. 524 с.
- Слезкин Ю. Л.** Арктические зеркала России и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008. 512 с.
- Смирнов-Черкезов А.** Переселенцы и экономисты // Демоскоп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/perevedencev/stati/05.pdf> (дата обращения 27.05.2023).
- Стась И. Н.** Этничность в процессе урбанизации России: современная историография проблемы // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск: Формат, 2017. С. 246–256.
- Стась И. Н.** Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 5. С. 1807–1821.
- Тиникова Е. Е.** Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX – начале XXI века // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 235–257.

Список источников

- Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 06.07.2023).
- Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения 05.12.2022).

References

- Baeva L. N., Makoshev A. P.** Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiya Respubliki Altai [Economic and social geography of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk, Yug-Syumer, 1994, 120 p. (in Russ.)
- BAM i narody Severa** [BAM and the peoples of the North]. Novosibirsk, Nauka, 1979. 176 p. (in Russ.)
- Barantzeva N. A.** Khakasy: osobennosti etnosotsial'nykh protsessov v kontekste formirovaniya gosudarstvennosti v 1920-e gg. [Khakasses: peculiarities of ethno-social processes in the context of forming political system in 1920s]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Izvestiya of Altai State University*], 2009, no. 4–3, pp. 23–28. (in Russ.)
- Bogoyavlensky D. D.** Perepis' 2010: etnicheskii srez 2010 [Census: ethnic cross-section]. *Demoskop* [*Demoscope*], 2012, no. 531–532. (in Russ.) URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php> (accessed: 18.05.2021).
- Boiko V. I.** Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya problem razvitiya narodov Nizhnego Amura [The experience of sociological research of the problems of development of the peoples of the Lower Amur]. Novosibirsk, Nauka, 1973, 211 p. (in Russ.)
- Boiko V. I.** (ed.). Programma koordinatsii issledovaniy “Vzaimodeistviye nauchno-tekhnicheskogo i sotsialnogo progressa: Obshcheye i osobennoye (gumanitarniy aspekt)” [Research Coordination Program “Interaction of scientific, technical and social progress: general and special (humanitarian aspect)”. Novosibirsk, 1987, 268 p. (in Russ.)
- Boiko V. I.** Sotsialnoye razvitiye narodov Nizhnego Amura [Social development of the peoples of the Lower Amur]. Novosibirsk, Nauka, 1977, 278 p. (in Russ.)
- Borgoyakova T. G., Guseinova A. V.** Dvuyazychie i yazykovye ustanovki zhitelei respublik Yuzhnoi Sibiri v usloviyakh urbanizatsii [Bilingualism and language attitudes of residents of the republics of Southern Siberia in the context of urbanization]. *Sibirskii filologicheskii forum* [*Siberian philological forum*]. 2021, no. 4, pp. 4–19. (in Russ.) DOI 10.25146/2587-7844-2021-16-4-88
- Breslavsky A. S.** Urbanizatsiya v respublikakh Yuzhnoi Sibiri: dinamika klyuchevykh parametrov (1989–2019) [Urbanization in the Republics of Southern Siberia: Dynamics of key parameters (1989–2019)]. *Urbanistika* [*Urbanistics*], 2019, no. 1, pp. 58–67. (in Russ.) DOI 10.7256/2310-8673.2019.1.29217

- Budina O. R., Shmeleva M. N.** Etnografi cheskoye izucheniye goroda v SSSR [Ethnographic study of the city in the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*], 1977, no. 6, pp. 23–34. (in Russ.)
- Isupov V. A.** Kvaziurbanizatsiya v stalinskoj strategii modernizatsii Sibiri: konets 1920-kh – konets 1930-kh gg. [Quasi-urbanization in Stalin's strategy of modernization of Siberia: the end of the 1920s – the end of the 1930s]. In: *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk, Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava, 2012, pp. 464–468. (in Russ.)
- Isupov V. A.** Urbanization of the Western Siberia: in the eyes of an historian. *ECO*, 2018, no. 7, pp. 7–22. (in Russ.)
- Kan V. S.** Etnosotsial'nyi profil' tuvintsev [Ethnosocial profile of Tuvans]. *Novye issledovaniya Tuvy* [*The new research of Tuva*], 2016, no. 2, pp. 52–72. (in Russ.)
- Katashev M. S.** Osobennosti demograficheskogo razvitiya Respubliki Altai v 1990–2015 gody [Features of demographic development of the Altai Republic in 1990–2015]. In: *Respubliki na vosstoke Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya* [Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development]. Ulan-Ude, 2010, pp. 131–141. (in Russ.)
- Krивonogov V. P.** Khakasy v nachale XXI veka: sovremennye etnicheskie protsessy [Khakas at the beginning of the 21st century: modern ethnic processes]. Abakan, Khakass Book Publ., 2011, 249 p. (in Russ.)
- Lavryashina M. B., Poddubikov V. V., Ulyanova M. V., Druzhinin V. G., Osipov K. I.** Osobennosti demograficheskogo razvitiya soobshchestv korennykh malochislennykh etnosov vysokourbanizirovannykh territorii (na primere Kemerovskoi oblasti, RF) [The features of demographic development of indigenous communities in high-degree urbanized territories (case of Kemerovo region, Russia)]. In: *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruyushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki* [Native minorities in dominating society: practice of applied studies and efficient tools of ethnic policy]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014, pp. 225–236. (in Russ.)
- Markhinin V. V., Udalova I. V.** Etnos v situatsii vybora budushchego: Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya obraza zhizni khantov, nentsev, mansi Nizhneartovskogo rayona Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga [An ethnic group in a situation of choosing the future. Based on the materials of a sociological study of the lifestyle of the Khanty, Nenets, Mansi of the Nizhneartovsk district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Novosibirsk, Nauka, 1993, 205 p. (in Russ.)
- Nikolaev V. V., Nazarov I. I.** Nikolaev V. V., Nazarov I. I. Urbanization of the Indigenous Peoples of Altai in the 20th – Early 21st Century (Based on the Example of the Kumandins of Biysk). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 149–162. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-149-162
- Patkanov S.** Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and genera of foreigners (based on data from a special development of the 1897 census material)]. St. Petersburg, 1911, vol. 2: Tobol'skaya, Tomskaya i Eniseiskaya gub., 431 p. (in Russ.)
- Pivneva E. A.** Severniy gorod kak etnograficheskoye pole: Poisk novykh izmereniy [The Northern city as an ethnographic field: the search for new dimensions]. In: *Pole kak zhizn: K 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN* [The field as life: to the 60th anniversary of the Northern expedition of the IEA RAS]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, pp. 225–239. (in Russ.)
- Pivovarov Yu. L.** Osnovy geourbanistiki: Urbanizatsiya i gorodskie sistemy [Fundamentals of Geo-Urbanism: Urbanization and Urban Systems]. Moscow, VLADOS Publ., 1999, 231 p. (in Russ.)
- Rabinovich M. G., Shmeleva M. N.** K etnograficheskomu izucheniyu goroda [To the ethnographic study of the city]. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*], 1981, no. 3, pp. 29–34. (in Russ.)

- Seniavsky A. S.** Urbanizatsiya Rossii v XX veke: Rol v istoricheskom protsesse [Urbanization of Russia in the 20th Century: Its Role in the Historical Process]. Moscow, Nauka, 2003, 286 p. (in Russ.)
- Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, Sib. krayev. izd., 1929, vol. 1, 524 p. (in Russ.)
- Slezkin Y. L.** Arkticheskie zerkala Rossii i malye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, Novoye lit. obozr. Publ., 2008, 512 p. (in Russ.)
- Stas I. N.** Etnichnost v protsesse urbanizatsii Rossii: Sovremennaya istoriografi ya problemy [Ethnicity in the Process of Urbanization of Russia: Modern Historiography of the Problem]. In: Problemy i perspektivy sotsialnoekonomicheskogo i etnokulturnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa [Problems and Prospects of Socio-Economic and Ethno-Cultural Development of Indigenous Peoples of the North]. Khanty-Mansiysk, Format Publ., 2017, pp. 246–256. (in Russ.)
- Stas I. N.** Issledovaniya gorodskikh identichnostey v istoricheskoy urbanistike Sibiri [Studies of urban identities in historical Urbanistics of Siberia]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 5, pp. 1807–1821. (in Russ.)
- Tinikova E. E.** Transformatsiya gorodskogo rasseleniya v natsional'nykh respublikakh Yuzhnoi Sibiri v seredine XX – nachale XXI veka [Transformation of urban settlement in the national republics of Southern Siberia in the mid-20th to early 21st century]. *Novye issledovaniya Tuvy [The new research of Tuva]*, 2018, no. 4, pp. 235–257. (in Russ.)

List of Sources

- Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2020 goda. vol. 5. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami. [Results of the All-Russian Population Census 2020. Vol. 5. National composition and language proficiency]. (in Russ.) URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed: 06.07.2023).
- Perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Population censuses of the Russian Empire, the USSR, 15 newly independent states]. In: Demoskop [Demoscope]. (in Russ.) URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (accessed: 05.12.2020).

Информация об авторе

Василий Владимирович Николаев, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 55939564400
WoS Researcher ID Q-3727-2016
RSCI Author ID 395976
SPIN 2192-8084

Information about the Author

Vasily V. Nikolaev, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 55939564400
WoS Researcher ID Q-3727-2016
RSCI Author ID 395976
SPIN 2192-8084

*Статья поступила в редакцию 14.07.2023;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 14.07.2023;
approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 10.02.2024*

Список сокращений

АлтГПУ	–	Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
АМАЭС ТГУ	–	Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета им. В. М. Флоринского
АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БГПУ	–	Благовещенский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ
ВСОИРГО	–	Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры
ДВНЦ	–	Дальневосточный научный центр
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИГПУ	–	Иркутский государственный педагогический университет
ИГУ	–	Иркутский государственный университет
ИРАО	–	Императорское Русское археологическое общество
ИрГТУ	–	Иркутский государственный технический университет
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург
ИРГО	–	Императорское Русское географическое общество
КРИПКипРО	–	Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Кемерово
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
ОмГУ	–	Омский государственный университет
РНФ	–	Российский научный фонд
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	–	Советская археология
СВКНИИ	–	Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
СГСПУ	–	Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СПбФ АРАН	–	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
СФУ	–	Сибирский федеральный университет, Красноярск
СЭ	–	Советская этнография
ТГУ	–	Томский государственный университет
ХГУ	–	Хакасский государственный университет, Абакан

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ неисключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: <https://nguhist.elpub.ru/>.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62